

A close-up portrait of an elderly woman with short, wavy brown hair, smiling gently at the camera. She is wearing a light blue jacket with a decorative brooch at the collar. The background is a plain, light color.

Галина
Дубникова

ЛЮБЛЮ ПРОСЫПАТЬСЯ С УЛЫБКОЙ

О СЕБЕ И О ЛЮДЯХ –
в дневниковых записях,
стихах, газетных статьях

Галина Дубникова

ЛЮБЛЮ ПРОСЫПАТЬСЯ С УЛЫБКОЙ

О СЕБЕ И О ЛЮДЯХ –
в дневниковых записях,
стихах, газетных статьях

Пермь
2019

УДК 84(2=411.2)6

ББК 821.161.1

Д 79

Составитель

А. Зебзеева

Издательство благодарит за помощь в подготовке и издании книги

Л. А. Грузберг, И. В. Моргуненко, Н. А. Романову, Р. Ю. Сибаеву,

Э. Ю. Усачеву, О. Л. Штраус.

Книга подготовлена при поддержке Министерства культуры
Пермского края в рамках мероприятия «Пермская библиотека»

© Дубникова Г., 2019

© АНО РИЦ «Здравствуй», 2019

ISBN 978-5-86987-109-1

Жизнь Галины Александровны Дубниковой – яркий пример того, как, несмотря ни на что, найти свое предназначение, стать Личностью, творческой, активной и притягательной. С одной стороны, бесконечное преодоление разного рода препятствий, вызванных тяжелой инвалидностью и неготовностью нашего общества обеспечить достойное существование людям с ограниченными возможностями, с другой – деятельное отношение ко всему, что окружает, успешные попытки изменить это окружающее к лучшему. К лучшему для людей, оказавшихся в сходной ситуации. При своей ограниченной мобильности Галина Александровна отличалась неограниченной общительностью. Она была нацелена на людей, а люди, оказавшись в поле ее притяжения, платили ей дружбой и доверием.

Вся ее жизнь — непрерывная и неустанная работа. После окончания филфака Пермского университета (каких сил стоило только это!) – газетный корректор, корреспондент-обозреватель культурных событий в городе, а потом основатель первого и единственного в России издательского центра и газеты для инвалидов Пермского края «Здравствуй!». Газета на долгие годы стала одной из лучших в стране, а книги — востребованными и полезными. Г. А. Дубникова была страстным проводником идеи: одно из действенных средств реабилитации инвалидов – предоставление им информации об их возможностях и их правах – и служила этой идее последовательно, самоотверженно и верно.

Она была истинным филологом, литературным человеком. Верила в слово, любила слово и много писала сама. Ее архив чрезвычайно богат. Здесь и воспоминания о раннем военном детстве, и черновики ее ходатайств за чьи-то права, и множество газетных материалов о перипетиях создания общества инвалидов и родного детища — РИЦ «Здравствуй», и восторженные заметки об испанских путешествиях, и стихи, и письма, и дневниковые откровения, отразившие богатую жизнь души. Из них, как красочная мозаика из кусочков смальты, складывается автобиография человека страдающего, но неумного, неизменно настроенного на поступок, противостоящего жестокостям судьбы и благодарного ей за подаренные радости.

«Люблю просыпаться с улыбкой» – строка из ее дневниковых записей.

**ОБ ЭТОМ ЧЕЛОВЕКЕ
И ОБ ЭТОЙ КНИГЕ**

Пунктир ее жизни достаточно известен.

Родилась за год до большой и страшной войны.

В сорок первом ее мама, Мария Ефимовна, спасалась и спасала маленькую дочку прямо из-под бомб, которые падали на горящий город Минск. Бежала в Сталинград, а потом в Молотов (так называлась тогда Пермь). Этот город на Каме приютил в войну около двухсот тысяч эвакуированных. Они с мамой – двое из этих двухсот тысяч.

И был детский сад, куда отводила ее мама на всю неделю, и потому дорога домой навсегда запомнилась каждым камушком, блеском каждой лужи, каждого цветного стеклышка на пути. И тот же детский сад, выехавший за город на дачу, где сразу несколько ребятишек заболели полиомиелитом. Вакцины от этой напасти еще не было. Выжила она одна. Ясная головушка, ловкие руки – и убийственный пожизненный диагноз-приговор: девочка не только ходить не будет, но и стоять не сможет.

А ее поставили – в двенадцать лет. Хирурги-ортопеды вытянули-выпрямили ее одеревеневшие суставы и мышцы, на полгода заковали в гипс – до подмышек! – потом сконструировали аппараты, в которые можно было вдернуть ее нерастаущие и недействующие конечности – и она встала! Взяла в руки костыли и начала передвигаться самостоятельно.

И был замечательный класс в школе, куда друзья зимой возили ее на санках и иногда – в азарте гонки – с хохотом теряли по дороге.

Друзья сопровождали ее на симфонические концерты, вместе промерзая до костей в ожидании такси. Они ее любили. А кто ее не любил? Она везде немедленно становилась центром всеобщего заинтересованного внимания. В родном дворе тут же организовывался тимуровский от-

ряд, а она была его мозгом и летописцем. В крымском санатории вокруг нее клубились самые умные и остроумные, самые отъявленные книгочеи, стихолюбы и певуны – и границы ее эпистолярной дружбы раздвигались от Киева до Новосибирска, от Ленинграда до Архангельска.

В университет принимать не хотели: зачем? Выберите себе специальность попроще, что-нибудь руками делать научитесь. Шить, например. Да научилась она шить! Но она хотела головой работать, ей знания, ей вуз был нужен. Эта жажда нашла-таки отклик. И снова – такси, непреодолимые лестницы университетского корпуса, потому что аудитории, библиотека, раздевалка, туалеты наконец – всё на разных этажах. И ночёвки прямо на кафедре... Но – такая литература! И такие разговоры на равных! С такими педагогами! И другие ночи – над полотнищами факультетской газеты «Горьковец», расстеленными прямо на полу, в компании таких же одержимых. А среди этих одержимых – Надя Пермькова (Гашева), Марина Лебедева, будущие радиожурналисты, а потом замечательные литературные редакторы... Неплохая, прямо скажем, группа была.

На работу тоже брать не хотели. Должность корректора в издательстве «Звезда» стала чьим-то одолжением. Рутинная, но работа! И снова ожидание такси или унижительное выпрашивание служебных «колес»... Но зато работа! Зато у нее есть ее концерты, ее книги! А потом сложилась хорошая журналистская компания: она стала корректором в «Вечерней Перми». И появились даже редкие публикации в газете о концертах заезжих музыкантов.

А в конце 1980-х началась знаменательная, отчаянная подвигка – в борьбе и муках рождалось Всероссийское общество инвалидов. И в наступившую эпоху гласности прорезался голос у безгласных.

В Перми этим голосом стала Галина Дубникова. Она была одним из инициаторов создания Пермской организации ВОИ, участвовала во всех официальных и неофициальных спорах и разговорах – и формулировала, обращала в четкие словесные формы всё назревшее и наболевшее, все требования инвалидов к государству и гражданскому обществу, которые до той поры отводили от них взгляд.

«Лихие 90-е» были лихими далеко не только по разгулу беспредела, по болезненному слову всего привычного и трудному самоопределению в новой системе координат. Лихие – значит, и боевые,

отчаянные, рискованные и раскованные, открытые для начинаний, еще вчера ограниченных частоколом запретов и бюрократической косностью. А еще в те лихие годы одним из явлений, широко и резко распахнувших все двери, стал активный международный обмен. Дубникова побывала в Англии, была потрясена многим в системе отношений к инвалидам, а для себя вынесла главное впечатление – то, как заботливо и предупредительно снабжены люди с ограниченными возможностями здоровья информацией, с первых дней не дающей им оказаться в вакууме.

И тогда голосом инвалидов в Перми стала газета «Здравствуй!», которую она начала выпускать. А орудием информирования людей с инвалидностью и тех, кому инвалидность угрожает, – книги редакционно-издательского центра «Здравствуй», который она создала. Как легко сейчас говорить «начала выпускать», «создала». Вспомнила потом, как ездила по высоким кабинетам на своем «танке» – коляске, выпрашивая где бумагу, где деньги... Впрочем, кабинеты и буквально были, как правило, высокие, а лестницы к ним – без пандусов.

Всем кажется, что так было всегда: книги, газета. Но этого не было бы, если бы не было Дубниковой с ее верой и напором. То есть, наверное, что-нибудь подобное и возникло бы, но такое – было рождено и вынуждено ею.

Отметила год существования своего РИЦ. Пять лет, десять... Сегодня издательскому центру – страшно сказать – больше четверти века. Он по-прежнему один такой в стране.

И все эти годы – с первых дней – газета обрастала читателями. Им газета стала другом: находила им единомышленников, делила их боль и радость, давала необходимые советы, разъясняла законы, рассказывала о тех, чье отношение к превратностям судьбы может стать нравственным ориентиром. У газеты даже «выросли дети» – ребята, о которых она рассказала, когда они были маленькими, и вот они уже состоялись в жизни, в профессии, в любви.

Газета позволила воплотиться в слове десяткам людей, наделенных журналистским даром. Нет, не газета. Газета – это уже результат, конечный, так сказать, продукт. А между листом бумаги в черных типографских буковках и человеком, который напичкал эти буковки смыслом, стояла Галина Дубникова. Это она откликалась на любой признак способности к слову, она общалась с каждым, она деликатно правила текст каждого, увлекалась каждым, дружи-

ла с каждым. Их отношения становились отношениями родных людей, потому что она каждого – любила.

Она любила людей и свою работу, которая помогала людям жить. Иначе зачем было бы поднимать себя затемно, после четырех ночи, привычными, но долгими и нелегкими усилиями обряжать себя в тяжеленные аппараты, потом подхватиться на костыли, преодолев боль незаживающих подмышек... И появиться на пороге издательства во всем блеске продуманного облика: элегантный шарфик на шее, красивые кольца на ухоженных руках, приветливая улыбка. Она могла быть требовательной и жесткой, когда говорила по телефону с теми, кто небрежно относился к проблемам ее подопечных: голос становился металлическим, лицо твердело, глаза темнели. Но те, кто работал с ней и дружил, помнят ее встречную – здоровстуй! – улыбку.

Строка «Люблю просыпаться с улыбкой» – это, конечно, образ, метафора: она любила говорить красиво. Любой день начнется с преодоления и продолжится им же – непрерывным преодолением трудностей передвижения, зависимости от окружающих в малейших пустяках, неразрешимых, на первый взгляд, проблем. И все-таки улыбка! Это ее внутреннее, ее утреннее состояние: радость, что новый день наступил и принесет много интересного, и надежда, что всё еще будет, и всё будет хорошо. А окружающие читали в ее улыбке заразительную уверенность: да, всё будет хорошо, ты только чуточку потерпи, превозмоги свою слабость.

Такой ее знали все. Да вот не знали же! Не представляли себе цены, которой оплачена Галина улыбка. А этой ценой была могучая, полнокровная, бо́льшая и радостная, ранимая и израненная, глубокая и победительная жизнь ее души. Красивые слова? Но она ведь любила говорить красиво. А главное – это всё правда, всё так, в чем нетрудно убедиться, когда читаешь ее записи о прочитанных книгах, о музыке и музыкантах, о небе и о море, о метаниях и переживаниях, об одной из несостоявшихся любовей... Первая часть этой книги так и называется – «МОЯ ДУША». Эти записи – из дневников 1960-х, 70-х, 80-х...

Дневники она начала вести после окончания университета, когда душа ее просила самовыражения, но выхода творческие искания не находили. А в конце 1980-х вся ее страсть, весь журналистский темперамент ушли в борьбу за создание общества инвалидов. Ее дневники резко превратились в деловые книги. Они уже толь-

ко фиксировали перечень задач, шагов, встреч. Но и выступления ее в это время, прошения и ходатайства, обращения к людям или должностям сохраняют глубоко пережитое чувство и отличаются отсутствием всякого официоза. А в начале 1990-х – уже навсегда! – газета «Здравствуй!» стала ее «дневником», потому что отражала ее глубоко личное отношение ко всем проблемам, позволяла искренне высказать свою позицию, поделиться сокровенными размышлениями в «Колонке редактора». Вторая часть этой книги – борьба за общество, за создание газеты, жизнь в газете – называется «МОЯ ЗАБОТА».

«Работа» и «забота» – разница всего в одной букве. Но эта разница принципиальна: для Дубниковой ее работа и была ежесекундной заботой. Хотя на озабоченного человека она совсем не походила. Не было у нее такого угрюмо-сосредоточенного выражения лица. Часто смеялась – искренне, весело, заливисто, иногда сказав при этом: «Господи, какая же я легкомысленная! Правильно мама говорила».

Люди, дело, которому служила, музыка, книги, природа... Но была в ее натуре особенная страсть – страсть к движению, любовь к дороге. Неизменную радость приносила ей, обреченной на неподвижность, всякая поездка – близкая или далекая. Возможность вырваться на природу – а уж поехать в другой город или в другую страну! – была каждый раз бесценным подарком судьбы. Впечатления от нечаянной лесной прогулки или от граничащего с авантюрой вояжа за рубеж хранились в памяти как самые драгоценные, описывались, пересказывались и переживались заново, будто впервые. «МИР – МОЙ!» – воспоминания о таких прогулках и поездках.

Она бы, наверное, упрекнула: «Мой, моя, моё – не слишком ли эгоистично? И кому это «моё» надо?..» Да нам всем это ее «моё» необходимо, чтобы сравнить со своим: а чем живу я, не утратил ли привычку размышлять, наблюдать, переживать, чувствовать и сочувствовать?..

А всю книгу, наверное, можно было бы назвать «МОЙ МИР». В этом мире трудно и интересно, больно и празднично. Но в него надо погрузиться, чтобы понять, какой человек жил рядом с нами и как много он нам оставил.

МОЯ ДУША

Цветные стёклышки детства

Из дневников 1960–70–80-х

...Когда проснулась, хотелось броситься сразу к тебе, дневник, но то да сё, а теперь и пыл не тот – одна ноющая, подтачивающая боль. Хотела поведать тебе историю своей жизни, своего роста, но эту исповедь произнесу как-нибудь в другой раз...

Иногда во сне я бегала и утром не хотела открывать глаза. Закрывала их и надеялась снова увидеть чудесный сон. Но он не приходил, и я открывала глаза в день.

Детство было хотя и не быстроногим, не игриво-безоблачным, но детством, когда малейшая тучка, только что появившаяся, пропадает внезапно, пройдёт дождь, такой же кратковременный, – и на небе всюду солнце.

Правда, и тогда случались горькие слезы. Со своей кровати я видела солнечные крыши, где-то в отдалении – шапку деревьев. Я хотела на улицу. И тогда начинала тихонечко беззвучно плакать. Потом начинала беспокоиться: почему же мамы так долго нет? И уже голосила вслух. Наспех придумывала причины, из-за которых она задержалась. Отвлекалась. Но за окном играли мои ровесники, кричали, прятались и ликовали, когда находили друг друга. Я слушала и, не сдерживаясь, редела громко, со всхлипами и обильными слезами.

И не думала ни о чем другом, как только о том, чтобы скорее пришла мама и отнесла меня туда, к ребятам.

Время шло, я брала в руки куклу, скакала на табуретке к окну, влезала на подоконник и смотрела на улицу. Становилось спокойнее. Хоть увижу издали, как пойдёт мама.

А время шло. Ребята уходили со двора – мамы звали их обедать. Я тоже сползала с подоконника, скакала на

табуретке к двери и снова начинала скулить, временами затихая и прислушиваясь: не мамыны ли шаги раздаются на лестнице. Нет. И такая досада брала, что сдерживать себя была уже не в силах, едва не кричала.

Наконец слышу: идет она. Тяжело так, у двери тщательно вытирает ноги. Я быстренько вытираю глаза: стыдно почему-то.

Дверь открывается. Я потупила голову. Но мама всё заметила и не берет меня на руки.

– Ты залезала на окно и свешивала ноги на улицу?!

Шлепает меня по мягкому месту. Тут уж я по праву начинаю реветь. Она целует, гладит по голове, вытирает слезы и ласково-ласково шепчет:

– Обидела я свою доню... Но не лезь же на окно, ведь ты упасть можешь! Ты пойми маму, мама ведь одной тобой живет.

А я уже не могу рассказать ей, как я ее ждала, и ласка мне не ласка. Я, конечно, знала, как тяжело нам жить, но ещё не понимала насколько. Мама, вытаскивая из сумки говяжьей кости, показывает их мне и говорит:

– Вот и суп на несколько дней. Наваристый будет. А знаешь, доченька, сколько пришлось стоять за ними!

И рассказывает, как долго не привозили, как потом они с какой-то женщиной пошли к заведующей, та сказала, что привезут, и они опять ждали, а мама все время думала обо мне: а вдруг я упала и встать не могу, а вдруг на окно залезла... Как уж она боялась этого окна! А закрыть его наглухо не могла: в комнате душно. Я слушаю, все еще всхлипываю, но уже успокаиваюсь. Мама простила мне, я – маме.

Она раскладывает продукты, чистит картошку, ставит воду на керосинку, обещает:

– Вот сготовлю – буду читать.

Я люблю, когда мне читают. Мечтаю сама читать, воображаю, как будет тогда мне весело и сколько я узнаю. Только пока представить не могу, как это – уметь читать. Недавно мама прочитала мне «Радугу» Ванды Василевской. Я ревела

взахлёб, глотая слёзы, когда героиню спустили босую в полынью, вырубленную в реке, и она утонула. И сейчас мы читаем про войну – «Чайку» Бирюкова. Это о девушке Лизе Чайкиной, партизанке.

Когда научусь, буду читать сама, а то мама читает странно: читает-читает, да вдруг и остановится. Я знаю: она в это время глазами читает, а мне про это почему-то нельзя. А почему? Ведь там просто про то, как Лиза и Вася любят друг друга. Я тоже люблю. Маму люблю. Родину и Сталина. Почему же читать об этом вслух нельзя? Я прошу читать всё, а мама говорит, что там неинтересно, а сама быстро-быстро водит глазами по строчкам, перелистывает одну страницу за другой. Я смотрю и думаю: «А если бы немцы меня пытали, как Лизу Чайкину, выдержала бы?» Мне нетрудно ответить. Сердцем я бы никогда не выдала, но как стерпеть, когда тебя бьют? И я решаю, что, наверное, выдержала бы. Ведь я так ненавижу фашистов! Наконец мама читает снова. Я слушаю на своей кровати, прикрытая до пояса голубеньким ватным одеялом. Крепко держу кончик косы в руках и чуть рот открыла.

Мама иногда смотрит на меня и тихонько улыбается. Я знаю, ей смешно, когда у меня рот открыт, но он ведь сам открывается. И еще мама смеется над выражением моего лица: всё, что она читает, точнехонько отражается на нем. А я сержусь на маму. Лучше бы она не на меня смотрела, а читала.

Впереди праздник, целый праздничный вечер: мама обещала почитать. И слезы высохли, и я смеюсь, и скачу на табуретке по комнате, и кричу, и играю. Как это здорово! И мне – шесть лет.

Все-таки детство – чудо. Как чистое озерцо. Бросят камушек – пойдут круги, разойдутся, еще чуть потрепещет вода – и снова гладь ровная, чистая.

А сколько было до этого дня!

До этого дня была война. Был мой родной город Минск. Мама рассказывала о нем. Я не помнила ничего. Совсем маленькая была – год с месяцем, – когда в четыре часа утра ком-

ната наполнилась дымом, мама выхватила меня из кровати и кинулась по лестнице вниз...

...Из раннего детства в памяти ярче всего – как мы с мамой идем из садика!

Вот один такой вечер. Еще не очень поздно, но глубокая осень, да и в непогоду темнеет рано. Скорее всего, это суббота, потому что в садике я жила по шесть дней в неделю. Заветный момент: идем с мамой домой! Хотя какой он, наш новый дом? Кладовка в три квадратных метра в двухэтажном восьмиквартирном доме, куда нас с мамой привезли с железнодорожного вокзала Пермь I в 1941 году.

По маминым рассказам, поскольку в годовалом возрасте, разумеется, в моей памяти это следов не оставило, мы пережили двойную эвакуацию. Из Минска, где только что получили хорошую квартиру, в хорошем доме, в хорошем месте, после первой бомбежки и попадания бомбы в этот дом вынуждены были бежать в лес, а потом искать спасения у маминого брата в Сталинграде. Спасти не удалось: пришлось бежать дальше и дальше, в неизвестную точку на карте, про которую мама ни сном ни духом не ведала, – город Молотов. Долго ехали в промерзающей теплушке. Высадили маму на берегу Камы с двумя поклажами – за спиной мешок, на руках в теплом одеяле я. Сплю. На щеки снежинки падают, а может, и мамины слезы. Подошел возчик, который собирал приезжих, отвозил туда, где определяли им место жительства, а затем доставлял их по адресу. Этот человек стал ее успокаивать: чего, мол, плачешь, посмотри, какой малыш у тебя сопит. Уберегла же! И здесь тебе помогут.

Это не мои воспоминания, но порой мне кажется, я хорошо представляю, как оказались мы в Молотове в преддверье 41-го. На лавочке, на самом берегу Камы. Может, поэтому всю жизнь она к себе притягивает?..

Возвращаясь, однако, к тому, что и на самом деле помню. Мы идем из садика! Прошли страшное место – здание тюрь-

мы, в котором сидят нехорошие люди, подходим к нашей улице. На углу квартала стоит столб с раскачивающейся на ветру тарелкой фонаря. А внизу... Под ногами блестит глина! Если разбежаться, то можно по ней катиться, а можно даже войти в лужу, в которой плавает фонарная лампочка, и от этого сама лужа светится. Весело и немножко боязно: ведь кругом вода! Мама кричит:

– Что за ребенок! Простынешь, ноги промочишь. Выходи немедленно!

И что-то еще. Я же не думаю о том, что ей нужно нести полные ведра воды с неблизкой колонки, отмывать меня и от глины, которая налипала везде и всюду, и от недельной садиковой жизни.

Кухня большая, в ней большая печка и большая плита, на которой и грели воду. Мама мыла меня в корыте, закутывала в одеяло и несла на нашу кровать в нашем «пенале». Кровать узкая, но я прижмусь к маме, мы еще немного поговорим – и начинаются сказки во сне. А в них все мои друзья по садику, и Ася тоже. Когда меня ставили перед ней, она кусала меня за локти. Только во сне она не кусалась, а просто рассказывала про свой город Ленинград. Будто сама помнила. Ясное дело, ей мама рассказывала. И мне ужасно хотелось в тот город, хотя и во сне.

Наш чай, или завтрак, или обед по воскресеньям проходил в нашей комнате. В ней порог служил стулом, на котором мы с мамой уместались вдвоем. Табурет, покрытый клеенкой, превращался в стол.

Посреди комнаты на длинном проводе лампочка. Она меня пугала, потому что, когда становилось темно и ее включали, раздваивалась: точно такая же появлялась за окном. Мне было интересно, как она туда перебралась, но мама отвечала одно и то же: это отражение, как в зеркале. Я не понимала, что значит само слово «отражение», хотя везде и всюду сталкивалась с ним. Да хотя бы в тех же любимых лужах, куда меня просто затягивало. А если еще в солнечный день, да чтобы в ней

все небо с облаками отражалось! В самом деле, не могли ведь облака в лужу упасть! Они так высоко, а тут – вот, в самой луже!

И я могу по ним шлепать!

Садик наш, как говорили тогда, элитный – в него ходили дети сотрудников НКВД. Что это за НКВД такое, понятия не имела. Мама работала бухгалтером в той самой тюрьме, мимо которой обычно шли и которой я боялась, а мама почему-то говорила, что там и хорошие люди есть. Как те тети, которые сшили мне пальто из шинели (на вырост и очень неудобное, в нем бегать неловко).

Мой обычный путь из садика проходит под мамино ворчание:

– И когда ты будешь идти спокойно, за ручку, как все дети?

Зачем за ручку? Ведь столько загадочного за каждым поворотом, за каждым домом! И хоть краешком глаза да хочется заглянуть: а что там? Вот из таких перебежек и состоит мой путь.

А если на земле, да в солнечных бликах сияет осколок стекла! Да еще зеленый! Это настоящая драгоценность, которую можно потом долго рассматривать в солнечных лучах. Как в нем все переливается, сверкает, играет! Скорее спрятать его в кармашек, чтобы поиграть дома – ведь никаких игрушек у меня нет. Ни кукол, ни зверушек мягких. Что это такое – мягкие игрушки? Представить себе не могла. Садиковские не запомнились почему-то.

Ещё дорога домой состояла из подробного рассказа о том, что происходило в садике. И все песни, какие мы там выучили, непременно исполнялись тут же – от бодрых военных («У меня есть шашка на ремне, поскачу я ловко на коне») до лирических («По солнышку, по солнышку дорожкой луговой / иду по мягкой травушке я летнею порой. / И люблю мне, и весело смотреть по сторонам – / голубеньким и беленьким я радуюсь цветам»).

Мама слушает и улыбается. А одну песню почему-то попросила больше не петь. Зима, идем это мы, и я ору на всю улицу:

– Мама, мама, мама! Какая случилась драма!
Вчера была я девушкой, сегодня уж я дама!..

Смотрю, мама даже не улыбнулась, только попросила меня песню эту забыть. Зато сзади раздался смех. Какой-то дяденька на костылях шел и хохотал вовсю. Вообще-то я видела много дяденек – то на костылях, а то на каких-то дощечках с колесиками. Они в госпиталях лежали, их с фронта сюда привозили. Эту информацию я уже усвоила. Тот дядя, видимо, тоже из госпиталя. Он нас догнал, похвалил меня, сказал маме, что у него есть такая же дочка, только вот не знает, где она сейчас. Он очень хотел взять меня на руки, да на костылях неудобно. Вот и пойми взрослых: то я молодец, а то – больше не пой.

Или другой момент, как стеклышко из калейдоскопа моего самого раннего, ясного детства. Мама по дороге сказала, что знакомая тетя мне (!) передала привет (???). Спрашиваю, какого он цвета и куда его мама положила. Она только расхохоталась. Тут я прямо-таки бежала домой, без всяких разворотов-заворотов, мама еле за мной поспевала. Едва пришли в нашу кладовку, как мама отправилась на общую кухню готовить еду, а я давай вытягивать мешки из-под кровати: где он и каков этот самый привет? Можно только представить мамино удивление, когда она вернулась: я сижу на полу в ворохе ба-рахла, реву и, разводя руками, обиженно выговариваю:

– Привета не нашла...

Но особенно запомнился мой самый счастливый детский день. До мельчайших подробностей.

Почему-то мама пришла за мной в садик с утра. Все уже говорили о Дне Победы. Видимо, решила я, это день, в который все поют – по-пе-ты. Конечно, мама и раньше говорила, что вот мы врагов, фашистов, победим, и тогда все вернутся домой. И мы тоже вернемся в Минск, в новую хорошую квартиру. Ну вот, этот день пришел, всех фашистов победили – значит, и мы сейчас пойдем собирать вещи и уедем.

Но мы прямым ходом отправились в Красный сад – это поз-

же он стал садом имени Горького. Сколько удовольствия мне было подарено в этот день! Мама купила пирожок, потом пельменки на палочке, потом вкусную водичку, которая за язык щипала. Потом на чем-то меня покатали. Потом мы прошли по всяким тропинкам и дорожкам, как в лесу. И, наконец, очутились в настоящей сказке – в летнем театре, на представлении о Емелишке, который лежал на печи.

Мне хотелось прыгать, вертеться, кричать на весь белый свет. На одной площадке какие-то ребята пели и танцевали. Я смотрела-смотрела да как рвану в самый круг хоровода и давай выделять всё, что другие дети. Вот уж где растворилась в общем веселье! После этой гастроли мамина рука зажала мою ладошку покрепче и ни на секунду не выпускала.

Потом мы пошли на берег Камы. Сели на лавочку, смотрели на катера, на плоты, на берег, весь в бревнах. Пока я, наконец, не заснула на маминых коленях.

А вечером, уже совсем поздним вечером, когда мама купала меня в корыте, раздались громкие выстрелы, в небо рванулись цветные фонтаны – это был салют. Я помню, что сначала испугалась, когда бабахнуло: вдруг это снова пришла война! Но меня успокоили: победу так отмечали!

...Это был самый счастливый день моего раннего детства, потому что потом ничего, о чем мечталось, не случилось: ни возвращения в Минск, ни хореографического училища, куда очень советовали отдать меня наши временные соседи, артисты Кировского театра из Ленинграда, ни...

Случилась жестокая болезнь, которая распорядилась по-своему всей моей дальнейшей жизнью. Совсем другой, но оттого не менее интересной. А закваска из самых ранних лет осталась на всю жизнь: яркий калейдоскоп из моего счастливого детства в эвакуации – другого же я не знала.

...Я лежала без движения в нашей такой большой комнате – целых двенадцать метров после трехметровой кладовки! – пустой, лишь две железные кровати да подаренный знакомыми,

которые уезжали из эвакуации, огромный, чуть не в полкомнаты стол с двумя таинственными ящиками. Печь с железной площадкой, клюкой, ухватом в углу и лопаткой, которой мама загребала угли в печку.

А в печке – выемка, занавешенная снаружи марлюшкой. В этой выемке варился суп. И окно. Оно казалось непомерно большим. И всё в рамках-планках.

С кровати, на которой я лежала после возвращения из больницы, были видны крыши и небо. Крыши серые и то темные, когда скрывалось солнце, то светлые, почти белые, когда солнце выглядывало.

А зимой были видны струйки дыма над крышами да снежные сугробы. Ранней весной появлялись отважные смельчаки, которые, даже не привязываясь к трубе, делили все поле лопатами на ровные квадраты и сбрасывали эти квадраты вниз. Крыша становилась мокрой, скользкой, а затем совсем высыхала, и шифер играл в своих ребрах-волнах. Да еще была у нас тумбочка военных лет. Там лежало белье. И матерчатый сизый ранец с грудой ложек, вилок, ножей. С этим ранцем я мечтала пойти в школу.

И все-таки я была не одна. Вечерами мама всегда была дома. Топила, читала книжки.

И еще была Тамара. Мне тогда исполнилось шесть лет, ей – восемь. Маленькая, с надутыми губами, коротко остриженными волосами, чуть выпяченным животиком и живыми глазищами. Глаза серые, в больших красивых ресницах.

Тамара и ее мама-учительница жили за стеной. У меня не было куклы, а у Тамары была. И вот однажды, когда мама только что привезла меня из больницы, заходит Тамара и, как давно знакомой, протягивает куклу. И сразу стало ясно: Тамара пришла ко мне, она рядом и будет со мной играть.

В долгу оставаться не хотелось. Я взяла куклу и попросила листок бумаги. Нарисовала что-то вроде круга с хвостиком:

– Это я тебе дарю. Правда, он похож на живого?

Тамара посмотрела... и тоже нарисовала. Ее кот был так похож на настоящего! Стало досадно: почему я так не умею?!

Выходит, она и рисует хорошо.

А как я ждала ее из школы! По шагам на лестнице научилась различать мамины и ее шаги. Потом она делала уроки, а я, затаив дыхание, следила за каждым ее движением. Наконец уроки выучены, мы играем.

Тамара вскакивала на пальчики и, как балерина, ходила по комнате. Настоящая балерина. После начинала танцевать го-пак, татарский, грузинский и другие. Я пришлепывала в ладоши, пела музыку, а Тамара, вся покрасневшись, раскидывала руки, плясала и плясала, и мы обе были счастливы.

Радости же было, когда Тамара рассказывала новое кино или про все, что происходило в классе! Всех девочек ее я знала и относилась к ним точно так же, как Тамара. Никакого слова другого, кроме Тамариного, не существовало. Ничто не было таким интересным, как ею сказанное. У меня не было собственного мнения!

Тамара любила распоряжаться. Я же боготворила ее и, чтобы ее порадовать, уверяла, что полностью с ней согласна. Если же в чем-то случалось несовпадение, она уговаривала меня, чтобы я согласилась с ней. А сила убеждения у нее – на все сто! Попробуй не согласишься. В общем, это мой кумир и мой бог. Точнее, кумир и бог моего детства¹.

Из дневника 1970-х

Думала ли, что буду сегодня вот так сидеть там, где хотелось бы? Ведь мечтала об этом так часто. Вот и сбываются мини-цели. А что для их свершения было надо? Совсем вроде и мало.

Вчера – на Каме. Солнце согрело. Оттаяла. Первая цель сбылась. Мелко же. А как думалось об этом! Сейчас вроде

¹ «Кумир и бог детства» – доктор географических наук, профессор Пермского государственного национального исследовательского университета Тамара Павловна Девяткова – осталась верным другом Галины Александровны Дубниковой на всю жизнь.

исполняется вторая моя мини-мечта. Я в саду! По радио отличная музыка. Сыплются сережки, вернее сказать, липучие остренькие «овсянки» с тополей.

Перед глазами (а я их никогда не отвожу) – лишь листок да внизу играющая земля. Солнце и играющая листва, вернее, тень. Не думала, что солнце может играть и на земле! Значит, бывают не только бенгальские огни воды. Что со мной? Я оттаяла! Я готова каждому говорить только ласковое, доброе.

Хочу согреть всех, хочу, чтобы было всем вокруг так же, как и мне. Сердце обнажено. Будто после долгой спячки или после адской темноты вышла в полный живой мир. Самое главное – небо, нежное, ласкающее и очень высокое, до захлёба. И солнце. И ветер. Нет зноя, нет истомы. Весенняя свежесть. Море проснувшихся звуков, птицы, дети, шорох листьев – и их игра: мигают, дрожат... Да еще песни на радио, отличные, грустные, захватывающие – как раз по сердцу.

Великое чудо – эта жизнь. За этот хотя бы краткий миг стоит перенести годы страданий. Чтобы упиться всем этим. То ли долго беспросветность маячила передо мной, то ли так болело все в душе, что передышка – это уже неизмеримое счастье. Что бы ни происходило, так и пристает оно ко мне во всей значимости, в огромном размере – объёмно, цветасто, выпукло. Это редкость, по крайней мере, для меня, видеть все так, как оно есть. Не хмуро, не серо, не посредственно, а в своем живом, природном, чудном величии.

Если бы еще малость: чтобы Юльке было гораздо лучше, да Светка была здорова, да Лёшка начал говорить, да Таня² нашла себя, да я бы все-таки перестала трусить, чтобы написать мое, заветное. Неужели так и останутся одни праздные, блаженные мечтания? Даю слово. Ведь очень просто. Самое главное – настроить себя соответственно. А именно! Ждать чуда, обязательно в него верить. Чудо «оконкречить»... Думать, думать и прикладывать руки. Да не заслоняться, не строить искусственных преград.

---

² Друзья и дети друзей.

А шум вокруг – будто сильный, упругий, цельный дождь всей своей мощью пляшет по асфальту. Не раздумывает, не касается земли осторожно, кончиками ногтей, а мчится, скачет во весь опор. Так шумят вокруг деревья. Но зачем же я сравниваю этот шальной шум с мокрым, тоскливым? Кстати, и дождь бывает веселым, радостным, скорым. Мир – большой и шумный, цветной и щедрый.

Кажется, замолчало радио, и мысли не станут плавиться от душещипательной музыки, а обретут более трезвый смысл.

Но снова музыка, и я – как конфета, тающая на солнце. И радостно, и блаженно. Что за чушь! Что за каша манная? Честное слово, со мной творится что-то очень странное – прямо-таки греховно-блаженное. Тополь осыпает своими колючими душистыми иголочками. А сад-то – из детства.

Я встречала в нем День Победы, когда ходила в платицах чуть ниже попки, не ходила, а прыгала, не говорила, а пела или плакала. Всё видела сказочно великим: деревья – до неба, фонтаны – как водопады. Здесь сосала сладкие, липкие, красные петушки и рыбки на палочках. Сосала до тех пор, пока рука не прилипала к перемазанной физиономии.

Потом был сад седьмого – восьмого класса. Когда всё удовольствие – пройтись по главной аллее туда-сюда. Да с самым наисерьезнейшим видом усестись в раковину и слушать «серьезную» музыку. Да быть, как могла, серьезнее, взрослее. Уже шла, но шла на костылях. Уже чинно ела мороженое, уже скрывала свой восторг за словом: «Ничего». Дутый скепсис, немногословные ответы.

Сад – гуляние, отрада. Сад, куда мчались в выходной. В нем хотелось тайно, чтоб никто не знал, покачаться на качелях, выпить газировки. Но это скрывалось!

Потом сад был чем-то отталкивающим – прибежищем всякого сброда: пьяниц, потаскушек, легких девчонок. (Боже, а чем я-то сама себя считала?) Потом был сад только нянек и солдат...

Теперь это сад добрый, чуть грязноватый, место отдыха и

раздумий, детей и воспоминаний. Как три вальса у Шульженко – эти мои три песни моему Красному, моему Горьковскому саду...

Из статьи в газете

«Аргументы и факты – Прикамье». 2008. № 49

...Я заболела в пять лет. До двенадцати лет была полностью парализована. Училась на дому. После двух тяжелейших операций стала ходить на костылях. И сразу – в обычную школу.

Директор, прежде чем познакомить с классом, сказала ребятам:

– Сейчас к вам придет девочка. Она – как Зоя Космодемьянская. Перетерпела столько боли. Ей нужно будет помогать. Но только тот будет помогать, кто хорошо учится.

Класс разбился на пары. Сегодня эта пара помогает, завтра – другая. Ребята каждое утро приходили за мной. Брели портфель, и мы шли в школу. Так же провожали домой. И хотя я без костылей не могла сделать и шагу, я «летала» по школе, по улице. Худенькая, я носилась на костылях, как савраска без узды. Семь лет без движения! И усидеть мне было трудно. Именно в шестом классе началась моя активная, энергичная жизнь. И появились настоящие друзья. Я дружу с ними и по сей день...

Мы любим всех. Пожилых людей, ветеранов войны, многодетных матерей... Но только раз в году. В лучшем случае, как, например, с нами, инвалидами, любовь растягивается на декаду. Так удобнее чиновникам. Да и трудно любить всех, кто нуждается в заботе и помощи, круглый год. А зачастую эта одноразовая любовь – отчётно-показушная.

Имею право говорить так. В 1959 году я окончила школу и решила поступать в Пермский университет. Оказалось, что инвалиды вроде меня университету не нужны. Мне прямо сказали:

– А зачем вам, неходячей, учиться? Вы можете шить на дому, вязать.

Я, наивная девчушка с длинными косами и на костылях, набралась наглости и заявила ректору:

– Нам в школе говорили, что мы скоро будем жить при коммунизме. А там не будет ни одного необразованного человека. И что же, вы лишаете меня права жить в светлом будущем?

Документы приняли, но на заочное отделение. Я сдала экзамены и стала студенткой филологического факультета. Училась на «отлично». Через год преподаватели настояли на моем переводе на дневное отделение со свободным посещением занятий.

После окончания университета история повторилась. Полгода я скиталась по разным учреждениям, организациям. Но так и не смогла устроиться на работу. Помогли мои бывшие преподаватели. Они обратились в обком партии, и только после этого меня приняли в издательство «Звезда» корректором.

***

1960–1970-е годы – время, занятое поисками и осмыслением своего предназначения, метаниями и сомнениями. Рутинный и довольно-таки нудный труд корректора был, разумеется, не для её натуры – активной, подвижной, жизнелюбивой и творческой. Но она выполняла эту работу с усердием перфекционистки, утоляя свою страсть к высокому музыкой, посещением театров, чтением.

В дневниках мало записей про то, что делала, что было, что происходило. Это дневники не событий, а переживаний. Думалось сначала подразделить их по конкретным темам (например, «Мои книги», «Моя музыка», «Мое море», «Мои поиски и метания» и т. д.). Но оказалось – это невозможно. Каждая прочитанная книга, каждый концерт, каждое впечатление от неба и облаков – не взгляд со стороны, не просто описание, не рецензия и не читательский отклик. Это всё пропущено через себя, каждый раз пережито и перечувствовано, становится отправной точкой для размышлений и самоанализа.

И хронология тут ни к чему – жизнь души не фиксируется календарно. Так что пусть уж будет так, как было в жизни: всё че-

редуется в соответствии с логикой самой жизни, а эта логика непредсказуема.

Итак, 1960–1970-е. Галина Дубникова работает корректором в издательстве «Звезда».

❧ ...Каждое утро люблю ехать на работу. Часто еду вместе с луной – старой, большой, а потом откуда-то появляется маленький серпик.

А дома – сонные, неуклюжие громады на фоне черного неба. То один глаз вспыхнет, то другой, а иные глазищи под ресницами штор уже давно готовы встретить день – ждут своего часа.

Маленькие домики кажутся иными – все в них нестандартно и таинственно. Кажется, будто глаза в этих домах добрее, взрослее, умнее.

Это субъективно. А сегодня вдруг раскрыл глаза новый великан. Еще вчера он спал, еще не родился, он спал, а вот сегодня утром пробудился. Сколько людей! Сколько семей, детей, профессий, судеб, драм, любовей, новых надежд – и бед, горя. Тут своя книга, своя история родившегося дома. Она началась сегодня, отсюда.

Я приветствую тебя, дом-великанище! Даже таксиста попросила гуднуть. Он слегка надавил на кнопку руля, а сам дико глянул на меня: мол, что ли жду кого?

– Нет, едем дальше! – а самой хорошо и радостно.

А еще у всех машин сзади шлейф: у легковых – этакий легкий газовый шарф. У громад-автобусов – целые завесы, а троллейбус-машина движется, как муравей с неимоверным грузом, и в то же время похож на толстушку-школьницу с тремя бантами – в косах и на макушке.

Еду я и по дамбе, широкой, длинной, в коридоре сказочных палиц – фонарей. В середине дамбы вползает в гору трамвай, а за ним по рельсам бежит огонь, сыплются искры, синие, зеленые, желтые. Мы обгоняем всех, мы мчимся, в стекло бьет ветер, мешает нам, и мы летим.

...Типография – рукой подать. А там ужасно скользкий коридор (пол-то мраморный), сердце в пятках замирает: упаду – не встану!.. Спускание-взлетание на лифте – и медленное шествие с остановками через весь цех в свою корректорскую. А затем и она – душная, уже своя – то с желанной свободой, то глаза бы не глядели. И в то же время – новые встречи с людьми...

❧ ...Дали бы такую возможность, работала бы сама с собой, с бумагой – без конца. Хочу говорить – и не выговориться.

Записываю почти каждый день, но маленькое «но»: что и как записываю? И гены подкачали, и воловьего трудолюбия не хватает... Еще могу развивать мысль, но столько веточек от нее, что растекаюсь, забывая о русле. Вся отсюда трагедия – стремясь охватить всё, разливаюсь вширь – и мелко получается. А мелкие места либо быстро заболачиваются, либо испаряются, высыхают. Надо бы глубже. Вглубь пробиваться, чтобы подземные ключики наполняли.

День прошел. Убит? Можно ли так сказать, если читала! Читала чистый, неподдельный, мудрый, легкий, сбитый, сколоченный, динамичный юмор Фазиля Искандера. Это колодец артезианский! Честное слово!.. Сколько находок! Хочется выписывать и запоминать буквально всё! Динамичный слог, упругий, сжатый, как пружина, и сильный, с большим прицелом.

«...День прошел.
Убит? Можно ли так
сказать, если читала!»

❧ ...Достоевский. Его гротескные фигуры и такие же чудовищно-обличающие ситуации, их неизменно-эгоистическая сущность, их тлетворно-паразитическая амёбность, их мастерский портрет – и вот Россия XIX века. А чем-то и современная. Где-то и сейчас эти гротескные фигуры существуют, правда, уже в современном платье и обличье, опираясь на современные ситуации. Однако суть их мыслей, и дел, и масок осталась.

В общем, читая «Бесы», я испытываю жуткое ощущение присутствия на шабаше подлецов, где ни одна человеческая черта не замарана ложью, изуверством общества, где ловчат, юлят, сходят с ума. Там все – сумасшедшие. Читаю, хватаюсь за голову и... сужу себя. Неблагодарное занятие, от которого силой бы уйти, а твоё – в тебе – перед собой же пригвозждает. То я тоже сужу и обвиняю неудавшиеся обстоятельства. То приговор выношу себе. Не бунтую, но долго хожу, не видя, не чуя ни цели, ни смысла. Быть слепой душевно – это ли не самый жуткий приговор?..

«Быть слепой душевно – это ли не самый жуткий приговор?..»

❧ ...Зашла на работу. Сразу догадалась: должен приехать секретарь райкома комсомола и мне, 26-летней старухе, сменить комсомольский билет. И такая торжественность! Ёкнуло сердце: вспомнила, как 14-летнюю везли на «козlike» в райком – далеко. Вручали билет, а я такой верой, таким энтузиазмом горела. Клятву сердца дала никогда не идти на компромисс с совестью и совершить что-то такое вроде подвига. И вот сейчас всколыхнулось прежнее, стало малость смешно за мечты о подвиге, хотя мысли о своей ответственности никогда не покидают. Мысли же о несбывшихся планах больно режут сердце, и я зло говорю себе: так и надо, так и надо, не надо маниловщины и прожектёрства.

Мигом расставили стулья, окинули взглядом комнату – порядок матросский: всё голо и чисто, а мы, как болты на палубе, ввинчены в свои места. Читаем. А ухо ловит каждый звук в коридоре: не к нам ли?.. Совсем тогда, когда перестали ждать, дверь распахнулась, важно проплыл животом вперед парторг (двойственное отношение к нему: ничего-то он, кроме банальных фраз, сказать не может, никто-то его не любит, ни в чем не разбирается, такое жалконькое безголовое существо), начальник цеха, заместитель, сам секретарь. Только корреспондента для передовицы не хватает!

И вся эта свита торжественно подплыла к столу. Наши замерли. Прислушиваются. Секретарь Слава протянул комсомольский, пожал руку и долго что-то говорил (не помню что, в общем, что-то о долге, об обязанности, о нагрузке и т. п.). Парторг серьезно качает головой: чему поддакивает – и сам, наверное, не знает. Каждый потряс руку. Промолвила что-то о благодарном обуявшем меня чувстве, что-то вроде «Служу Советскому Союзу!»...

❧ Не могу собраться с мыслями. Даже конечности онемели. Хотя с утра вроде бы и спокойно было: весна, солнце, правда, неяркое, чуть просачивающееся. Струпья льда шелушились и шуршали под ногами, оставляя лунки, наполненные талой водой. Пальто вмиг нагрузило, истома ленью окутала тело, но воздух... острый, свежий, напоенный талым сквозящим ветром, омывал лицо, как холодная вода – разнеженное тело спросонья.

Два часа простояла на крыльце – ждала машину. Занятие, конечно, не из приятных. Но со мной был Пастернак. Значит, по существу, я была в том мире большого солнца, гигантских материй и человека, у которого все не мелко, все измеряется теми же великими размерами. Эпохальное и мировое – на молекуле, на золотой точке мира. Поэтому нет мелочи, нет ничтожности, нет приземленности даже в самом земном.

Пастернак – глыба. И мне каждый раз радостно, когда вчитываюсь в него, хоть какой-то сторонкой приобщаюсь к его празднику, как один из гостей на его огромном пиру. Не беда, что в сторонке, что не видна, главное – доходят до меня его слова, доходят с полусшепотом, с интонацией, и я тотчас отзываюсь чуткой мембраной.

❧ Сегодня узнала новую жизнь, нового человека – Владислава Титова. Горняк, спасший жизнь другим, остался без обеих рук: как обрубок, не умеющий даже хлеб поднести ко рту. Я не могла спокойно читать. Все во мне бушевало, рвалось наружу –

от боли за себя, за свою неустроенную судьбу, а самое главное – за то, что до сих пор не могу найти свое место в жизни. 26 лет. Ничего не сделано, позади ожидания. Надежды. Вера. Впереди – одна пустота и маниловские мечтания. Что делать? Назло всем чертям показать, что и ты все-таки на что-то да способна, что есть порох в пороховницах. В каких же глубинах он и как извлечь?

Слава Титов сумел подсмотреть психологический момент – такой рубеж в человеческих мыслях, когда сила жизни берет верх, а самоубийство бессмысленно... Жить, несмотря ни на что, жить с вечным огнем и упорством, с желанием творить, работать, показать хороших людей другим хорошим людям, стоящим не так высоко на моральной человеческой лестнице. Пусть им будет эта жизнь напоминанием: а что ты, здоровый, с полным комплектом органов, сделал?

Как же быть, когда рвешься душой, но крыльев нет, от всех зависишь, и все дают тебе это почувствовать?

Отличные мысли и о протезных мастерах. Много шумихи, крику о механизмах, электронных аппаратах, но носим мы тяжелые, неуклюжие, грубые изделия, раздражающие до предела, а ведь это части нашего живого тела, плоти нашей!

Бог мой! Как порой бывает невообразимо тяжело: кажется, откуда-то изнутри поднимается все нарастающая волна раздражения, злости: всё давит, всё неуклюже торчит сквозь платье, всё так неэстетично, уродливо. Стараюсь быстрее проходить мимо зеркала. Хочется скинуть аппараты, дико и громко заорать. Но обуздываешь свою боль, стискиваешь зубы...

❧ Ладислав Фукс³. **Вариации для темной струны.**

Один немецкий поэт написал как-то, что если к человеку придет боль, то он должен притихнуть и спросить себя, чего она от него хочет.

---

³ Ладислав Фукс (1923–1994) – чешский писатель, сценарист. Заслуженный деятель искусств. Доктор философии. Литературная манера близка стилю Франца Кафки.

Вечная любовь, написал он, приносит человеку боль не только для того, чтобы он мог плакать. Страдание есть, с одной стороны, несчастье, но с другой – это милость и великая школа. Оно делает человека утонченным, открывает ему чувство музыки, в которую обычный человек не вслушивается, открывает ему смысл жизни. Человек благодаря страданию учится преодолевать себя, быть по отношению к себе суровым, не показывать виду, хорошо ему или плохо, учиться никогда в душе не уступать никакому насилию...

Самая разная жизнь – от умытой зелени до душной предгрозовой тяжести, от равнодушно-цепкого тумана и морозящего предательского дождя по весне – до пестротканого осеннего убора в застывшей тишине.

Книга созвучна и мне, и моим настроениям, и тем пластам и измерениям, в которых приходится быть и мне (конечно же, не только мне). Мир грубый и хрупкий, аляповатый и нежный – вечный букет жизненных чувств и ощущений.

❧ Рэй Брэдбери. ***Вино из одуванчиков.***

Хоть и иллюзия жизни в книгах, но с нею жизнь становится краше. Лучше стоять на цыпочках и рваться в небо. Чудо-юдо, настой детства, прекрасная сказка с мудрыми условностями и наивным внешне сюжетом.

Это фантастика жизни, но реальность чувств. Порой они в нашей обыденности из-за чистоты и опьяненного жизнелюбия кажутся наивно-фантастическими. Идеал. И все-таки хочется приобщиться, принять в себя.

Добрая, великая улыбка.

Я всегда считала, что истинную любовь определяет дух, хотя тело порой отказывается этому верить. Тело живет только для себя. Только для того, чтобы пить, есть и ждать ночи. В сущности, это ночная птица. А дух ведь рожден от солнца... Разве можно сравнить тело, это жалкое и себялюбивое порождение ночи, со всем тем, что за целую жизнь дают нам солнце и разум?

Все это мудро, тонко, вкусно, сочно, грустно, безудержно-весело – как разные струны громадной скрипки – жизни. Смычок – наша воля.

❧...О чем я, собственно, захотела сказать, что ринулась к дневнику?

Прежде – о небе. Сегодня живое небо, впервые за всю погоду и блестящую белизну зимы. Пару часов оно буквально сияло. Цвело и справляло какое-то свое торжество. Иначе не скажешь. Оно ошеломило меня. И хоть радоваться нечему, я почувствовала на какое-то мгновение окрыленность и радость. И сколько бы ни восторгалась «Анданте весны» Чурлениса, природа никогда не уступит самой распрекрасной копии – пусть даже кисти мастера. Так каким же все-таки было сегодняшнее небо? Не подсолнечным, не золотым. А словно медью, налитым румянцем радости. И все, что виделось на его фоне, обрело штриховой контур. Деревья... Черные абрисы веточек и вены веток с торсом – стволом – как живые скульптуры. Это с одной стороны. А с другой – незащищенность, незаконченность и вечное дыхание начал. А дома от этого ярко пламенеющего с таинственным нимбовым сиянием неба – тоже таинственные. Точно в предгрозовом свете. Утомленные, припылённые. Почему-то захотелось сравнить их с полукружьями вокруг глаз. Так же значительно и загадочно. А дороги – как в чахоточной синеве. Потому что и цвет неба сгустился, стал насыщеннее. И теперь из желто-оранжевого – к малиновому и лиловеющему. А на востоке в голубых разводах повисли белые с розовой подпалиной облака. И небо тут даже не синее, а зеленовато-изумрудное. В общем, оно еще то! Смотреть и растворяться.

Смеркается. И постепенно
Луна хоронит все следы
Под белой магиею пены
И черной магией воды...

Опять Пастернак. Упивалась все последнее время им. Я болела, а его «Высокая болезнь» для меня – исцеление. Это особый ключ для того, чтобы перекликались ценности мира и твои крохотные сбережения. Его слова – это кристаллы высокоценные, многогранные, вобравшие в себя весь свет и всё солнце. Все тени и их отсветы.

❖ Анастасия Цветаева. **Воспоминания.**

...Со страхом и внутренней тревогой берусь за перо. И еще примешивается множество чувств: трепет перед только что узнанной жизнью, благоговейное почитание; боязнь ополшить и приземлить чистоту и высоту, страсть и искренность, с которой Анастасия Ивановна Цветаева, а лучше – Ася, вспоминает свою жизнь: зарождение вкусов, взглядов, оценок, рост ума и его блеск. И я просто боюсь как-то припылить все это моими мелкими оценками (не оттого, что они не от сердца, а из-за скудости моего «строительного материала»).

Итак, прочла. Читала – как жила: были дни и вечера, когда я точно была в доме у Цветаевых, закрывала ставни, оставалась с глазу на глаз с Асей, Мариной, с их комнатами, праздниками, открытиями, щедростями, разочарованиями – с той живой жизнью, в которой царили две царевны, две девочки, два тонких и умных существа (банально!).

В общем, эти воспоминания – не просто хроника тех лет. Словно собака, чую запах и вдыхаю, втягиваю в себя с блаженством и голодом. Всё время на грани чувств, которые сродни их чувствам. Причащаюсь. А. Цветаева доверяет тебе всё: и не только реальность, а именно догадки, чутье, мечты, предположения, восхищение, слезы, окрыленность.

И вот тут я подхожу к главной ценности книги – к ее воздействию. Во мне будто шла операция: спадала пелена с глаз и чувств. И чем больше будет таких общений и соприкосновений, тем тоньше и тоньше моя скорлупа...

Нет прямых мостиков-обращений к читателю. Но я и без этих мостов растворяюсь в прошлом – в океане ума, духа, богатства

его и щедрости. Много узнала! Именно сердцевинку – то, из чего сложился характер и как он складывался. Корни творчества. И непонятная прежде надменность, гневливость, строгий отбор людей, что связывались порой с

именем Цветаевой, проясняются и находят себе объяснение. Не каприз, а норов сильной натуры, целостной, привыкшей владеть безраздельно.

Очень подробно показана та лестница, по которой стремительно взбегали ввысь эти девочки.

Я видела яркий огонь их жажды познать – во всем. Я видела всех, от кого питались они соками. Это и мать, и отец в своей отрешенной работоспособности, доброте и горе, и природа, дарящая им удивление миром: восходы, закаты, травы и ореховые тропки, реки и пышные, расцвеченные, почти глянцевые южные края: Италия, Франция, Швейцария. И Русь березовая с ковром оживающей талой земли и первыми проклюнувшимися травинками, и такая же щедрая, но грустная – в ковре из осенних листьев, золоте ломких скрещенных лучей солнца...

Я пила воздух сумерек и рассвета, слушала хруст снега – нафталиновый, сдерживала дыхание пред великими мира сего, удивлялась доступности и простоте их. Я дрожала и колотилась в их любви и их очаровании кем-то. И страдала, как если бы сама расставалась при их прощании. Грустно, но прекрасно. Жадно к жизни, молодо и недостижимо восторженно – все это было и со мной.

Если говорить о воздействии, то оно – самое высокое, иначе не скажешь. Равняться – и вбирать, богатеть, рваться безудержно к тому, что порой ускользает, а порой из-за лени твоей недостижимо. А после по-обломовски подводишь «приход» и «расход» и видишь, что почти банкрот.

Речь – живая, со всеми на полутоне оттенками, с вопросом,

«...Спадала пелена с глаз и чувств. И чем больше будет таких общений и соприкосновений, тем тоньше и тоньше моя скорлупа»

утверждением и вопросительным утверждением. Длинные – со множеством вводных – предложения, в которые уходишь, как в водоворот, чтобы почувствовать глубину до захлёба. Цвет, свет, запах, динамика вещей, дел, мыслей... Образ – как взведенный курок, который моментально срабатывает уже в тебе – только внимательней и чутче слушай и внимай.

Точность, но не мелочность, ясность, но не бесцветность, «простота без пестроты». И просто пару фраз, чтобы потом, когда книга уйдет из рук, снова возвратиться и почуять её запах, и притянуть по ассоциации из памяти другие моменты...

А дальше – цитаты, выписки, цитаты... Человек и впрямь не может напиться, насладиться, начувствоваться.

***

А теперь – ряд записей из тревожного, трагического и счастливого марта 1966 года. Об очень личном. Надо ли, можно ли, тактично ли их читать и публиковать? Много было и сомнений, и страхов. Но в этих записях – такой сложный и светлый мир, такая типичная атмосфера ожидания большого чувства, и такая безнадежность, что обойтись без них значило бы обеднить, упростить образ прекрасной женщины, которой никогда не было чуждо ничто человеческое, женское. Были и увлечения, и влюбленности, и любовь. Они душу и надрывали, и обогащали, они обостряли все чувства.

И еще: в ее муках и страданиях, как в хорошей литературе, мы узнаём свои. Кто из нас в положенную пору не стоял «под Рахманинова лбом к стеклу»?..

❧ ...Что произошло? Какие умные мысли приходили ко мне? Ну, во-первых, безотносительно они не могли родиться. Потому что над ними, не дав им выйти, витал один-единственный звук ли, миг, струна ли звенела, но так или иначе что-то угнетало, давило, прибивало. Это с одной стороны.

С другой – острее ощущала мир. И пусть он проходил сквозь мою боль, мои невысказанные отчаянные, до спазмов, момен-

ты, но мир обнажался, обозначался, а не давался в глаза гладким, круглым, целым. Ну и ну! Тяжела, ох, как тяжела боль познания! Именно такого, когда ни сосредоточиться, ни заняться чем-то, а всё из рук вон. Как ворона: не зацепляешься ни на одном суку. Сегодня взяла себя в руки. После стольких внутренних диалогов, скорее монологов, адресованных ему. Когда ночь и бессонница приобрели какую-то третью субстанцию – то ли грезы, то ли сам черт не поймет что. О! Звонят!

Только что взорвался звонок. Я не помню, как очутилась у телефона. Алё!.. А мне хочется кричать, изойти в безумном вопле. Как себя ни уговариваю, а плохо действуют мои агитация и пропаганда. Сколько холостых доводов!

Не он... И сегодня нет, и завтра... Правда, утром не удержалась, набрала его номер, подошел он. Послушал и всё. Положил. Почему он дома? Кто он в конце концов?..

Итак, я просыпаюсь, как от толчка, вдруг – и сон оборвался. И в который раз я предполагаю, что сказать. А в этой форме – хочу того или нет – выплывает из меня всё: и мысли, и страсти, и страдания, и мечты, и заранее известная обреченность всего. Не верить? Не желать? Не могу, хотя так бы и легче. Если бы только краешком донеслись до него эти мои разговоры!..

Вот не гадала, про себя думала: всё смогу. Только бы после не ожесточиться, не огрубеть...

А еще-то что было-о-о-о-о!

В субботу пошла в галерею. Прошла по русскому залу. Застоялась у портрета Васильчиковой Крамского. Тянуло необъяснимо. Правда, А. И. сказала, что это всё на заказ, и мертво, и подделка. А мне так не показалось.

Присматривалась к женским портретам Маковского и Чистякова, к «Оправданию» и Куинджи, к репинскому Мефистофелю. В общем, есть на что смотреть, чем восхищаться, чему внимать.

А потом были рисунки Нади Рушевой, этой темноглазой девочки, нежной, грациозной, как и все ее линии. В книге отзывов столько добрых слов. И горечи от ее утраты. Действитель-

но, нельзя смотреть на ее рисунки без грусти. И хоть на них сама жизнь, но чувство это не покидает... Потрясло все. Что-то одно выделить невозможно, обязательно присоединяется «и». Да! И раненый олень, совсем детский рисунок (12 лет), весь напрягшийся, как струна, гордый и в то же время сломленный, подрезанный. А вот циркачи! Эта пластика в линиях, это движение! Где-то сказано, что она давала только линии, начало, штрихи, а уж каждый смотрящий «дорисовывал» в меру своей фантазии. Так оно, видно, и есть.

«Трогательные, музыкальные, чистые линии. Юное, прекрасное сердце и чудесные руки мастера. Это не рисунки, нет, это напев души, линии, созданные сердцем...» Это из книги отзывов. А я бы продолжила. Это музыка. Не напев, а именно музыка. Это не иллюстрации, а соавторство. Это не просто прочтение книг и разыгравшаяся после фантазия: это чтение книги в книге, чтение между строк, не высказанное словами, а почувствованное глубинным художественным зрением. Это умение разбираться в мире людей, их связей, их единстве. Об этом все рисунки: это эллины древние едва ли не в московском дворе, Золушка ли в момент превращения... Это и маленький принц. Не из Сент-Экзюпери, а свой, мальчик своего времени, подросший человек земли, думающий... Это и сказки, и юный, жаждущий Пушкин, и самое главное – «Мастер и Маргарита». У Мастера лермонтовские глаза – глаза мировой скорби, они смотрят в свою глубину и из души. Два зеркала проектируют эту боль в твою собственную...

Наконец я дома. Звонка не было. А я снова ждала...

Да, еще была на «Мещанах». Такого я в жизни не видела!

Я загорелась: воскресенье – грежу о спектакле. Билетов нет, но мы едем. Настроение – шkodливое. А скользкота! Доплываем до входа. Я в тепло, Наташа и мама – на улицу. Очухаться не успеваю, слова сказать не успеваю – передо мной Наташка: билеты вчерашние, но на правах входных сгодятся. Мы в театре! Ликуем, и нет этому предела.

И началось действие. И попала я к себе же на пир. Те же ме-

щане в другом фасоне. Те же группы, только чуть модифицированной. Те же разговоры о смысле, бренности, легкости, выкарабкивание из собственной шкуры и опять же смирение. Пустой бунт – как выплеск, и то же болото, и та же трясина, и приспособляемость, и выживаемость. Благодаря чему? Ну конечно же, не пьесе Горького с его сентенциями, делающими пьесу рубленой и выхолащивающей жизнь. Это введение духа современности. Это чтение между строк. Это интонация. Жесты. Это лица, смех, звуки, походка – это настоящие находки больших актеров.

Отца играл Лебедев, Петра – Рецептер. И как! Лавров, Попова, Макарова, Трофимов, Панков... И эта скупая музыка шарманки в нужные моменты: то как фон, то контраст, то раздутье... В общем, это и есть Товстоногов.

Это было, есть и будет.

Это было... Что же будет? Я хочу, чтобы он позвонил. Очень. Неудержимо. Хочу. Страстно. Я вся – ожидание.

...И снова солнце, хотя я не могу на него смотреть: глаза слепит, слишком уж оно яркое, щедрое и бездушное в своей щедрости. Оно хочет всех обогреть. А я не хочу. Вчера он, как и предполагала, не проронил ни звука.

Сегодня прекрасно-грустный день: весна развесила гирлянды, а солнце ими играет. Лужи – талые кусочки неба прорезались в снегу. Солнце отлило зеркала на снегу, а в них загляделось небо. И я так жадно всмотреться хочу, как будто увидеть рассвет мой. Однако ему не бывать, не бывать, лишь, как закат, прорябит финал. И ни дел, ни деяний, лишь список цитат, лишь жуткий список страданий. А впрочем, я сама себе горло сжимаю. Ни силы, ни воли. И только себя теряю. А пусть всё идет к черту!

И чтобы **не скулить в кулачок**, я слушаю душу того музыканта. Того, кто умел и жить, и страдать, и любить, и душу свою вынимать, и светить, как огромное солнце. Разница: солнце – всегда и для всех, а Бетховена надо услышать хотя бы раз, суметь услышать сердцем – клеточкой, горлом. И тогда он заси-

яет впотьмах для тебя. И ты его светом напьешься. Не досыта, а чтобы снова и снова мучила жажда, чтобы ты к нему рвался вечно.

Так пусть не звонит, не приходит, пусть!..

Черт со всем! Со звонками. С думами. И пусть вспыхивает сердце, пусть остается в нем ноющая боль. Но я рада, что все это было, случилось, что я чуточку прозрела.

...И еще день загнулся. И ни проблеска не принес, ни радости. Ни одной умной мысли не прибавилось, если вообще последняя не изгладилась... Только бьется, колотится, как сумасшедшее, сердце.

Ты молчишь. А я только тут в силах говорить тебе все. Слушай же меня! Если ты молчишь, что все это значит? Ты боишься себя, меня? Себя – вряд ли. В такую ты не влюбишься. Пожалуй, ты боишься, что я стану предъявлять претензии: мол, «зачем нарушил мой покой». Но это же чистой воды ерунда, и ты это сам знаешь... Если задумал совсем уйти, надо было сразу оборвать. Ах, тебе это неудобно, ты не так воспитан и решил звонить реже, реже... Тогда зачем эти книги – эти зацепки? Почему ты мучаешь меня одиночеством, испытываешь этим одиночеством? Хотя, помимо тебя, есть в моей жизни всё, но сейчас всё-всё подчинено тебе. Я тебе этого не скажу.

Я тебе все равно позвоню: мне же нужно забрать книгу! И как при этом не сорваться, чтобы затаившаяся боль не прозвене-ла и ничем себя не выдала?

Я хочу слышать только твой голос. И больше ничего. Я не могу набрать твои цифры, но я хочу сделать это! И если ты сегодня не услышишь моей мольбы, я сама стану звонить, звонить, звонить!..

Сегодня серо, буднично, сиротливо.

...Что ты думаешь обо мне? Смеешься, стыдишься, презираешь, жалеешь, стараешься забыть, как курьёз?

...А вчера звонок. Не ожидала. Слово за слово, говорить

приятно, но он скользит и увертывается. Чувствую, что ему некогда, и не хочется бросать трубку... Когда с ним говорю, очень легко себя чувствую, а после – тяжесть неимоверная. Все кажется: то не надо было говорить, а вот это бы наоборот, и зачем это я?.. Вот и терзаюсь. Надо держать фасон, да даже и не фасон – просто быть самой собой, а не хихикающей девицей.

Прочла поэму Е. Евтушенко «Уроки Братска». Есть очень искренние, пронизанные мятущейся мыслью строки. И тут же поза, и битье себя в грудь, и рассуждения о себе «после себя». И смиренность перед «действиями умной руки». Зачем вытаскивать самому свои посевы? Бесхребетность эта злит. Хорошие слова-раздумья о настоящей дружбе. И игра со словом вроде кирсановской:

Любви возможной неосуществленность
Сильней осуществленности любви.

...Какая-то удушающая трезвая пустота. Стояла под Рахманинова лбом к стеклу. На улице серебристо-голубое. От снега, мукой посыпавшего к ночи землю, и огромного бьющего фонаря на углу. Ночь уже, а небо – будто насупилось накануне грозы.

Ха! Напротив домик двухэтажный. Окна не задернуты. Два окна горят. Одно – оранжевым, а в нем гуляет фигура в майке и трусах. Достает полотенце, что-то устраивает. Рядом сквозь кисею шторы видна женская фигура. Ходит без конца. Что-то делает или мается? Они рядом, и они ничего о себе не знают. И не знают, что с их крыши ветер расчудесно раскуривает снег. Карточный домик с судьбами-загадками, а передо мной просто символами...

Иду спать. А звонка так и не было. Не тот мальчик-то. И не было его вовсе. Так, телетрёп.

Прочла Фазиля Искандера. Добрый рог юмора, золотистого смеха, едкого перца, глубинного зрения, мудрых признаний, откровений сердца, и какая умная пародия!

Вчера утро было не из приятных. Настроение, нервы пришлось держать в тугой подпруге: протезный. Однако пронесло: необычайно просто и легко сняли мерку. Затем домой. Самое главное – расставание с Искандером. Не на шутку стало жаль. Этот прочный, крепкий, легкий шаг по жизни. Сбито, легко, чеканно. А хотела бы идти с ним и дальше. Дольше.

Вечером позвонил он. Сообщил, что собирается прийти. Естественно, стала приводить себя в порядок. А потом стало не по себе: какая-то стыдливость, с одной стороны, это нелепое приготовление к встрече, припудривание, подкрашивание, смотрение в зеркало, прочие дурацкие штучки. С другой – бренность сей чепуховины. И внешняя скоморошность.

Пришел. Прочел – бойко и хорошо. Но нет в нем такой мужской твердости. А мягких и податливых не перевариваю. Спокойно поговорили обо всём. И ушёл.

А сегодня снова звонил, едва успела войти в дом. О Хэмингуэе, о том, о сем. От темы к теме. Не то. Не то. И я не та. Ненавижу себя в себе.

... Сегодня еще с утра эти небесные ключья вышвыривали со злостью колючки снега. Секли землю. Хлестали. И вдруг все стихло. Ушло. И пятна унеслись, и озерца разрослись, и ветер и небо очистились, и небо не стало ничем затеняться. И солнце, еще не устав, залило перед сном город и закрыло свой глаз. И из-под его века долго растекалось радужное золото. И фиолетовые тени, и зелёные, и серые, и синие. И долгая-долгая неугасающая чернота...

Думала о нем? Скорее, снова идеализировала и снова мысленно продолжала диалоги. Хотелось вырвать, а жалко.

И в то же время как-то неприятно. Что? Трудно сказать.

Хорошо, что он звонит не каждый день, а то бы я могла что-нибудь подпортить.

И все-таки спасибо этим звонкам, которые вырвали меня из

обыденности, будничности и заставили проснуться. Я снова раскрыла глаза, и мир меня резанул остротой и свежестью. Я хочу находить, открывать, узнавать, быть выше. Видеть глубже, по спектрам. И в каждом спектре чувств слышать оттенки.

Это здорово! Что будет – более или менее известно: ничего. Но то, что есть, это хорошо. Здорово жить и чувствовать, и осязать себя именно человеком, а не сухим механическим фотоаппаратом с плохо наведённой резкостью.

И стихи, нахлынувшие по-весеннему, загустили кровь. Хочу взяться за одно, а глаза жадно рвутся к другому. И это мятущееся житье – уже ново и человечно. Слова стали ёмче, а смысл их – глубже.

***

Живя, гашу и приглушаю
Неумолимо. И скрываю.
Не дав родиться, умерщвляю
Свою бурлящую, живую,
Волнующую и святую,
Как жизнь саму,
Любовь к тому,
С чем так я связана от веку –
К движенью, воле, человеку,
К травинке малой, солнцу, смеху...

Любить!
Но в переводе
На книжный знак,
На цвет холста,
На законный мир листа,
И как святыню принимать,
Как неподдельно щедрый дар
Уменье милых глаз сиять
Не по привычке, с маской смеха,
А как неистовый накал,

Как сердца жар, как жар успеха.
Ты любишь. Ты живой. Ты есть.
Ты нужен!
В этом всё и есть...

И уголек любви великой
Поджечь умеет мир безликий.

***

Жил человек один,
Песни он распевал,
От каждого лепестка
Нежность упругую брал.
Брал небес высоту
И синевой запивал,
Родниковую чистотой
Душу свою омывал.

Но как-то однажды вмиг
Мир ему сделал дар:
Он подарил глаза –
Друга живого дал.
И распахнулась даль,
Стало вдвойне светлей,
Сколько святых начал
Вдруг обнаружилось в ней!
Сколько особых слов
Жизнь свою обрели,
Вырвались из оков,
Силой своей зажгли...
Жил человек один,
Песни он распевал,
Каждому лепестку
Нежность свою отдавал,
И все, что он жадно брал,
И что он захлеб ловил,

Он отдавал сполна –
Щедро себя дарил.

...Я одинока безбожно. И молчит, и не звонит, и не идет. Смеется? Уж лучше так. Уйдет от меня кумиром, мгновением. А жалость – стыдливая штука: как голый на обозрении. Пусть я останусь в дураках, чем он упадет в моих глазах.

Тороплю каждый день, чтобы он скорее пролетел. Скорее. Суетно-скомканно чтобы проходил, а он тянется, как жвачка: и не выплюнешь, и не кончится.

Нет! Что-то надо делать с собой. Иначе я вообще сойду с ума.

Отвлеклась. Прочла великую и чуткую нежность Тушновой. Ахматова, Тушнова, Капутикян – о любви. И как! Сказано высоко, общечеловечески, ясно, просто.

На работе все то же. Она отвлекает. Дома не знаю, куда себя девать. Не могу сосредоточиться ни на чем. Один выматывающий упорный физический труд мне отрада. А где его взять? Передают, к великому отвлекающему счастью, «Маленького принца»! Какое счастье! Какая голубая и чистая сила жизни! Насколько сильна любовь ко всему живому и чистому, человеческому и упругому, не запорошенному взрослостью и здравомыслием.

***

Вот и этот день пропал.
Тек он тускло и лениво,
На авось, как Бог послал,
Будто сон. Но вдруг – о диво!
(Как спасает это «вдруг»:
Словно разомкнулся круг.)
Вдруг в эфире прозвучала
Песня моего начала.

И пробился жизни звук
Из капли робкой марта,
Из листвы шумящей парка
Новый народился круг
На стволе моем ранимом.
А любовь, что все ж была,
Не золою обратилась,
А в тепло перетекла.

...Мужчины меня не любят. Хм... Нужно быть проще, пройти, что ли, курсы опрощения?

– Здравствуй. – Жду, что дальше. – Как твоя жизнь? – После минуты молчания наконец спрашивает: – В каком смысле?

– Во всех! Если мне интересна ты, значит, интересно знать о тебе все.

Ну зачем он так? Если бы было так, не через пятнадцать дней бы справился.

– Ем всё. На работе случается всякое...

– Я рад. Как настроение?

– Как говаривал Куприн, слава богу, плохо. Небанально.

Поговорили ни о чем. Как спросить его, отчего он не пришел в воскресенье?

– Ну как Искандер?

Та реакция, которая и предполагалась. И смеялся, и восхищался тонким юмором, и вздохнул:

– ...А ты заметила, как у него легко, вроде просто, но иначе и не скажешь...

– А мне понравился твой Перец Маркиш.

– Я очень доволен, что он тебе понравился. Ты разрешишь завтра к тебе зайти?

– Так же, как в то воскресенье? – наконец-то нашла, куда вставить вопросик!

И опять вранье. Я же слышу.

– А как дела у тебя? Что читаешь?

– Знаешь, прочел Хемингуэя и каким-то пустым себя чувствую. Ни на что не смотрю, ни на чем не останавливаюсь...

– Не сказала бы. Даже «Острова в океане» его... В каждом самом мерзком грязном типе сквозят человечность и чистота. И хоть разговор во второй части идет, как сквозь стиснутые зубы, по существу, живой мертвец действует, но как это сделано!

– Но я же не спорю. Только говорю о своем финале... Сколько же я пропустил, пока не знал тебя! И сколько ты мне открыла!

Я готова верить в жар признания, но отлично же знаю, что до конца доверять ему не могу. Хочу – и не могу. Он снова подведет. Сколько раз так было.

...И такое у меня состояние, будто и правда, и ложь так тесно переплелись, а где что – разобраться не могу. И такое шаткое, такое зыбучее надпочвенное состояние.

...Пустота. Все равно. Просто мне надо было, чтобы он позвонил. Мне не надо большего. Только бы знать, что в чьей-то памяти ты есть, о тебе думают.

...И ругаю себя, и смеюсь, и стыдно, и больно... Уродливое отражение в витринах и желание в этот момент провалиться – с одной стороны. С другой – неумное желание быть нужной, отдавать свой запас, свою щедрость, любить, а еще – хоть чуточку быть любимой, быть обласканной чьим-то взглядом. Хочу, чтобы не выварился мой сок и не превратилась в кусок сухой говядины.

А сегодня метет снег. И по-прежнему он не звонит. Ну и шут с ним! Он не тот! Не тот.

Отголоски этого марта еще будут мелькать в дневниках, но уже понятно: мучительно, медленно, но верно, от чувства и от тоски по чувству удастся излечиться, урок усвоен, пережитое легло на донышко души...

Любовью шар согрет земной,
 И ею кровь питает сердце.
 И даже если быть одной
 Тебе назначено судьбой,
 Любовь свое исполнит скерцо.
 И зазвучишь, смеясь и плача,
 То в небе рея, то, как кляча,
 Бредешь, кляня свою дорогу.
 Чтоб не упасть, взываешь к Богу.
 А он вот тут, в тебе самом –
 В души твоей тепле земном,
 В души радаре – небесном даре,
 Живого сердца тугом ударе,
 Раскалывающем оком.

❧...Слушала Бетховена, некоторые его сонаты. Ничего больше не сделано, нового не открыто, счастья не найдено. Планы неопределенны, туманны и призрачны. Вообще, мне кажется, лета и весны у меня не будет. Я их жду и проклиная. И снова жду. Очень. Смеюсь над собой, ненавижу себя и... завидую той сумасшедшей одуренности.

Мимо нее не проходит ни одно сколько-нибудь заметное культурное событие городской жизни, ни одна книжная новинка.

❧...И снова Нагибин. Два ярких коротких рассказа. О чем? Об умении видеть и определяться. О детстве и о многих непонятностях взрослых. И еще они – из моей жизни. Парадоксально, но те веяния, которые возникали, когда читала, вызывали «духов» или оживляли время моего детства и тогдашнего восприятия, тогдашних дум и загадок. И выходило, что Нагибин с

его разъяснениями мира детей и его герои тоже были моими ровесниками, а я – участницей, невидимой, благодарной, что и меня пустили в ту игру – в его детство. Его рассказы – это хождение в гости: я – к нему, он – ко мне. Только он об этом и не подозревает. А я счастлива. Если о многих вещах смутно, почти безъязыко догадывалась, то теперь, читая, я на вкус, на ощупь, зрением – нет, всеми пятью чувствами – принимала как праздник обозначенное время. А может, оно вневременное, всечеловеческое: в каждом есть его детство.

Да, я слушала чуть горькие, устало-откровенно-открытые признания Нагибина. Он негромко говорил со мной, и мне хотелось говорить свое, высказываться, идти навстречу.

Это ли не магнит рассказов?

Что со мной стало после них?

Просто опахнуло таким сладким ароматцем и ушло? Конечно же, нет. Еще раз пригвоз-

дило к чистоте тех дней, когда ничего еще не было начато, всё – мечталось, воображалось-представлялось, когда легче было жить, потому что не провидел ни в ком дрожжевых грибов плесени, а просто нравились: красивый, добрый, сильный. Либо не нравились. Средних не было. Лишь яркое – и наоборот.

«Его рассказы – это хождение в гости: я – к нему, он – ко мне...»

А без этой яркой, чувственной памяти детства, с сегодняшними твоими мелкими, опошленно-деловыми планами, обряженными в слово «мечтаем» (мечтаю о платье, о тряпке, о театре как вылазке окультуривания), станешь чучелом человека: внешне – привлекает, а поближе – отпугивает.

Стало быть, надо держать себя в теле (форме?), не давать жиреть на бесчувственном бессолом хлебе и безвкусной, пресной дистиллированной воде. Подкручивать себя – щипать, чтобы проснуться.

...Есть такое слово – «романтика». Иной раз им словно по-рицают: дожил-де до седин, а всё не угомонится, взрослости ему не хватает, на романтику его тянет. Ужасно это раздра-

жает. Романтика – это, прежде всего, живая кровь в жилах и умение всё не на веру принимать, а брать на зубок, что ли. Изобретать велосипед! В тысячный раз самому ставить опыт, а не пользоваться готовым результатом, чтобы вывести сложную формулу своей жизни. И пусть порой не сходятся данные, главное – искать.

Всю жизнь? До старости? Искать и не находить себя? И тосковать? И быть голодной?

И да и нет! Искать? Да! И находить! Во всем.

Но ведь с богатством наедине нет радости: только другие, соучаствуя, и дадут оценку твоему богатству, или, вернее, только отдавая свои ценности, ты почувствуешь их величие и осязаемость.

И наоборот, кислая усталость и взгляд на жизнь как на давно известное, заранее кем-то определенное, с кем-то давно сделанными открытиями, и сытое потребление всего, что преподносится, – это и есть устрашающая реальная взрослость с ее трезвыми оценками всего. Трезвость здесь созвучна с пресностью. Потому ужасно не люблю эту взрослость, которая для меня – на грани с физической старостью.

А есть еще игра под романтика! Игра под детство – удобная форма, с которой все списывается, которой все прощается. Да только разгадывается такая профессиональная игра живо, потому что из-под безмятежной восторженности обязательно кольнет сухой, обдирающий взгляд сугубо трезвого и расчетливого взрослого. Я этой маски боюсь, боюсь поверить искусному актерству.

❖ ...Экзюпери!

Не отвлеченный мыслитель, не сентиментальный идеалист. Этот его порыв к звездам и небу, к той благодатной высоте, откуда все понятнее и виднее...

Чистый и честный, чувствующий утонченно и чутко, соотнося понятное и угадываемое в мировых законах, в жизни Вселенной. И в грустно-улыбающейся доброте. Это поэма-призна-

ние всем, с кем жил, работал, летал, кому посвящал чувства и мысли свои. Отсюда такое благодарное в ответ движение твоей души.

И грустно – о бренности всего прекрасного. И очень страстно и сильно – о смысле жизни на земле, даже если нет тому видимого оправдания, если есть смерть и уходят дорогие люди. Однако ты, сам того не сознавая, пылинка памяти сегодняшней – для удивления и восхищения в будущем. Ради памяти, а не бесследного угасания стоит не только ярко гореть, но и так же ярко сгорать. При этом нет у Экзюпери никакого тщеславия, одна неукротимость в отдаче делу и вере в дело. Стоит только восхититься и позавидовать. На фоне собственной размазанной ленью воли выглядит как укор и затравка одновременно.

Значит, нужен этот большой ребенок, неукротимый и восторженный, подвижник, мудрец, философ, неназойливый учитель с сильным, публицистически-жарким голосом.

❖ Марк Щеглов⁴. ...Его «Студенческие тетради» – это ум и нравственная высота... Не натужное превозмогание болезни, а участие в деле, в подходе к делу, в аппетитном пожирании того, что удалось найти. Но боль-то какая, барьеры, препоны, словно взялась судьба за своеобразное испытание трудностями: выдержит? Выдержал, да еще такую памятку для других создал, чтобы не ошибались, умели понимать смысл многих понятий, и первейшие из них: любовь, жизнь, свет, радость, борьба. Ревела от благодарности и часто от человеческой жалости, и оттого, что тесты-то у нас у обоих такие схожие, да вот до его выводов и решений не дано дойти... А потом взялась за его критику и тут обалдела. В тетрадях – человек с сомнениями и преодолением сам себя, по-человечески слабый и сильный одновременно, незащищенный, но защищающийся, немилосердно-больной и тоскующий по отнятой радо-

---

⁴ Щеглов Марк Александрович (1925–1956). Критик, литературовед. Был болен ДЦП. Широкоую известность получили дневники и письма Щ. – «Студенческие тетради» (опубл. в 1963 г.).

сти – быть в гуще, видеть, кипеть. В критике – прежде всего, учёный. Мудрый, тактичный и основательный, безупречно честный и высоконравственный. Собранный, последовательно-закономерный и удивительно добрый, щедрый, умный. Ни малейшей позы или самодовольной уверенности. Знание предмета, тонкая наблюдательность, беспредельная чуткость и стремление дойти до самой сути... Каждая статья – это открытие, и умное открытие. До него я с головой ушла в Белинского, и его манера анализа и оценка привели в восторг. Почти беседуя, не напав на себя ученость и не встав на определенно-недостижимую высоту, а так, рядом, с тобой в одном плане, словно вместе перелистывая страницы, ведет Белинский свой поиск, предъявляет свои доказательства. И тем же путем идет М. Щеглов. Ни боли физической, ни растерянности перед днем грядущим, но уверенный шаг исследователя, шаг человека, далеко не равнодушного и не безразличного к хрупкой душе рассматриваемого произведения. Именно душе. Чтобы – боже упаси! – не сломать, не запачкать нечаянно поверхностным словом, не обезобразить бездушной красотой.

Пока прочла несколько статей. Аж кровь живая толчками ходит...

«Ревела от благодарности и часто от человеческой жалости, и оттого, что тесты-то у нас у обоих такие схожие...»

❧ ...Давит пятку до изнеможения, пояс торчит на животе каким-то треугольником, приходится поправлять. Ноги не могу ставить прямо – сводит тот же проклятый пояс. И всё некрасиво, тяжело, больно! К черту, к черту! Сил нет! За что удержаться, как взять себя в руки? К черту!

Что ни день, то новое открытие,
 Но какое горькое подчас.
 Ни спасенья, ни тебе укрытья...
 Все твои изъяны напоказ.

Горло сжато – и не продохнуть,
 И как на ладони весь твой путь.
 Кажется, в тупик идешь, как в плен,
 В угловое перекрестье стен.

Только, словно вдруг очнувшись где-то,
 Вынырнул из дебрей лучик света...

Жорж Сименон. *Ноябрь.*

Ночью просыпалась от жуткого ощущения катастрофы, гибели. Сдавленно крича, я возвращалась к яви, но легче не становилось: жуткая духота, страшная темнота ночи, и в какой раз события этой повести – гибель человека или тот поворотный, кульминационный момент превращения человека доброго и красивого в человека-болванку. Каким же должно быть мастерство, чтобы показать все это? Сколько любви, участия надо, чтобы заставить на все примелькавшееся, надоевшее взглянуть по-иному?

Внешне спокойно, словно буднично, однообразно идет повествование, но все время живет чувство тревожного ожидания. Возможно, это одна лишь фраза, заключающая каждую главу, как туго закрученная пружина?

Один момент – признание в любви. И эта любовь, словно вспышка, высвечивает многие неясности в отношениях и событиях. И эти отношения-условности объясняют все то, что на поверхности. И вырастает изнутри, напластовывается слой, который гораздо главнее: от общего – книги – к тебе, к твоему окружению в частности. Невидимые параллели вызывают в памяти всех обиженных тобою и тебя самого с твоим цинизмом.

❧ Юрий Казаков. *Северный дневник*

... Само слово «дневник» предполагает наряду с фактологическим изложением, подробным и тщательным, такое же тщательное, глубокое и искреннее взвешивание и раздумье. А главное – откровенность. Дневник – это такой жанр, где замечания носят, по существу, характер открытия, прежде всего для тебя самого. Это как выведение самой формулы жизни.

❧ Полночь. Во мне колотится кровь, сердце захлебывается, голова блаженно-туманна. По существу, я не дома, я еще в том храме, откуда только что приехала. По порядку нет времени и растрачу весь жар (увы, на бумаге он остывает).

Итак, я после концерта Веры Лотар-Шевченко. Необыкновенная женщина. Странная, из прошлого вся. Мы подъехали к музучилищу, где она давала свой второй концерт. Вижу: идет в шубе ссутуленная старая женщина с белым чемоданчиком. Чулок чуть порван. Ярко-рыжие, крашенные, коротко стриженные волосы, деланная «тулуз-лотрековская» улыбка. Идет осторожно, нащупывая лед, чтобы не подвел.

Ее судьба необычна. Родилась во Франции, в Турине. Уже в двенадцать лет играла с оркестром Артуро Тосканини. Стажировалась в Венской музыкальной академии. В Париже вышла замуж за советского инженера Владимира Шевченко и в 1938 году приехала с ним в СССР. Концерты, гастроли, а потом репрессии. Сначала арестовали мужа, а затем и ее. Более тринадцати лет провела в сталинских лагерях, отбывала срок в Севураллаге. Вырезала кухонным ножом на нарах фортепианную клавиатуру. В редкие свободные минуты «играла» на этом самом необычном музыкальном инструменте XX века. После освобождения жила в Нижнем Тагиле, затем в Барнауле. В середине 1970-х годов переезжает в знаменитый Академгородок под Новосибирском и становится солисткой Новосибирской государственной филармонии. Играла в Москве и Ленинграде, Одессе, Омске, Свердловске. Была возможность возвратиться во Францию – отказывалась: «Это было

бы предательством памяти русских женщин, помогавших мне выжить в адских условиях заключения».

Ах, что сегодня было! Шуман, Дебюсси, Шопен, Лист...

Я рада любому вылету из своих стен. И чувствую несочетаемое, казалось бы: дикий восторг и необъяснимую робость. И день был теплый, и небо будто ровно метелкой подмели: такие ровные зачесы. А вот и училище. И сразу я окунулась в музыку.

«Я рада любому вылету из своих стен...»

Где-то что-то разливает аккордеон – быстро, технично. Его перебивает другой. И не разберешь, откуда несется, а затем, когда слух и зрение привыкнут к обстановке, начинаешь различать и самих «сверчков». Глаза привыкли. В нише под лестницей устроился парень, и летают его руки по кнопочкам, по клавишам. Склонил голову к инструменту – прислушивается. И играет себе. Другого места, видно, нет. Прошла крепенькая девочка. Интересно вышагивает: с пятки на носок, с пятки на носок. И на груди – тот же аккордеон. Быть ей на селе первой дивчиной. Вот двое, он и она, юные, одухотворенные. Ноты разбирают. Он смотрит и дирижирует, она просто смотрит и говорит. И такие они вокруг еще дети! Совсем юные. Ведь это же училище, а не консерватория.

Наконец, вот он, зал, и после курьеза (упала конференсье!) вышла Она. В черном платье, цветок слева, на спине разрез лодочкой. Ярко-красная голова. Улыбка какая-то необычная, недоумевающая, которую будто пристегнули к лицу. Глаза сверкают. Села. Сжалось сердце. Потому что стара? Потому что это закат былой славы?..

И вдруг! Нет! Это не закат тебе! «Карнавал» Шопена: кружева и удары, раздумья и экстаз, скорбь и блаженство – все чувства всех персонажей, и хочется, чтобы кадр каждого героя задержался, не то ум не успевает дорисовать, оставляя на потом. А картинка «Шопен»! Так и представила этого лорда Байрона в музыке – печального, изящного. А бабочки! Нет, лучше не браться за описания...

Откуда-то с улицы, из загустевающей черни, уставился в щель штор слепящий оранжевый фонарь и тоже пляшет на сцену. Она играла этюды Шопена. Каскад драгоценностей, неброских и блестящих, а затаивших в глубине неразгаданную тайну и невысказанные чувства. Вот так смотришь в ограненный драгоценный камень, а изнутри фокус множества граней завораживает, и уже нет сил оторваться – необъяснимо волнуется. Так и тут.

Затем пошел Дебюсси. Господи! Там был один момент – что-то про море. Про море не ласковое, а про валы, разбивающиеся о скалы. Грохот, мелко разлетающаяся вдребезги водяная пыль. Этюд «Дождь»! Это именно лил дождь: приплясывал, припускал, замирал – и снова стеной... Вот уже одни капли. И вдруг снова набирает силу, и так припускает, что каждая дождинка высекает и взрывает лунку. Пузыри веселые, шумные, радужные, быстрые, говорливые. И дождь – точно молоточками в них постукивает...

«Шум воды» Равеля. Стихия та же, а картина иная. Это мириады бенгальских огней. Это горящие на солнце чешуйки ряби, которые, как живые, меняются, играют, прячутся друг за дружку. И снова ветер – и волна шире, разлиvistее...

Лотар-Шевченко играет, а я в мире страстей, картин, в мире солнца и луны, любви и отчаяния, безмятежности и нависшей угрозы.

За день в каких только волнах не побываешь. То захлестнут – кажется, всё, не всплыть. То выбросят – и даже на поверхности блаженно покачают. И так без конца. Самое ужасное, что берега не видишь и не знаешь, удастся ли вообще до него доплыть когда-нибудь. Бесконечно мотаясь в волнах, то умирая без глотка воздуха, то выныривая на секунду, навсегда скроешься под манящей и пугающей толщей. Неужели так?.. А всему виной твоя необычайная легкость поплавка.

Восхищает то, что она описывает услышанные концерты день-два спустя, но пишет так, будто слушает их сию минуту.

Каким же глубоким должно быть восприятие и какой цепкой – чувственная память!

❖ Чайковский. Тема с вариациями фа мажор. Большая соната соль-мажор. Какой концерт! Вслед за шопеновским, казалось бы, закономерно минорным – сегодняшний, такой знакомый Чайковский звучал неожиданно: даже во «Временах года» слышен был скорее как философ-трагик, нежели мастер лирической акварели. Настороженно-тревожные, высоко-трагические интонации окрашивали и наимажорнейшие картины.

Ревела. Опять же вспомнился Пастернак. Не от грусти, а от угаданного пути вовнутрь тебя. К тому же мама больна. Жалко, тревожно, страшно, одиноко, неизвестно. Как все сплелось непросто.

❖ Ура! Шью платье! Главное – начать. Затем преодолевать все «не получается», подделывать, переделывать и не раздвигаться.

Так и во всем. Существуют общие законы, в которые укладывается всё – и высокое, и будничное.

Еще надеюсь пощеголять. Ни строки не прочитано. Фонарь за окном, наполненный и на ночь дневным светом, днем светит, наоборот, лунным. Да! Как большая, пустая, яркая луна, даже зеленоватая. Видно, с тоски забыли фонарь выключить, вот он по-лунному и напоминает о себе. И лишь с сумерками стал приходить в себя: приободрился, посочнел и сияет теперь, царя и раздаривая свет. Теперь-то он заметен, ему благодарны, он украшает тьму и соперничает на земле с Лунной. А днем пропадал... Так вот и одному и тому же человеку нужна своя среда, необходимо свое время, чтобы сиять в полную силу. Так и он не заметен не в своем мире. Да здравствует фонарь, разгоняющий тьму! В моем доме фонарь не горит...

Гоню дни, надеясь в каждом словить жемчужинку. Однако плохой из меня ловец. Лишь воды нахлебаюсь. Да обманываюсь.

Два дня прошли для самопознания и самосовершенствования впустую, зато с пользой для красоты: сшила платье. Не ахти как, кустарщина чувствуется, несмотря на все старания. Воздушный шарик, которым себя тешу.

Стараюсь забыть обо всем на свете.

Нет! Возвращаюсь к летнему прекрасному прошлому!

...О лете, о Саках, о море! И о дожде.

«А в моем доме
фонарь не горит...»

Крымский городок Саки в советские времена был желанным заповедником для опорников, кусочком рая для спинальников и шейников: в здешних санаториях их подживляли рапой и грязями, массажем и просто вниманием, абсолютным пониманием их физического положения.

Для Галины Дубниковой каждая поездка в Саки была праздником общения и с кругом очень умных, веселых, несмотря на обездвиженность, друзей, с которыми переписывалась годами⁵, и с неповторимой крымской природой, и – о счастье! – с морем...

❧ ...Приехали на море, брякнулись. К морю пробирались, как в лихорадке: вот оно, гигантское, прохладное, ласковое, в бликах. Загадочное, стирающее всякие грани между всякими нормальными и ненормальными. Может, поэтому так и рвешься к этой священной купели.

Костыли вязнут в песке. Наконец всё – долой, и костыли, как крылья, отлетают в стороны.

Съезжаю к морю. Мишка уже подставил тощее, приросшее к позвоночнику пузо солнцу. Зажмурил глаза. А мы с Галкой обмотались простынями, приводим себя в пляжный вид. Все четко. Очки – на носы. Элементарно прикрываем прелести и, как поленья (особенно из меня хорошая колода), лежим. Я закрыла глаза, а солнце сквозь веки разливается желтым. Веки прикрыты, а чувствуется, как вокруг – море тепла и обнимающего золота. Пальцы пропускают песок, а плечо приятно касается раскаленных голышей. Беру один, поворачиваюсь, кладу Галке на позвонки, она проделывает то же самое с Мишкой. Мы ошалели от песни моря, которая все заглушает, и наши голоса едва слышны, хоть мы вот тут, рядом, бок к боку.

Море! О нем могу писать и писать. Слушаем только его. Оно нескончаемо. Волны подбираются к ногам. Окатили-таки.

---

⁵ Среди них были неординарные личности – такие, например, как киевлянин Игорь Григорьев, автогонщик, чемпион страны, или ленинградец Борис Фертман, инженер, ученый, поэт, или москвич Лев Индолев, геолог, журналист, спортсмен... Не случайно некоторые из них впоследствии стали авторами книг, выпущенных РИЦ «Здравствуй»: им было чем поделиться с инвалидным сообществом.

Подмочили мою репутацию – в данном случае подстилку – и сбежали, словно языком облизав песок. Море ласково целует берег.

«Море! О нем могу писать и писать...»

Всё, нагрелись, наступает блаженная минута. Мы потихоньку «пробуем» море. Мишка с палкой уже испытывает его, щупает его, потом плюет на свой «щуп», кидает его на берег и обнимает воду. Галка еще на берегу сидит, а я влезаю. Ой! Холодно. Гусиной кожей встречаю ласку стихии. Но ласки настойчивые, нежные, и я уже не боюсь. Холод пропадает. Я вся в зеленой, изумрудной, соленой, брызжущей стихии. Не успеваю слегка укрепиться на воде, и меня снова сшибает. Я уже вся мокрая. Крещение состоялось. Вода теплая, мягкая и упругая, покачивает, обдаёт, игриво поддает, захлестывает лицо, глаза. А под водой каждая галечка, каждая песчинка по-особому золотится, даже белизной отливает. И так спокойно на дне и прибрано. Внизу порядок, это вверх море играет. Меня, такую грузную на суше, легко швыряет в разные стороны, ноги – как плавники. Далеко забираться боюсь. Зыбко покачиваюсь. Рокочущие волны перекачиваются через свои же барьеры – и пропадают. Прогалы между гребнями заманчивы, уютны и... зловещи такой неправдоподобной тишью. И тут же на глазах все перестраивается. Сейчас я могу зафиксированное увидеть. А тогда в меня все безотчетно врезалось. Я «плаваю», а попросту держусь, как на стойке, на руках. Это легко. Море подбрасывает меня, и очень трудно вцепиться в песок. Иногда отрываю руки и загребаю ими, ничего не чувствую и не замечаю. Оглянулась – а я у другого пляжа. Все личности – незнакомые. Озираюсь по сторонам. Нет! Недалеко отчалила. По берегу, как коробейник, громкоголосо, с наглядной агитацией идет фотограф. Некоторые попадают на удочку.

– Милочка, головку выше, плечико, голуба, опустите. Пригнитесь! Всё. Выйдете, как в центре моря, меж девятого вала.

Ура! Совсем рядом освободилась большая резиновая камера. Ничейная, но никогда не пустует. С одной стороны красной краской – «Пират», с другой – SOS. Так, то хвалясь, то моля

о спасении, и плавают спинальники вдоль бережка. Влезаю. Как легко! И все равно панический страх: куда меня унесут эти ласковые силачи – волны? Я совсем не ориентируюсь в этой бескрайности. И все равно птицей парю на волнах! Соленый резкий ветер обдувает и студит обласканное волнами тело, солнце разглаживает нежными горячими ладонями. Чего мне надо больше? Ни-че-го! Только лихая мыслишка, как мышинный хвостик, бьет по моему золотому состоянию: это пройдет, это миг. Хочу кричать. Ору, пою, но ничего не слышно!

– Дай мне!

Оборачиваюсь. Подле меня в русалочьем купальнике Галка. Она без круга решила плыть так далеко.

– Ну и молодец ты! – восхищаюсь я. – Знаешь что? Сейчас я тронусь к берегу, а ты, как акула, сопровождай, держись за круг, там я вылезу – и корабль твой. Уступлю тебе свою палубу.

Плывем. Так веселее. Без людей я быстро скучаю. Часто хочу от них отдохнуть, а без них засыхаю или спать хочу. Это гипербола, но, в общем, без них плохо.

Я сильная, я в море, я с ним на «ты», я не боюсь. И оно меня качает.

Вот и берег. Мой боцман препроводил меня к подстилке. Мишка уже наплавался и снова готов в путь. Они с Галчком уплывают на камере вдвоем. Как за круглым столом, ухватившись за нее.

Вмиг меня высушило солнце, песок стал отлипать, сыпаться. Тихо. Откроешь глаза – везде синь. Небо без края. И море, переходящее в небо. В общем, я в шатре синем, бездонном, с золотыми теплыми струями, с резким отрезвляющим ветром, с сиренами-волнами, с щекочущим ноздри соленым запахом.

Долго ли, быстро ли, но я высохла, и снова мы все вместе наладились в воду. А волны все смелее, дальше, вольнее выплескиваются на берег. Совсем распоясались. Заигрались: пены столько выбрасывают! Давно отодвинулись мы выше, а море и сюда подбирается. Сверху выросли пирамиды, острова в море, замки, да не просто ватно-белые, а какие-то серо-

вато-желтовато-черные. Солнце стало прятаться за возникшие тучевые миражи. И вот море перестало улыбаться, а игра волн уже казалась не игрой, а какой-то злой угрозой.

«Надо собираться», – тревожно пронеслось в мозгу. Наспех одеваюсь. Мои рыцари тоже приводят себя в наземный вид. Нет-нет, да и гляну вверх. Ух ты! Тучки выросли. Замки исчезли, возникли грозовые города. Море из зеленого, а затем синего превратилось в бутылочно-серое с пеной, гребешками, бурунчиками, завихрениями.

А ветер стал швырять в лицо песок. Ну чего он сердится? Ведь только что нежил. Ах да, тот давно улетел, это уже другой, грозовой примчался.

– Живей на трап! – кто-то прокричал.

Нашего автобуса нет, а слово «живей» вызывает шквал хохота. Спинальники – и «живей». Лежание поудобнее разлеглись, ходячие, то есть мы, ринулись на ту асфальтовую дорожку, на которой можно стоять и не вязнуть.

Не заметили, как нас скопилась небольшая толпа. И тут небесный город опрокинул на нас свое море. Льет так, что не видно ни зги. Простыни и подстилки, в которые мы наивно завернулись, плотно облепили, намокли, холодят. До дрожи хорошо! Мы снова орем, хохочем, плотнее прижимаемся друг к другу. А дождь молотит. Не понять: то ли град нас избивает, то ли струи на нас играют что-нибудь листовское, из ада Дантова. Мы – хорошая мишень. Мы не скулим, а отзываемся разбойничьими выкриками:

– Эге-гей-ей! Эх, дает! Ну и ну! Устоять бы!.. С тылу кто-нибудь, прикройте, сидеть будет не на чем!

Все мокрые, волосы – в глаза, а глаза сумасшедшие.

Вдруг доносится крик: это спинальники с берега приглашают нас в море. Дождь, кажется, из злого превратился в беззлобно-обильный. Ветер улетел, умчался, а дождь со всхлипами льется. Это как слезы облегчения после ураганного горя. А мы все равно промокли, нам терять нечего!

Нехотя распоролось небо, и виновато улыбнулось солнце. И мы в его свете показались пришельцами из ниоткуда или оставшимися в живых после потопа. Море еще грохочет, но спрятало коготки, реже сверкает тускло-серым, а проясняется своим здоровым, синим румянцем. А холодно! До жути. Хочется скинуть облепившую мокрятину. В моих аппаратах хлюпает вода.

Издали показался автобус. Еще не доезжая до нашей мокрой, машущей руками группы, шофер высунулся из окна:

– А у нас, в Саках, духота и сухость. Мы и в ус не дуем.

Всё. Мы в автобусе. Мокрые, капающие. Хохочем.

– А в море было здорово! – смеется Валерка.

– И насмешили же вы нас – ну точно орущее стадо баранов, – похохатывает здоровяк с голой грудью. Тоже спинальник. По возможности, кто что может, тот то и скинул. В автобусе душно и парно. Влага во всем и на всем.

Решаем, останавливаться ли возле гастронома, но порядочность пересиливает. Мы рискуем получить насморк, но мы – по-ря-доч-ные. А выпить охота! Чтобы залихватское состояние имело и соответствующее завершение, а не изошло в соплях.

Время подгоняет. На обед опоздали. Да, в Саках сухо и знойно. Но мы, которые в тельняшках, победоносно выполняем из автобуса и мокрые, но довольные, победные, а не побежден-ные, твердо и основательно идем в столовку. По-деловому едим. Чуть равнодушно и снисходительно рассказываем, какую бурю удалось выдержать и не сломиться. Смотрят с завистью и недоверием.

Едим так, что трещит за ушами: здорово поработали.

Зато после мои доспехи сушились три дня. А я разъезжала на коляске таким залихватским молодцом. И потом долго ходила в своих полувлажных аппаратах. И кашляла, и шмурыгала носом... Но я бродила и жарилась на солнце, и снова ездила на озеро, и там кутили. Было-было-было. И остается.

❖ Встречи с морем – всегда сказка, и эта сказка незабываема. Море – полнота и вечная игра красок. Нет, не холодная громада отчужденности, а величественная загадка жизни, вечный жадный и неутомимый зов.

На море не всегда легко было добраться. Зато радостная встреча с ним – как награда за ожидание. Море было разным: и долгим – на весь день, и коротким, как фейерверк – на час. И тихим, как зыбкий сон, и ревущим в ярости при низких горах туч и свинцово-сером цвете. Море – как синь клинка, и море – необозримо-разлитая ширь, парящая на горизонте и тающая в небесах. Море – от голубовато-золотистого до сине-изумрудного, от бело-молочного – до желто-сиро-зеленого. Все зависело от погоды.

«Море – полнота и вечная игра красок...»

В этот раз мы были на Красной Горке. В такой яркий день добирались мы до этого моря в районе маяка, что он не идет ни в какое сравнение с полотнами импрессионистов. Красная дорога, в которую мы ныряли, как в русло серо-синей ленты шоссе. С одной стороны – зеркало озера, с другой – то желтая, как желток, стерня, то зелень виноградников, чабреца или терна, то бутылочная проседь выжженной поляны. Все это калейдоскопически перестраивалось, пока не вырвалось оно – море. Всё уступило ему. И целый день мы посвятили ему, были с ним.

«Это все было и никуда не уйдет, не отойдет, останется в памяти души...»

Был сильный ветер, и море синело в свежести, резво бросалось на берег, рассыпало мириады белопенных драконов и зазывало солнечными бликами. Как села – так и пропало все. Лишь оно да очищающий соленый ветер в лицо. Я слушала рокот и в первый раз не повторяла мандельштамовское: «Быть может, я тебе не нужен. / Ночь. Из пучины мировой, / как раковина без жемчужин, / я выброшен на берег твой. / Ты равнодушно волны пенишь / и несговорчиво поешь, / но ты полюбишь, ты оценишь / ненужной раковины ложь»... А пока

передо мной ходили волны – «цыгане моря», и был только экзотический восторг получумелой старой девы.

Разводили костер. Его нам тоже помогало раздувать море, его шальной ветер. И пекли картошку, и обжигались, и, перепачканные сажей, прихлебывали белоснежный, в сгустках, как в хлопьях, кефир, и рвали на части, в какой-то детской озороватости, блины с маком – это был день Маковея. И снова купались, и снова подставляли солнцу бока. И так мирно, так блаженно было, что это, наверное, и было раем.

Это все было и никуда не уйдет, не отойдет, останется в памяти души, как тот теплый плетень, о который можно опереться.

Дорога домой. Стоило обернуться назад – и обжигался светом закатного солнца. Осталась позади космически растворенная голубизна с висящими меж небом и землей силуэтами кораблей...

❖ ...Начался тяжелый год, високосный год. Посмотрим. Ждать беспочвенно – фарисейское прожектерство. Эти спокойные будни, может, потом вспыхнут в блаженном сиянии: ведь никогда не можешь сказать, что именно из твоего сегодня станет потом прекрасным воспоминанием, примет иную окраску и остро резанет своей неповторимостью, связанной с чем-то дорогим.

❖ 29-го была «Бригантина». Десятилетний юбилей. А как я попала, через сколько волнений! Звонки, переговоры, кутерьма и суета... Честно признаться, я люблю дни, когда приходит-ся вот так вертеться и волноваться.

И был концерт. Милый, вечно молодой, энергичный ансамбль университета. Может, пыталась всколыхнуть в себе студенчество и обрести былую уверенность: еще все впереди, горевать нечего, впереди много лет молодости. Да, страстно захотелось создать иллюзию молодости. Потому что в завтра я смотрю уже не так оптимистично. Потому что у любого начала пытаешься рассмотреть или предугадать конец.

В общем, много этих «потому».

Ужасный холод. Ноги вмиг примерзли к ботинкам. Время идет – такси нет. Наконец! Бухаюсь! И среди этой зимы в машине рядом с шофером – ведро с прекрасными яблоками. Наливными, большими, словно дедморозовские щеки.

И вот Дворец Ленина, и нас посадили, и юпитеры, и настройка инструментов. И море бурных, как аванс, аплодисментов, и затаенная и благоговейная тишина. И начало...

В программке значится: в репертуаре ансамбля 345 песен. Ого! Представляю длинный концерт из всех их песен.

Облапинский⁶ облокотился на открытый рояль и по-домашнему просто слушает ребят. Вначале идут записи, лишь ребята тех лет, точно статисты, стоят. Идет их песня – они молчат, улыбаются. Неловко, наверно, слушать свое несовершенное исполнение. Песня за песней. Солист за солистом. И с каждым – фейерверк твоих самых радостных ощущений. Наташа Мильчакова исполняет песню об острове. И вдруг меня осенило: да это же я. Действительно. Вода во время разлива заливает все, а когда припекает солнце и сойдет лишняя влага, вдруг вырастает посреди реки островок, зеленый и неожиданно-сказочный. Не так ли порой возвращаются к тебе сказочные дни прошлого и сильные, сочные дни твоей весны?

Так песня вернула меня на десять лет назад. Хотелось кричать, совершить что-то дурацкое, неразумное, из ряда вон...

После опять час ждали такси. И как бы ни было холодно, а было хорошо и молодо, бодро.

❧...И еще немного университета. Это не про музыку. Завтра буду вместе с нашими делать газету, писать поздравления. Хочется остаться подольше, как бывало в университете. А как бывало? Дым коромыслом! Машинка стучит, кто-то кроит напечатанное, все напряженно думают, кто-то рисует, растянув

---

⁶ Борис Арсентьевич Облапинский – химик и профессиональный музыкант, создатель и руководитель популярного ансамбля «Бригантина» Пермского университета 1960–1970 гг.

на полу лист за листом. А Надька Пермьякова ходит и руководит, как опытный и остроумный дирижер. А под утро все, хотя и хотим спать, но, предвкушая впечатление, какое получим, глядячи на толпы читателей, держимся. Горячка кипит. Наконец остается немного – что-то немного доделать, доклеить, бросить последний штрих, а потом взять газетищу на руки и – одному с этим не справиться – потащить ее в коридор.

И вот – свершилось! Продукт бессонной ночи распят на стене.

Семь тридцать. Появляются первые студенты. Глаза, еще заспанные, сразу изумленно раскрываются перед газетиной. Мы наблюдаем. Гордость: ты это сделал! Толпа у газеты растет. Газета принята. Мы покидаем нашу кафедру.

На лекциях посапываем. С половины уходим. Вроде бы и всё. А на сколько осталась эта ночь! Как долго не забудешь ее! Наверное, всю жизнь. А если таких ночей много? Значит, и помнишь больше. Чего только стоит чтение стихов по кругу. Сладчайший нектар!..

❖ ...Попала на «Испанские миниатюры» – чудо темперамента, густой знойной крови, грации, веселья, чувства. Это состояние, «когда огонь горит в крови». Чувствуется фон романсеро ритмичной Андалузии, Гарсиа Лорки.

❖ ...Слушала «Искателей жемчуга» Бизе. Хорошая сказка с чуть-чуть слышными голосами.

❖ О музыке в «Рублеве»:

...Я волновалась, отворялись сокровенные тайники в душе и уме моем. Порой музыка так слита, что просто слышишь, как звучат природа, человек, ветер, волхование. И не замечаешь, что это фон.

В конце – моя реакция: рыдание и дрожь, едва ли не материально соприкоснувшись с миром красоты и зарядившись правом на свою жизнь и собственное творчество...

❖ Аве Мария! Дай силы преодолеть себя! Себя – со всеми сомнениями, словно черви, грызущими душу, почти не отступающими. Я как нищая, вымаливающая сил на каждый час. Долго ли так может быть? Татьяна⁷ пишет мне: «Плюнь на шлюпку, находи свою палубу». Но я уже не знаю, где моя палуба, потому что нет ни опыта, ни дела, ни мастерства, чтобы уверовать в себя.

Под всем должен быть прочный фундамент. А если только рыхлый, создающий видимость каркас? Примириться с заурядностью и отбросить наполеоновское прожектёрство? А если это мечта, тайное стремление? Да я и сама отмечаю: вижу порой словно шире, отстраненней и расцвеченней. Тысячу раз виденное вдруг обнажится, словно спали наносные напластования, явив первородство красок. Ходишь и бредишь тогда. Но все мои открытия – точно сколки. И видимость леса. И просвет насквозь.

***

Живет внутри и просится на свет,
Как неродившийся ребенок,
Какой-то неоформившийся бред,
Как будто слышу предков я, потомок.
Не мысли то, не звуки,
А вечные и праведные муки.
И счастья горького звенит струна,
И все любви, все смерти, расставанья,
И трепетное жизнью обладанье –
Все просится на свет,
Все жаждет бытия.
И кто им жизнь подарит,
Коль не я?

---

⁷ Татьяна Игнатова, подруга со школьных лет и потом долгие-долгие годы.

Заоблачные выси. К ним я вознесена.
 Нелепые какие слова и письмамена...
 А может, приземлится? Поближе рассмотреть?
 Нет, выше, выше, выше
 Мне хочется взлететь!
 Чтоб ту же землю разом
 Окинув, обомлеть
 И, захлебнувшись ветром,
 От счастья умереть...

❧ Художник, если он настоящий, видит всё вокруг себя таким, каким мы себе и представить не можем. Печать «художник» – высшая отметка зоркости. Потому что художник не то чтобы видит не так – он видит предмет в историческом разрезе или в его годовых кольцах. Его состояние неведомо нам в силу нашей толстокожести. Можно его изучить, исследовать, но нельзя побыть в его шкуре – это божий дар.

Смотрела англо-итальянскую картину «Ромео и Джульетта», где герои по возрасту приближены к своим 400-летней давности прообразам. Артисты, по существу, играют самих себя. Любовь – и нелепую невозможность ее. Чистота – в обладании любовью, в лицах одухотворенных, растерянно-счастливых, почти блаженных, с пробегающей тенью страха потерять свое счастье. Атлас и упругая свежесть кожи, живые, говорящие ярче слов глаза, чуткие руки, жадные губы мучимых жаждой любви людей.

Однако тут главное – не живописание. А та роковая вилка – любовь и ее невозможность. «Нет повести печальнее на свете...»

Я видела живых людей, напоенных здоровьем досыта, шутящих провидцев или судей времени и людей в коросте пороков и ханжеской мантии, подвижников добра и его радетелей. У Шекспира люди – ядреные, полнокровные, во всем спектре цветов и оттенков чувств, настроений и размышлений.

Шла домой. Холодный резкий воздух. Мимо сновали заня-

тые и озабоченные жители земли, а я шла сама в себе, чуточку отделившись, отделившись от них.

И вдруг – картинка из какого-то чужого детства. Чья-то мать, гости, чистота, тепло, уют, празднично-беззаботное, легкое состояние. Все вокруг стали казаться такими вот гостями из этого – не моего! – детства. Огоньками вспыхивали пуговицы на чужих пальто. Каплями сока повисли лампы фонарей.

А в мыслях – откровения об откровенном. И осознание моей потерянности.

Поднимаюсь по лестнице с громадным, назревающим желанием скорее хоть что-нибудь сказать. Идет соседка. Усталая, с оттянувшей руки сумкой. Не выдерживаю, и из меня само вырывается:

– «Ромео и Джульетту» смотрела!

Вздыхает и говорит, как о сказке:

– Да, слыхала. Хороший фильм. Но это же так давно, и даже не веришь.

Останавливается на секунду, горько улыбается – так, кривая усмешка губ. Я что-то говорю ей вдогонку, довольно неубедительное. И думаю: «Здорово же мы заражены всякой заразой. Завязли. Сбросить бы всю шелуху и вытащить свои застрявшие лапки...»

Я у разбитого корыта. Уйти от всего этого? Но что я себе докажу? Что я и так ничто. А что же, в конце концов, сделано, чтобы не быть ничем? Противна себе...

Хм. Естественные мысли после фильма... о любви? Да, о своей любви. К жизни.

❧ ...Эчка⁸ в больнице... Боюсь. Туда бы рванулась... Пора уж мне отойти, уйти. Не в позе, не рисуюсь, приняла бы на себя всё. Конечно, жаль было бы уйти от неизведанного мною богатства: книг, картин, мелодий, людей, загадок жизни, неба, красок дня, заката и восхода, открытий природы. ... Рано или поздно уйти все равно ведь придется. Однако пустой разговор, потому что жизнь распоряжается всеми по-своему.

«...Жизнь
распоряжается
всеми по-своему»

❧ И все-таки весна. Несмотря на выпавший снег, на ветер «северный, до 15 метров в секунду», на низкие и бесцветные тучи. Несмотря на то, что почки «в зимних пальто», и зачастую на лицах людей гримаса недовольства. Но есть совсем другие приметы – вроде запахов, по которым бесповоротно радостно, и с тебе-то понятной грустью отмечаешь: весна. Нет-нет да вынырнет из толпы растерянно-непонимающая физиономия: ничего еще не произошло, но уже что-то – неведомо что – зарождается. Или сдуревший тип в плаще. Или сквозь серость, уже под самый вечер, когда не ждешь никаких перемен и сдался перед погодной серостью, вдруг в этот самый момент тускло, наподобие голубино-настороженно-тусклого глаза, пробуравится и солнце: мол, я есть! Я – там, за слякотью небесной, но я – есть. И знайте об этом!

Или вот еще приметы: парной с хрустом воздух – воздух исходящих паром на солнце сосулек; или чавкающие лоскутья снега с трафаретом следов. След – на след, след – на след, и вот уже снег размяк, разошелся, расплылся, и обнажилось первородство твердости, а чуть сбоку нечаянно врезался кошачий мягкий след, резьба легкого летящего каблука, основательная печать чьей-то твердой поступи.

⁸ Речь об Эльвире Юрьевне Усачевой, которая дружила с Галиной Александровной со школьных лет и до последних часов ее жизни. Ее муж Евгений Алексеевич, кандидат медицинских наук, доцент Пермского медицинского университета, когда-то, как нечаянно выяснилось, ходил с Дубниковой в одну детсадовскую группу, а потом тоже стал верным другом, незаменимым собеседником в разговорах о музыке, о книгах, о стихах... Семья Усачевых была ее семьей.

И между всем этим, между островками асфальта, воротниками сугробов – вдруг опрокинутое небо в лужах, край крыши, промелькнувшее облако, восторженно напрягшиеся прутья веток и ты сам – да-да, ты – со своим недоуменно-внимательным выражением. Неожиданная встреча с самим собой. Волшебное состояние, когда ветер гуляет по твоим жилам. И вот тогда-то во мне что-то неумолимо зреет и тянется к свету, мне хочется раскрыть рот и рассказать об этом моменте особого прозрения. Я всё такая же, и в то же время стали тоньше мои капилляры, в них ток крови подстраивается к току крови рождающегося чуда природы. Тогда в понятие чуда я вкладываю весь мир вокруг меня – всё вечное и меняющееся, и небо, и крыши, и дороги. Но есть самое главное – люди. Они говорят по-другому – звонче, по-другому смеются и грустят. Человек меняет кожу.

И все это, и еще многое, которое вбирает в себя это всё, гудит во мне серебряными трубами и просит выхода. Обозначиться! Вылиться в свой облик – слово. А может, это и есть мое затаенно-желанное – ПИСАТЬ: запечатлеть момент, который вызвал во мне особый настрой и необычное состояние. Запечатлеть, чтобы поделиться.

Я воспринимаю жизнь не просто разумом, а чувством, и все во мне на нее откликается. Читаю ли что-то – говорю свое ответное слово: на каждое положение, на внешний облик, на подводный ток. Сразу же во мне загораются контакты, и зреет своя цепочка реакций и волн. Только одно плохо: я все это гашу в себе. Если же писать, то надо тут же, голыми руками схватывать эти горячие контакты.

❖...Успела до теперешнего шквала кашля сходить на «Князя Игоря». Хорошо. Правда, иллюстративность многих музыкальных моментов смущала и вызывала неловкость. Но увидела избяную, простоволосую, чистую в своей детской наивности Русь. Вкрапление белых башенок, вышечек, дозорчиков, лесенок в пышную природу. Стальная, как шелом, лента реки. И раздолье, раздолье, раздолье.

❧ ...Вчера – два концерта. Первый – Брюсов устами С. Сначала вслушивалась, нравилось, хотелось верить ему, но... Очень неровно. Мало того: контрасты от шепота до крика, с разведенными, воздетыми к небесам руками и указующим перстом; переход конца одного слова в начало другого – слушать очень трудно, не то что смысл понять. Вначале ужаснулась: может, это у меня осложнение? После только-только отходящего гриппа?

Вытягивала шею, разглядывая фигуру чтеца на сцене. Затем старалась даже не отвлекаться, смотрела в свои колени. В общем, что ни предпринимала, стихи Брюсова, его переводы Верлена, Готье, Метерлинка не звучали. Было больше удовольствия, когда читала его сама. Уж очень «изобразительное» чтение. До смеха. А любовь выглядела у него... похотью. Может, виноват он сам? Масляная котовья физия, сладострастный ротик, грешные глазки. Старый ловелас. Порой было стыдно, будто подсматриваю за кем-то...

Итак, первый концерт – насмарку. Зато второй!

Виктор Пикайзен. Внешне тоже не блещет: увалень, с брюшком, наплывшими розоватыми щечками и вторым подбородком. Но когда он стал играть... Я уже не видела его смешноватого облика. Я только ждала: что еще он расскажет мне, какие картины развернет. И шла за тихой грустью, закутывалась в эту мантию горя и тьмы, или вдруг прорывала стягивающий меня узел и находила себя, нападала на чистую струю воздуха. Или безудержно, по-сумасшедшему радовалась жизни. Его смычок дирижировал моей жизнью. Вернее, вся жизнь, изображенная композитором, раскрывала свои богатства, послушно повинувшись смычку скрипача, обретая драгоценную оправу. А Бах! Партита ре минор (первый раз в скрипичном переложении)! Сколько ладов, регистров, а значит, настроений, эмоций! И не с поверхности, как пыль поднял, а из глубин, будто дорогие камни из недр вызволены. А Бетховен! А Шуберт, когда в «Аве Мария» возносился к небесам, взывая ко всем силам земным... Венявский, Крейслер, Прокофьев...

Достигнутого торжества
Игра и мука –
Натянутая тетива
Тугого лука...

И хотя это Пастернак – о Шопене, но о той силе, которую я услышала от Пикайзена, я бы сказала так же. Он оказался большим лириком, мягким, сильным, грустным, но не тоскливым, веселым, но не легкомысленным.

Концерт закончился. Он вышел на сцену. И теперь я видела не тучного, а просто по-детски неловкого, с улыбкой не натянутой, а растерянно-счастливой, скромного, милого увальня с тонкой «мембранной» душой.

❧ ...Летом пойду в обком комсомола, буду добиваться другой работы. Надо самой приложить руку. Только трудно за себя бороться, сжимает горло, нет сил абсолютно, чтобы просить за себя. Претендовать на что-то – значит, верить в себя, знать, что это что-то есть в тебе. А если я не верю в это, если я – самая заурядная личность, значит, и нечего претендовать, заведомо зная, что заявка слишком велика, а потому и несостоятельна. Но разве, скажем, библиограф – такая несостоятельная вещь?

А ведь это составит мою жизнь, заинтересует меня, я **выложу сердце**.

❧ ...Пишу по солнцу. Весь лист в солнце. А с утра все деревья, провода были затянуты кружевным покрывалом. Лишь взойшло солнце, бережно сняло покрывало до ночи, и всё сейчас в золотом праздничном свете. День в разгаре. И мир. Очень хочу мира. Тогда ни о чем беспокоиться не буду.

На сердце осень, в сердце горечь, на небе серость беспросветная, дым из трубы лезет к нашим окнам, затуманивает стекло.

А что делать мне? Как мне жить дальше? Я не в силах не только думать, даже крик застревает в глотке, не в силах прорваться. А такое желание всю боль криком излить... чтобы потом не видеть черноты, а делать жизнь упрямо и светло...

Бог мой! Если б ты был, ты бы не смог мне помочь, потому что люди сильнее тебя, решительно ничего сделать не в состоянии.

Знала бы, что так будут бить меня, разве стоило хотеть жить!.. А я хотела и жила. И, как ни парадоксально, хочу жить. Я предчувствую, я знаю, что меня ждет в жизни, пусть и интуитивно, но хочу узнать на поверку, что же будет. Хочу сделать хоть что-то нужное, оставлять как можно больше света в других душах, хоть кому-нибудь принести радость и приносить ее всегда. Это желания. А что же слышу я пока?.. Пожалуй, далеко противоположное: все, к кому обращаюсь, как-то дают понять, что я слишком многого требую, что чуть ли не пользуюсь тем, что не хожу. И все ответы объединяются в одно: ты хочешь крылья, ты просишь, чтобы помогли им расти. Так знай, нет таких кузнецов, которые куют крылья. Так что смирись, о небе не думай, смотри на землю – она не в розово-небесных красках, а в землисто-черных. Никто не в силах для тебя что-либо сделать. И если у тебя комок в груди – живи с ним.

Позвольте, говорю я тем, от кого это слышу, тогда что вы можете? Возводить города, но не лечить людей, которые там живут? Тогда это будут безумные города. Вы скажете, что не все люди – инвалиды, но разве все люди – духовно крепкие, уверенные, без тени колебания и сомнения? Тогда это роботы! Человеку же свойственно всё! И если так, то бывает необходимо, чтобы в трудную минуту ему помогли. Но этого сильные мира сего в лице директоров и начальников не могут, не умеют, не в силах. Неприглядная, беспросветная картина!

Но я не хочу так! Я хочу жить! Жить! Жить! Жить! Хочу, как все, дышать, упиваться небом, Шопеном, красками и красивыми людьми. Я очень хочу жить...

«Я очень
хочу жить...»

❧ Опера Мусоргского «Хованщина». Все бы отлично, если бы... Не готовая продукция, а составные компоненты. Повторяются куски, начинаются по три-четыре раза. Оказывается, идет съемка на ЦТ. Судороги Хованского, босого, корчащегося в нижнем белье... И все прекращается по указанию дирижера. Ин-те-рес-но, прямо скажем. О какой целостности, каком театральном воздействии можно говорить? В зале были школьники, которые весьма веселились. Вот будет что рассказать! Вот смеху-то в школе будет!

❧ Елена Камбуrowa. С самого первого мига и до конца концерта (спектакля?) ощущение доверительного причащения к высокому, истинному, которое происходит на твоих глазах, но не сиюминутно, а в развитии времени, – не покидало. Состоялось слияние вечности и момента. Человечества – и тебя лично.

Потому что все песни, хотя это и не совсем тот жанр, здесь скорее следует говорить о музыкальных новеллах – они, казалось, посвящены только тебе. Их герои – мотивы – страсти – страдания, их опыт судьбы – это же, по сути, все твоё.

Программа поэзии ясна из перечисления одних лишь имен – высокая, вдохновенная поэзия. Музыка? Наверное, органичнее не придумать. Почему? Да весь секрет в исполнителе – Елене Камбуrowой. Она видит и ощущает каждый звук (слова ли, мелодии) как со-участие, со-разделение. Напряженная чуткость зала – как тот мир, в котором и растворялась актриса. Как у нее это получается?..

❧ ...Евгений Малинин. Бетховен.
Соната ре-мажор...

«Это ли не главное чудо музыки?..»

Начало напоминало рахманиновский концерт – каскад обрушивающихся звуков. А затем вырывается тема, как бы пробившись сквозь этот напор. И раздумчиво-проникновенно-выговаривающееся начало выступает вперед, оттесняя шум, шквал, симфонию звуков – до того, что останавливает-

ся, словно на многоточии, на едва повисающем звуке. И снова поиск, и снова очередной каскад.

Это здорово – вдруг, как сквозь музыкальный фокус, проходит твоя собственная душа, сливаясь с настроением автора, и ты уже у него в плену, уже заражен его мыслями. И нет предела времени. Есть мир жизни, течений, борьбы, раздумий – его и мои. И оказаться сопричастным, вытеснив, как накипь, собственную неудовлетворенность, недовольство, свою растерянность, и вознестись с ним к высшим идеалам – это ли не главное чудо музыки?..

❧ Концерт Наума Штаркмана в художественной галерее. Неожиданно и приятно поразило все. Камерный зал под куполом человек на пятьдесят. На стенах картины. Прямо в меня (или наоборот, я – в него) смотрит тропининский портрет Васильчикова... И я возвращаюсь в прошлое столетие, слышу и принимаю Шуберта, Шопена и Чайковского. Изящно и ненапыщенно. Откровенно, но не наизнанку, доверительно, но не экзальтированно. Внешне спокойно, но взрыв чувств. Уход от мирской припыленности и слепоты – к окрыленности и осознанию всего самыми кончиками пальцев. Бьющий ток тѣк.

Звук взлетал под купол и оттуда мягкими нисходящими струями обнимал тебя. Не было, казалось, никаких перегородок между тем, кто отворял мир «высоких чувств и помыслов высоких», и тобой.

Штаркман – словно натянутая струна, словно пружина, но мне нравится его игра.

❧ Игорь Жуков. Худой, аскетичный, нервный, эмоционально-возбужденный, над клавиатурой – даже до тика, до гримасы.

Порывистый. Летит – и волосы летят. Чужд рисовки, манерничанья. Моцарт, Шопен, Скрябин, Шуман, Бах, Скарлатти, Рахманинов...

❧ ...Надо дело делать! Не созерцать, не подавлять, а постоянно делать, что в силах и через силу.

1. Помогать тем, кому эта помощь необходима.

2. Написать, рассказать историю тех, кто в рядах жизни, кто не выпал из жизни, а незаметно, буднично вносит свою лепту...

Главное – чтобы небо никогда не уходило от глаз.

Самое лучшее – **это небо!**

❧ Проснулась, рванулась взглядом в щель штор: что там на небе? Я по нему угадываю день. Сегодня небо еще темно-серое. Нет, холодно-серое. Вытянулась, чтобы увидеть его больше и ветки не загораживали. Нет! На вчерашнее не похоже. А вчера было столько солнца! И оно, еще не взойдя над городом, уже сияло, и отсветы его радужного благодущия кругами расходились по белу свету, то есть попросту по небу. К нему тянемся, в него опрокидываемся. В него и уйдем капелькой испаряющейся росинки.

Ну, а если волны ясного света перекатываются по своему раздолью, то в зыбучее блаженство втянута каждая частица невидимого и видимого мира, каждый глоток воздуха. А ты сразу вдруг видишь этот наполненный нужностью запев дня.

Не в полный голос. Крохотной, пунктирной почти мелодией он журчит, как ледяной проснувшийся ручей.

И – все. Ты – безвольна. Ты вся во власти и этого звука, и этого розово-туманного утра. Отсюда и весь начинающийся день. Во мне бурликает мелодия. И что бы ни делала – умываюсь ли, ожидаю ли свой личный транспорт, работаю ли – нет-нет да прозвенит во мне мелодия. И я, спохватываясь, стыдливо прихлопываю ее серьезностью. А она, экая, снова и снова! И если что-то уж вовсе чужеродное не вторгнется, не пресекает ее почти хирургически – жить мне этой розовой явью. Что важно: я начинаю только при ней дышать. И всякие благие порывы идут в унисон с сиянием розового дня.

«К солнцу тянемся, в него опрокидываемся»

Ну, а если что-то врежется, тогда вмиг с ног на голову. И день мой, в котором я, как рыба в воде, высыхает до изнуряющего жара. И не то что дышать – не продохнуть. И я жду шквала, трепки, бури. Хорошо, что ни одно из состояний не вечно. Наоборот, слишком узки и тесны просветы, в которые щедро прорывается свет. Полный и неизмеримый.

Так вот, вчера взошло безмятежное утро. Ехали по дамбе, и хотелось каждую секунду кричать от открывающихся щедрот: фонари – капсулы утреннего солнечного света. На всем – отсвет выплывшего распахнутого светила. Мы мчимся, ветер обхватывает машину, и по небу вместе с нами перекачиваются спицы солнечного колеса. Вот оно не спеша западает за кустарник деревьев, за бугор дома, за шлейф копоты из трубы.

Шел день: полосы, корректуры, звонки...

❧ Концерт Алексея Михлина и Циалы Квернадзе. Оба очень сдержанны, академичны. Она – грузинка с изумленным, чуточку наивным лицом, редко дает прорваться своим эмоциям. Лишь в конце, когда обрушилось «браво», почувствовались ответная экспрессия и благодарная раскованность.

Он – круглолицый, гладкий, спокойный, собранный. Но вот скрипочка в его руках – и сдержанность уступает тонкой вдумчивости, нарастанию всех и всяких страстей. Нет, даже не страстей, а игре фантазии. До страсти еще не дошло.

Вечер сонат – спокойной, раздумчивой, сосредоточенной музыки, наплывов теней былого.

И двое – оба солисты.

Сонаты разные, но в каждой – Шуберт, в каждой – чуткая и виртуозная вариация главной темы, темы легкой улыбки в грустной жизни. Но это не надсадная грусть-тоска, а сосредоточенная углубленность в пласты многогранной жизни. Игра не воображения, но мысли...

Потряс Гендель. И Равель – соната-блюз: пружинистая напряженность какого-то момента-настроения: переход от тени

звука к его ломаной оборванности, пиццикато в ритме капающих отголосков эха. Осталось, задело, восхитило, удивило, расшевелило, а всё вместе – громадное удовольствие. Экстатического накала моих страстей ответно не произошло. Хорошо это? Или так и надо – не бесноваться? Но ладони долго горели, и сдавливало сердце.

«...Ладони долго горели, и сдавливало сердце»

❧ Рудольф Керер. Как всегда, когда сумела настроить себя на музыку – готово: устала, ощущение измотанности. А что говорить об исполнителе? Вот где старятся артисты, выкладываясь для тех, кому играют.

Керер – Мастер. Сильно и страстно, лирично и мягко, но не до «закатывания глаз», он пропускает музыку сквозь сложную многоцветную призму человека-провидца, и мир композиции и авторских замыслов входит в нас. Он посредник между временем – и тобой. Великое благо и благодать!

Анализировать? Не хочется. Потрясло все. Буквально потрясло, потому что градации между полярными точками настроений и состояний так велики, а его умение вовлечь настолько велико и энергично, что попутчиком не прослушаешь – только участником.

Удивляет, как многоголосо могут звучать вариации. Одна тема, один лейтмотив – и сонм мелодий, красок и граней. От гремюще-победных до зыбко-трепещущих. Не ритм, а цвет, колористика. От гофмановской грозной настороженности (у Листа) до игры воды (огней – у Листа). Вот диапазон. И полутона...

❧...Я больше ничего не могу слушать! У меня внутри что-то обрывается, медленно, но упорно тянет вниз. Сколько за последнее время обрываний! И почти каждый день! Ведь по законам человечности внимание и готовность к участию должны царить над всем. А что я прошу? Можно подумать, что манны небесной или птичьего молока.

Машина типографии стоит перед крыльцом, а мама идет на стоянку такси, чтобы я могла уехать домой. Отвезти меня и вернуться обратно – это минут десять–двадцать. И, оказывается, это неразрешимо. А я каждый день выбрасываю деньги, треплю нервы, дергаю маму, а она – меня. Вот так и живу. Что делать? Нечего! Смирись! Не лезь, не надо! Не рвись в небо!

«Не лезь, не надо!
Не рвись в небо!...»

С таким настроением и хожу эти дни. А ведь когда-то и это оборвется. Тогда ничто не поможет. Уж лучше умереть. Но я не могу это сделать, потому что все-таки до боли щемяще-тоскливой люблю жизнь, деревья, небо! А уйти от этого просто так невозможно. Сил и мужества не хватит.

❧ Венец года. Сюрприз совершенно неожиданный. Концерт Оксаны Яблонской. Лауреат в Париже, Вене и еще много где. Моложавая, спокойно-хладнокровная внешне, но за этим внешним спокойствием чувствуется твердая, уверенная сила. И все это сказалось в игре.

Вначале не понравилось ее холодно-равнодушное исполнение «Патетической» Бетховена. «Аврора». Уже лучше, но налет академизма, блестящая техника, сила удара, особенно фортиссимо.

Зато во втором отделении она показала себя, развернулась. Звуки литые, отточенные, вещи эффектные и красивые!

...Женьке очень понравилось. У него аж пластинка ее есть. Оказывается, эту программу она будет давать в Большом зале Консерватории.

Хороший, добрый концерт. Ушли на вечер мои беды, сгинули.

«Ушли на вечер мои
беды, сгинули...»

❧ ...В рассказе меня тронуло замечание вскользь о двух планах, в которых живешь. Один – твое сиюминутное, острое и больное, волнующее и свежее. Другой – подсознательное,

все, без чего себя не мыслишь (как без руки или ноги), все, что просто есть. Ты его не замечаешь, но благодаря этому второму плану ты есть. Отними что-то из него – и почувствуешь свои ущербность и сиротство. Но уж коли ОНО, это невидимое, есть, ты его неблагодарно не замечаешь и можешь спокойно заняться сиюминутным.

Вот и мне надо, чтобы это было. А главное – чтобы были мои друзья, их мысли, обращенные ко мне. Как роднички с живой водой. Я имею в виду не только друзей на расстоянии, но и дома.

«Главное – чтобы
были мои друзья...»

❖ Маленький рассказ – весна, и во мне лопается почка. Звук – как по туго натянутой струне, то плавно, едва слышно, то страстно и колко, почти пиццикато, – и отворяется душа.

Строка стиха – и учащенно бьется сердце. Что это? Седьмое – вечное – чувство? Познание себя? Не во имя познания, но во имя осознания мира через тебя. Ты – как рупор его. И чем этот рупор чище и стенки его качественнее, тем и голос, отзвук мира, будет чище в первозданной ясности.

❖ Эренбург написал:

Искусство тем и живо на века –
Одно пятно, стихов одна строка
Меняют жизнь, настраивают душу.
Они ничтожны – в этот век ракет –
И непреложны: ими светел свет.

❖ Вот и открывается очередной концертный сезон. Изголодалась изрядно.

❖ Был Штаркман. (А концерт-то помнится тот, в галерее.)

Был Шопен. Много Шопена, как одна-единая соната в миноре. Как знать, может, в счастье Шопен и по-другому выглядит,

весело и играючи, а мне всегда (ввиду отсутствия веселья) он бережит самые заветные струнки, подчиняет своей боли. Он для меня – раздумье...

❧ ...Олег Крыса. Почти мальчик, высокий, стройный, с густой ниспадающей челкой.

Играл изящно, сдержанно, богато, щедро наполняя звук содержанием и чувством.

❧ Собрались в университете через десять лет. С курса, кроме меня, четверо: Надя Пермькова, Нина Гранкина, Галя Бормотова и Вика Шарова.

Да преподаватели. Да новый, чужой корпус, да пьяное откровение.

Нет, все было не так, если всмотреться глубже.

Во-первых, замирало в страхе и волнении сердце. Десять лет прошло. И встали годы – те, что из юности, когда столько планировалось, звало, пугало, когда верилось в свою точку опоры, в нужность тебя, крохотного винтика общечеловеческого механизма. Я не хотела быть сверхчеловеком, знаменитостью, но мечталось и страстно желалось наполнить делом и смыслом свою жизнь и дать оправдание, для чего я живу.

Прошло десять лет. Не десять страничек перевернуты, а десять больных и радостных, невыразимо-горьких и поистине счастливых лет. И все-таки я не родилась... Я не состоялась. Углубившееся недовольство собою и, наконец, как приговор – неверие в себя.

Чем конкретно могла я стать? Дай бог больше ума и возможности, даже при моем уме – все-таки критиком. Лишь как пунктиры из всего – мои записи отдельные. И мои письма, в которых делюсь своим видением и открытиями.

И что же? А то, что пришла серым корректором, хоть и гнала от себя эту мысль в браваде: мол, мы такие, мы жизнерадостные, мы живем. Убить себя хотелось. А может, это тщеславие

неудачника?.. Но я же не завидую другим, я лишь себя бью. Однако внешне все было куда спокойнее.

...Вот и аудитория. Амфитеатром. Химическая. На столе – кран от водопровода. И во всю стену таблица Менделеева, 102 элемента. А справа стена ступенчатых окон. Нет, хорошо, что мы здесь никогда не занимались: неудобно-то как! «Если бы наша угловая кафедра в ночлежном доме – старом корпусе университета была такой», – с тоской думаю я.

Римма Васильевна Комина! Совсем искреннее рукопожатие и вполне заинтересованные вопросы. Я как в угаре: и радость, и робость, и желание поговорить с ней.

Начинается. Нина Васильева (она так же молода, тоненькая, стройная, в красном платье, золотоволосая, и то веяние ума, которое сразу угадываешь). Волнуется. И лишь когда выходит на кафедру Ал. Андр. Бельский и гнусаво-монотонно выговаривает поздравления и произносит статистику, она успокаивается, сидит себе тихонько. Солнце и на нее тоже смотрит, и видится мне отчего-то в позе ли, в острой ли фигурке – Тулуз Лотрек. А солнце квадратами окон падает на террасу рядов и на всех. Я сижу у самого подножия, ничего не вижу, кроме самого солнца. Вот они откуда, импрессионисты.

А потом Маргарита Николаевна Кожина ведет дорогу университета с 1948 года, года ее окончания, до наших дней. Цифры, звания, дела. Учительница-выпускница умно и мило говорит о полете мысли, который дает университет, и о том, каких учителей готовит он. Сарра Яковлевна... Домнин, Кутузова, Пермякова... И все идут веселиться – встречаться.

Сидим с Надей, Ритой Спивак, Соломоном. Пьем. Хмелеем. Выговариваюсь, признаюсь. Римма Васильевна: «Вам надо чаще пить: вы смелее».

Отрезвляюще-весенняя прохлада ночи. Где-то за облаками медузой плавает лунный свет, и в черных омутах синеют звезды. Гудки поездов, тяжелый ахающий ход вагонов, скрежет, грохот – все то же самое, что было долгими ночами на кафедре десять лет назад, под что рисовала я себе будущее и

считала, что все исполнится. Какое было милое и наивное время!

«Какое было милое
и наивное время!..»

Напротив новые дома. Новое всё. Мы говорим на крыльце в ожидании такси – и вся тяжесть отошла, я наслаждаюсь настоящим без взвешиваний и оценок, как праздником. В машине тепло. А за окном мчатся огни безучастных жилых массивов, и мягко ложится асфальт, и тихо спадает угар только что пережитой радости. Приходит горькая взыскующая трезвость.

❧ Встречаясь со мной, спрашивают:

– Пишешь?

А что могу сказать? Пишу? А что пишу? Писательница!.. Но если будет писать каждый инвалид – что будет? Не литература, а сплошные страдания. Потому что писать о людях больных в назидание здоровым – это писать и о страданиях, внутренней борьбе этих людей. Писать о добрых людях (они есть, и хотя редко встречаешься с ними, но сознание, что есть добрые люди, поддерживает тягу к жизни) – все равно так или иначе, но опять-таки страдания не обойти!

«...Опять-таки
страдания не
обойти!»

Что же это за литература?

Так что отвечаю:

– Не пишу. Бездарь я – и всё тут.

❧ ...Николай Петров. Превосходный темп, необычайная сила, сдерживаемый темперамент, прекрасный настрой, здоровое духовное начало. Вот бы ему Листа! Но и Прокофьев сверкал молодой энергией, жаром, напором страсти.

❧ ...О певице Л. Раздраженное ощущение от позерства. Ма-ска улыбки. Ординарность, отсутствие интерпретации. Выхо-лощенность чувств. Припыленный, с хрипотцой голос.

❧ Всё та же осень. Ее исход – снег, ветер с севера резкий и сильный. Согнутые спины деревьев. Чавкающая мокрота, в которую впечатаны листья. Всё к концу. Но отчего сегодня нет этого тягостного, обреченного чувства? А все оттого, что, во-первых, готовилась к концерту Даниила Шафрана, а во-вторых, надежды и ожидания оправдались.

Как-то остро ощутилось, что значит чувствовать вдвоем. Была со Светланкой⁹. И знала, что одинаково чувствуем мы с ней, отсюда и легкость разделения мысли.

Концерт – как антипод нудно-коричневому дню. Какая-то здоровая и оптимистичная реакция.

«Прирожденный артист» – говорят о таких. Порывистый, резкий, ар-ти-стич-ный. Быстрый взлет на сцену, легкое отбрасывание фалд сюртука, какофония настроя, чуткие пальцы прислушиваются к струнам виолончели, пестуют, приглаживают звук.

Глаза закрыты, и такая блаженно-высветленная улыбка проступает, словно только что в нем самом родился этот звук. Тут и удивление – вот оно что вышло! – и радость, и внимательная зоркость ко всему нарождающемуся. В итоге впечатление живой плоти звуков. Как легкие блики играют на лице Шафрана – таким же отсветом поражает и Бах, и Гайдн, и – о боже! – «Итальянская сюита» Стравинского. Поистине многокрасочность, где в знойно-сгущенном растворяется едва видимый палево-голубоватый. Интенсивность звуков и едва слышимое, брезжущее дуновение.

Черный силуэт на фоне желтых драпировок, легкие изящные руки и мягкий арабеск смычка. Чуткий, как эхо, аккомпаниатор – Антон Гинзбург.

Бах. Ушла в тот век, в переборы и вариации одной темы, как по ступеням – все выше и выше.

Гайдн. Концерт до мажор. Слушала так близко впервые. Так проникновенно! В клавишинное почти начало вдруг мягко

---

⁹ Светлана Кривошей – близкая подруга Г. А. Дубниковой.

влился широкий и мелодичный голос виолончели. Пение до выговаривания, от полутонов и намека – до почти словесного речитатива, и всё заключающий мягкий рисунок мудрой многозначительной фразы. Легкая ирония в улыбке – и снова серьезная нить не горя в глотке, а просто плотности и полноты жизни.

Поразил Стравинский. Здесь слышала снова и Баха, и цыганские хороводы Сарасате, и темпераментную тарантеллу, и того Стравинского, которого ни с кем не спутаешь и не сравнишь. Пляска Петрушки, которого дергают десятки ниточек. И снова широкие картины ... а дальше то же удивление – до ах! – и приятного замиранья, восторга...

Честное слово, концерты – своего рода богослужения: то же очищение, та же исповедь, то же причащение к миру Всевышнего и вера в себя. В человека.

***

Серый цвет. В нем все сошлось:
И оттенок негативный,
И какой-то заунывный
Недолет-неперелет.

Серой плесенью покрылась.
Ни травинка не пробилась
Сквозь спелёнутость души,
Чтобы приказать: «Дыши!
Слушай крови алой ток,
Зеленью умерь восторг
Перед желтым ярым глазом,
Разорвавшим серость разом.
Освежись голубизной,
Хлынувшей на мир земной!»
Серой быть я не хочу,
Но немею и молчу.
Скинуть цвет не по плечу...

Последние грозы лета.
 Неистовы молний разряды.
 Под канонады разрывов –
 Шквальные плети дождя.
 Вослед громам и раскатам,
 Вослед вакханалии звуков
 Победно и всеохватно
 Нисходит на мир тишина.
 На всем голубая прохлада
 С багряными пятнами света.
 И нити первых сединок
 В кудрях уходящего лета.

«Если я пасую,
 уступаю, значит,
 грош мне цена...»

❧ ...Я разучилась жить. Я гибну, старею, мертвею. Я разучилась мыслить, думать – и это гнетет и не дает покоя. Я растворяюсь в дрязгах и пустой болтовне сослуживцев – и это не делает мне чести, роняет даже в их глазах. А я хочу быть самой собой, не подлаживаться, не угождать, не отвлекаться от того, что зовет, заставляет тянуться к солнцу. Необязательно стать писателем, но быть последовательной, все время работать с собой, не поддаваться всяческому невесть откуда появившимся отвратительным чертам – вот что должно быть повседневно, ежечасно, ежеминутно. Если я пасую, уступаю, значит, грош мне цена и я не человек.

...Часто мучилась переживаниями, ужасными захлестывающими думами – было все, от всего этого осталось какое-то теперь безразличие и нежелание остро над чем-нибудь задумываться. Скользила по всему поверхностно, а надо делать что-то назло и делать, делать, делать, в чем бы это дело ни заключалось: то ли ходить до изнеможения, то ли читать запоем...

«Делать? Что?
 Устраивать
 людские судьбы»

И долго буду я себя бить в грудь? Долго ли буду справлять тризну по несбывшемуся и оплакивать самое себя, мою неудавшуюся, маленькую, безликую и неинтересную судьбу?

Я не хочу этого! Я хочу жить, не раздумывая, не взвешивая, жить взахлеб и жить НУЖНОЙ. Мне нужна вера, как воздух. Мне нужно, прежде всего, чтобы я сама поверила в себя и в то, что есть во мне силы, а не моя инвалидская слюнявость, что есть мое слово, а не отзвук чужого мнения, что есть мысли, а не винегрет обрывочных фраз, действий, событий. Я хочу, как воздух, пить эту жизнь. Для чего? Чтобы отдать дань тому, что я все-таки есть на земле? Такая, какая есть: слабая, безвольная, неумная, ничего не умеющая? И продолжить этот процесс отмирания живых клеток? Или жить, что-то делая, сознавая?

Делать? Что? Устраивать людские судьбы. Какие общие красивые слова. И в то же время именно этого мне не хватает. Я просто не могу жить, видя неустроенность многих. Но ведь я бессильна что-нибудь сделать из-за равнодушия, апатии во круг, убивающей и парализующей волю.

И все-таки. Обеты не помогут, самобичевания – тоже, нужно упорство, нужно не предавать самое себя ни в каком случае даже перед самой собой и делать то, что теплится, а подчас и рвется из сердца. Мне нужна помощь. В чем? Мне не надо пустых слов участия, мне нужны вера и спрос. Если я не ответственна перед собой, то уж перед людьми безответственность – моя гибель, и к тому же у меня просто в крови – отвечать перед людьми. Нужна какая-то подстегивающая, заставляющая сила. В этом, пожалуй, помощь.

...Помочь всем моим друзьям, кому могу хоть в чем-нибудь помочь. Для того чтобы знать, что делать, чтобы найти выход из тупика, нужно хорошенько увидеть его, разобраться в нем, тогда и выход из него увидится, так как нет безвыходных тупиков: где-то же есть вход в него, который и может одновременно служить выходом. Стоит только направить движущие силы в эту сторону и создать движение, а не ломиться, как баран, вперед – в тупик и понять, что здесь – точка... Надо собрать волю в кулак и прибавить к этому кулаку разум.

И еще. Стараться во всем, что происходит, обязательно уметь ориентироваться, правильно оценивать и обязательно

принимать какое-либо решение, а не безлико и безвольно отходить в сторону, махнув рукой, безнадежно захлопнув попытку, желание и оставив в душе оскоминку неудовлетворенности.

Оскоминка накапливается, слёживается, и образуется налет, который, если и снять когда-нибудь чем-нибудь, то уже попортится основа, сам материал. И останется только удалить его и жить дальше, беречь, ждать, терять, а потом, разучившись ждать, вообще превратиться в безликость и уподобиться настоящему инвалиду в полном значении этого слова.

Это мое кредо. Мои жизненные правила, от которых отступать **не имею права**, иначе я – ничто.

Работать! Только так можно полностью стать человеком. Милая, славная обезьяна, обращаюсь к тебе как к примеру – к твоему превращению под действием палки – орудия – в гомо. И мне нужна эта палка – работа.

«Я хочу, как воздух,
пить эту жизнь»

☼...Небо во мне, а я просто в небе. И ищу в нем земные пейзажи. Не просто подобие земных очертаний, а скорее гриновские дымки дальних Зурбаганов. Только что в росной зелени играло солнце, и земля казалась буднично-тихой. Но вот ушла, осталась под нами и представляется желанной и особенно красивой.

Долго шли вслед за кольцами Камы, будто брошенной небрежно на землю. Поплавки-пароходы мальками виделись с высоты.

Лечу в Крым, в мои любимые Саки. Удивительно легко, бездумно-пусто на душе. Ничто не гнетет, не давит. А несколько дней до отъезда, казалось, буду проливные слезы лить. Ведь много неустроенного: и мама болела, и сама я трещу по всем швам. И вдруг в настроении перевели регистр на объективную мудрость: живи и умеи видеть день таким, каков он есть: солнце – солнцем, грозу – грозой. И нечего всё, что тебе дано один раз и единственно, купать в соусе «а если», «а вдруг» и т. п.

сослагательных отягощающих условностей. День как есть. То есть если не горе, а просто день, «съешь» его как что-то экзотическое, а не жуй, кривясь, будто манную кашу.

Вот какое необычное вдруг пришло настроение – даже подумалось: ну и что, если ты болен, ведь все равно каждому на земле свой срок, и ты уйдешь, так отнесись к этому спокойно, но сумей отпущенное тебе время осветить неповторимостью.

Впереди 45 дней юга. Растягивала дни до отъезда, старалась задержать их, чтобы продлить удовольствие ожидания.

Планы? Первое – собрать свою разъятость во всех пластах и состояниях. Второе – вбирать полной грудью данную мне награду – перемену обстановки. Третье – не отрываться от друзей своих домашних. Не искать новых курортных друзей, радоваться озеру, деревьям, небу и всему окружающему. Четвертое – поговорить со многими больными по такой линии: КЕМ стал и КАК стал. После – КЕМ был. **Идея: книга очерков о живущих не рядом, а в жизни.** Пусть тавтология. Но именно идея жить (или быть) в жизни. И тут уже есть мои герои...

Ах ты, радуга моя, горизонт! Легко идти за тобой, как по рельсам небесным... Эта линия, эти светящиеся голубые тона – сами по себе лучший живительный запал.

Я сама с собою и с небом, мне отнюдь не скучно, а наоборот, неожиданно хорошо, хочется задержать каждое мгновение, каждую деталь, чтобы она осталась емкой, самостоятельной и значимой. И душа настрожена, а глаз нацелен на встречу с неожиданным.

Мерная белизна за бортом – будто ровно распаханная, если можно облака... пахать. Горизонт начал испаряться, растворяться в солнечно-туманном мареве. Земля уже не сквозит. О ней не скажу. Не забочусь о предстоящем, не волнуюсь. Живу просто небом.

«Тут уже есть
мои герои...»

Делать? Что?
Устраивать людские судьбы.
Какие общие красивые слова.
И в то же время именно этого
мне не хватает.

Я просто не могу жить,
видя неустроенность многих.

Из дневника

**МОЯ
ЗАБОТА**

Это началось давно и было свойственно Галине Дубниковой всегда. Никогда не просила за себя. Зато со всей страстью убеждения вступалась за больных и невостребованных, писала в газеты и городским властям.

Итак, из писем разных лет...

*Из письма заведующему
Пермским облздравотделом*

Уважаемый Б. Ю.!

Прежде чем обратиться к Вам с просьбой, решили вкратце изложить суть дела. Мы – это рядовые жильцы дома, а точнее – соседи. А письмо наше – о судьбе Маргариты Сергеевны Б., старшего инженера отдела электрооборудования Управления... о судьбе человека, можно сказать, гибнущего на наших глазах. И безучастными оставаться никак невозможно.

Многие явления для нас просто необъяснимо непонятны. Они-то и заставили написать Вам в надежде, что Вы сможете разобраться во всем.

Итак, суть. Маргарита Сергеевна заболела около года назад. После гриппа занемогла. Осенью стала с трудом передвигаться: сковывали боли в тазобедренном суставе. Лечилась амбулаторно. Исполнительно и ответственно. Ведь на руках десятилетняя дочка (М. С. 37 лет), дома все приходится делать самой, и всё с невероятным напряжением, через пронизывающую боль. В поликлинике по месту работы поставили диагноз «артроз-артрит правого тазобедренного сустава». Вынуждена идти на больничный. Ходить ежедневно на лечение. Приобрела палочку... Когда идет, аж сгибается пополам! Следующий диагноз – «деформирующий остеохондроз (сколиоз)». Идет время, диагноз претерпевает изменения, теперь он уже формулируется как деформирующий спондилёз с корешковыми явлениями. При каждом диагнозе – свой курс терапии.

Наконец – клиника, а по сути – и вера, и надежда: определят истинное заболевание, назначат истинное лечение, и всё встанет на свои места. Ведь болезнь-то, можно сказать, свежая, только борись против нее со всем жаром. Кладут в больницу медсанчасти № 4, кстати, больницу, которая на добром счету у населения. И тут начинается полное недоумение. Врач К. Б., выдержав Борисову около двух недель в коридоре, выписывает ее с окончательным диагнозом – «неврастенический синдром», выписывает на работу (а в больнице все время, и ко дню выписки тоже, температура держалась субфебрильная, и это никого не насторожило!) с последующим лечением гальваническим воротником с бромом и алоэ.

И возвращается наша соседка в том же согнутом состоянии, с теми же адовыми болями и ... показывает нам выписку из истории болезни, которую врач Б. ей выдала. Эта выписка и послужила для нас последней каплей. В этой выписке черным по белому написано: «Больная выискивает у себя болезни ...» и т. д.

И вот тут я обращаюсь к человеческим качествам, о которых уже говорила: для М. С. характерны ответственность в высшей степени, глубокая интеллигентность, выдержка и терпение, уж

мы-то знаем. Выписка же врача – это приговор симулянту. М. С. – хороший человек и отличный работник, она мать, ей еще растить и растить свою девочку, и хочется верить, что Вы не пройдете мимо этого факта, с помощью высококвалифицированных специалистов сможете разобраться во всем и тем самым поможете этому доброму человеку.

Из письма председателю Курского облисполкома

Уважаемый Е. М.!

Давно хотела к Вам обратиться, но, памятуя о вашей занятости, все думала – потерпит, подождет. Однако сейчас вопрос упирается в дело жизни. И это не преувеличение.

Речь пойдет о моей давней знакомой – Юлии Ивановне Р. Познакомилась я с ней лет 17 назад в санатории. Тогда она, совсем еще молодая (21 год), уже была скована ужасной болезнью – инфекционным неспецифическим полиартритом. Не ходила, руки были исковерканы, хотя кое-что и делали. Болезнь свалила ее на третьем курсе университета. Умница, эрудит, с прекрасной гибкой памятью, веселая – такой я ее узнала и знала все последующие годы, но уже из писем.

Судьба милостивей не становилась. Одно несчастье влекло за собой другие. После ряда операций в Москве она возвращается в свою деревню – пос. Красный Парус в Курской области – в лежачем состоянии. Не выносит никаких препаратов: аллергия. Адские боли, глаза, почки и т. д. и т. п. Остается только светлая голова, способная, будто назло всему, анализировать и оценивать. Ее письма – это интереснейшие рассказы, обзоры прочитанного, рецензии. Когда-то я обращалась в «Литературную газету», чтобы, может быть, могли ей, филологу и умнице, поручать внутренние рецензии. Но... мне вежливо ответили, что-де для такого больного человека, к сожалению, сделать ничего не могут.

В начале болезни к Юле забегали из школы, и со многими ребятами у нее был хороший контакт. Но чем тяжелее становилось ей, тем больше от нее отмежевывались. Сейчас много

лет не встает, лежит и даже не садится. Живет она со старой матерью. Родственникам они были хороши, когда пригрела ее мать свою сестру, помогала ей растить детей. Сейчас мать тоже очень больна, и случается, что неделями к ним никто не зайдет, не поможет.

В январе я обращалась в курскую газету, оттуда пришел ответ, что его переслали в Советский райисполком (письмо № ... от ...), а потом пришел ответ от председателя исполкома ... в котором напечатано: «...Уход за ней осуществляет ее мать, посещают родственники, знакомые, соседи, школьники, семья эта не брошена, материально обеспечена, в настоящее время ни в чем не нуждается». Но очередное письмо от Юли (посылаю его Вам) говорит, как Вы сами видите, отнюдь о другом. Люди живут покинутые всеми.

Семья Р. – семья фронтовика. И мы все, кто так или иначе слышит о горе людском, обязаны помочь отвести его.

Должна сказать, я обо всем сужу только по письмам. Туда, к сожалению, приехать не в состоянии, как бы ни хотела, так как передвигаюсь с трудом (на костылях и в аппаратах)...

Из письма в «Литературную газету»

Уважаемый тов. Ю. Т.!

Спасибо за Ваше желание помочь Любе Михайловой, художнице из Симферополя, которая рисует ртом, так как она – полный инвалид. Очень надеюсь, что Вы примете в ее судьбе посильное участие. Только, пожалуйста, прочтите снова мое первое письмо, а то некоторые детали, видимо, забылись. Ну, во-первых, живет она не в Перми, а в Симферополе, и Пермский горисполком – отдел культуры – тут ни при чем. Если Вы прочтете мою переписку с «Комсомольской правдой» и ответ из Крымского обкома ВЛКСМ, Вам станет ясно, что дело-то ее принимает слишком затяжной характер.

А воз и ныне там, можно сказать. То есть никто ничего ей, Любе Михайловой, не заказывает. Вы меня спрашиваете, где она может работать. Но я же не знаю возможностей издатель-

ского дела в Симферополе. Мне же кажется, она бы могла делать кое-что для рекламы и рисовать открытки. А какие она узоры рисует! А та позиция отписок и отговорок, какую занял Крымский обком ВЛКСМ (ее талант и мужество признают, а помочь – увы) показывает: то ли сил не хватает, то ли времени, а скорее, просто деятельного сострадания.

Вот и живет Люба в замкнутом мире, теряя самое важное – веру в себя. Так она растеряет последние силы – ведь творчество, как бы оно ей ни доставалось, придает ей уверенность и силу, физическую тоже.

Больно мне, когда, получив от нее очередное письмо, я вижу, как худо ей. И очень хочется, чтобы свои возможности «Литературка» использовала на устройство творческой и жизненной судьбы этого человека. Ведь у нее только и есть, что фантазия в душе и голова – как орудие работы (можно понимать буквально).

Посылаю один из ее рисунков, сделанных ртом. Вы только посмотрите!..

И никогда не оставалась неблагодарной, никогда ничего не принимала как должное, как положенное, а старалась тепло отозваться на адресованное ей добро. Вот пример.

Из письма директору Пермского книготорга

Уважаемый Николай Николаевич!

Позвольте Вам сказать большое спасибо за сотрудников книжного магазина № 5, которым я беспрдельно благодарна.

Я филолог по образованию. Естественно, что книги для меня – необходимость и едва ли не самая большая радость в жизни. Дело в том, что я передвигаюсь с большим трудом и практически лишена возможности ходить в библиотеку и книжные магазины. Все это делают за меня мои друзья. Однако сами представляете, какво сейчас купить нужную книгу и как порой неловко занятых людей просить «охотиться» за ней.

Теперь Вы поймете, как же я была счастлива, когда на мою просьбу откликнулись сотрудники 5-го магазина Людмила Георгиевна Березняк и Феликс Львович Островский. Обратилась в этот магазин, так как рядом с ним, в мединституте, работает один из моих друзей, а по сути – «мои ноги».

Добросердечно и действенно они откликнулись, по-человечески участливо подошли к моим проблемам – изыскали возможность предоставить кое-какую необходимую мне литературу.

Очень Вас прошу выразить им благодарность и сделать их пример подлинно гуманистического отношения достоянием других сотрудников. Чтобы так, не формально, а чутко и добросердечно, как отнеслись ко мне, подходили к людям их коллеги.

А теперь заглянем в решающий для нее год 1988-й.

По инициативе группы инвалидов, которые остро почувствовали, что проблемами людей с ограниченными физическими возможностями должны заниматься они сами, что необходимо выходить с этими проблемами на государственный уровень, что дальше так жить нельзя, родилось Пермское общество инвалидов. Среди этих энтузиастов с первых дней была и Галина Александровна Дубникова.

Из дневника 1988 г.

8 сентября

Желтая старая книга-тетрадь. Давнишня – страшно подумать! Перекочевавшая с квартиры на квартиру. Стоявшая в углу столика под телевизором. И дождавшаяся своего часа и своего назначения. Словно судьба самой проблемы, отодвинутой в угол за ненадобностью.

Но пришло время – достала тетрадь. И стану заносить в нее все, чем отметится каждый день борьбы за решение самой проблемы – возвращение больных людей, именуемых инвалидами, в разряд тех, кому дадено жить, радоваться обычным человеческим радостям. Чтобы не стало вообще такой проблемы – инвалида (разве только в медицинском толковании).

Надо бы начать с самого начала, с весны. С первого копования, когда услышала про создание ВОИ. «Начало было так далеко, так робок первый интерес» – вечно на все времена. И при том думалось о том, как помочь себе подобным. Мне уже ничего не надо. Работа – есть, друзья – есть, в театры, на концерты – езжу. То есть я живу, как все. Но сколько же задвинутых, закрытых для этого самого – жить нормальной жизнью – людей. А молодых! И неужели им всем идти теми же путями-дорогами? Унижаться? Чувствовать свою второсортность?.. Да и вообще на каждом шагу спотыкаться о свою инвалидность.

Не могу отойти в сторону, когда другие поднимают подоб-

ную глыбу – возвращение в строй. Не смею предавать своих, потому что ведь именно я могу.

Ну, и началось: интервью – статья – другая – выявление инвалидов – знакомство с другими – наконец, собрание с инициативной группой и взваливание на собственные плечи роли своеобразного организатора...

Из статьи в газете «Вечерняя Пермь» (1988 г. 27 июня)

Вместе мы будем сильней

В этот день в горкоме комсомола принимали необычных гостей.

Второй секретарь Андрей Яблоков, заведующий отделом пропаганды и агитации Павел Багимов, бывшие воины-интернационалисты из клуба «Саланг» помогали подняться по ступенькам тем, кому требовалась помощь, вносили на руках приехавших на инвалидных колясках.

Мы сами впервые увидели друг друга воочию, узнавали по голосам тех, с кем вели горячие телефонные переговоры.

Прикидываю на взгляд: сколько же нас собралось? Около двадцати человек. С некоторыми приехали близкие, есть тут и родители совсем немобильных наших товарищей, взявшие на себя роль «связных».

...А разговор наш – о проблемах организации Всероссийского общества инвалидов. Многое еще неясно, неопределенно. А волнует каждого инвалида буквально все: чтобы работа нашлась по душе, чтобы условия быта, отдыха, медицинского обслуживания, культурного досуга перестали быть горько-обременительными.

Все эти проблемы, конечно, стоят и перед здоровыми людьми, но в положении инвалидов становятся тупиковыми. Как ни велико человеческое терпение, порой теряется всякая вера – последняя, может быть, опора инвалида.

А тут – впервые разговор о нашем обществе, которое должно решить накопившиеся житейские проблемы, и чтобы на

деле, а не на бумаге, не формально, а по-человечески. Безусловно для нас и то, что общество – это не источник для «дай, дай!», а объединение, способствующее выявлению способностей, социальной, духовной и нравственной реабилитации больного человека.

Это понимают все собравшиеся, отсюда и страстность, горячность в обсуждении проектов устава ВОИ – «спущенного Министерством социального обеспечения РСФСР и дополненного, более гуманного по оценке, присланного из Кемерово.

Обсуждать есть что. Некоторые пункты либо противоречат друг другу, либо вообще негодны. Но на то и проект, чтобы над ним подумать, взвесить все, внести свое, более приемлемое и отвечающее интересам дела.

... После бурных дебатов стало ясно одно: как все мы, инвалиды и здоровые, будем социально активны, так нам в дальнейшем и жить.

Однако ох как трудно для инвалидов-опорников собираться всем вместе! Столько сложностей и расходов. Первая же попытка показала это. Так что без участия других организаций не обойтись.

Нужен транспорт, необходимо соответствующее удобное, без ступенек, здание. Нужны здоровые помощники...

Неужели в таком большом городе, как наш, не найдется организаций, коллективов, способных откликнуться на нашу проблему общения?

И еще подумалось о таких массовых и доступных каждому больному человеку средствах информации, как радио и телевидение.

Информация всем – и инвалидам, и здоровым – нужна сейчас как воздух.

Г. Дубникова пишет статьи и обращения от имени президиума новорожденного общества. Рассылает по редакциям городских и районных газет просьбу опубликовать такой призыв к инвалидам:

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Те, кто физически пострадал и стал инвалидом, родные и близкие этих людей!

Так мне хочется обратиться к тем, кто пока пассивно выжидает, что же дальше будет с ними, полагаясь на случай и судьбу. Вы все, наверное, в курсе того, что в области есть защитник интересов инвалидов – Пермское областное отделение Всероссийского общества инвалидов.

И только все вместе – инвалиды из районов, городов, выбранное правление, – только мобилизуя свои усилия, помогая друг другу в отстаивании прав и возможностей, которые не должны быть отняты недугом, – только так все мы сможем чего-нибудь добиться.

Кому небезразлична судьба своих братьев по несчастью, в ком жива энергия защитить более слабых, восстановить справедливость к этой категории людей, откликнитесь! На местах ваши первые помощники – районные отделения социального обеспечения, они должны помочь вам; и сообщите в Пермское областное правление (Наш адрес... Телефон...).

Надо понять одно: от активности каждого из вас зависит вся жизнь инвалидов. А умноженная активность всех – это сила и залог того, что интересы инвалидов будут отстаиваться, проблемы – разрешаться, возможности – увеличиваться. А проблема выживаемости обернется в проблемы полной и насыщенной жизни.

Этот призыв – не агитация за утопию, а взывание к самим пострадавшим: не замыкайтесь только на себе! И к социаль-

ным работникам: помогите организовать общество на местах! И к депутатам, к исполнительным органам, ко всем здоровым окружающим: присмотритесь к нам, идите нам навстречу, помогите!

По существу, все документы, которые исходили из стен зарождающегося общества, принадлежат ее перу и потому несут печать ее темперамента и таланта.

Ее обращения были всегда конкретны и публицистичны:

Дорогой товарищ! Оглянись! Какая гармония в природе, какие краски, какое созвучие! Какие возможности есть у тебя: видеть все эти краски, ощущать дыхание воздуха, раствориться в легкой влаге реки. Ты – хозяин своих желаний, своего тела. Ты сам – творец судьбы своей. Так будь же по-человечески внимателен и щедр к тем, кто всего этого лишен. У кого осталась данная ему жизнь в четырех стенах, но отнята возможность ходить, созерцать, осуществлять свои желания.

Всё могущий здоровый человек способен помочь таким людям. С помощью твоих пожертвований на счет общества инвалидов можно купить необходимые приспособления, организовать производство, приобрести средства передвижения. Только экономическая самостоятельность даст возможность многим физически пострадавшим ощутить утраченные возможности: ездить, видеть, состояться.

Когда вам хорошо, подумайте об этих людях. И – помогите!..

Из дневника 1988 г.

...А после уход от всего этого на 45 дней в мои Саки. Увы, ухода от себя не получилось, поскольку думала, тревожилась: а как у нас? Ведь должна была пройти областная конференция...

И вдруг – как гром – известие: меня выбрали делегатом на Всероссийскую конференцию! Смутилась (не стою! не тот че-

ловек!) и обрадовалась, не веря: ведь все в моей жизни настолько размеренно-распределенно-предсказуемо, что не может быть подобных сюрпризов. А внутренний голос мудро, как вещун, говорил: «И поедешь, и увидишь, и начнешь неведомую тебе, новую страницу в своей жизни. Возможно, что именно здесь ты сможешь что-то дать. Именно здесь». А укоренившийся стереотип моей уже немолодой жизни возражал: «Куда суешься? И что ты со всеми своими условиями – вернее, отсутствием их – сможешь?»

...И этот день – некий взрыв-фейерверк – настал. И приехала. Вернее, прилетела в Москву. И с прилета завертелась круговерть, в которой я забыла о своем вечном чувстве: все-таки инвалиды. Я обрела самостоятельность человека, поднявшего голову, почувствовавшего свои права и полномочия отстаивать их для других. Ни с чем несравнимое чувство – самостоятельности и веры в себя. То, чего так не хватает в моей всегдашней жизни. Ее я так бездарно транжирю на вечное преодоление всяческих барьеров...

15 сентября

Хотела было каждый день заносить «вести, события, факты», но... Хотя вроде бы что-то, да и происходит...

Между телефонным общением со Станиславом Ивановичем Пастуховым (наш зам. председателя), Агнией Калмыковой (председатель Индустриального общества), с отдельными другими товарищами занималась сущей мелочью – выходом на ТВ: область наша не информирована. Возможно, что и далеко шагнула, а кто-то и в ус не дует, пальцем не прикасается к проблеме инвалида и к нему самому. Значит, дойти необходимо. А как? Через самую популярную связь – через телевидение... Сегодня ездили на студию записываться – 43,5 минуты! Что в них скажешь, когда волнуешься, слова застревают, проблем – море, а ты так растерян, что не втиснешь их. Так и произошло. Мы со Станиславом что-то проговорили, теребя бумажки в руках и трясясь. Остались недовольны, но успоко-

ились, что де первая вылазка, что главная миссия – заявить о себе... Так что сказано только А.

Что было еще до этого? Собирался десант в облсобесе. Говорили о составе президиума и его компетенции, о секторах и их роли. Потребуется четкие должностные инструкции: то есть определить подробно поле деятельности. В частности, и мне – сектор информации: связь с другими городами, краями, публикации, освещение в печати и на телевидении того, что делается у нас, кто делает, кто мешает, а кто помогает.

А вообще-то одиннадцать секторов: информации и издательства, коммунально-бытовой, здравоохранения и санаторно-курортный, транспортный, юридический, социально-психологической помощи, ИТД и кооперации, трудоустройства, финансовый, сектор образования, профориентации и заботы о детях, строительства, милосердия. Стало быть, потребуется по каждому сектору создать свою группу с ответственными и отвечающими за конкретное дело людьми, учитывая сложность передвижения опорников (нужны более мобильные).

Получился обширный труд. Его, в свою очередь, предстоит тоже разделить на отделы и вручить каждому сектору как программу действий. Нужен план, четкий план!

...Между рабочими записями хочу все-таки вспомнить Москву и конференцию.

Комната на троих (со мной ижевчанка Оля Максимова и иркутянка Любовь Меринова) – комфорт полный. За окном – какая-то дворовая, тихо-спокойная, а не шумно-московская благодать. Окно было всегда открыто – мягкая влажность после теплого летнего дождя охлаждала наши воспаленные головы после взрывных заседаний и постоянного напряжения. Ну попробуй-ка вкуси все прелести Москвы – вырваться на ее улицы, съездить в гости, когда боишься упустить что-то ценное, главное. Встречи, разговоры, передача опыта, обмен адресами. Какие молодцы товарищи из Краснодара (1 млн на счету кооператива! А какую работу делают – протезы на электронике, приспособления и др.), Ленинграда (го-

род уже открывается для инвалидов), Кемерова (так толково все устроено в отношении множества кооперативов и занятых в них инвалидов)... В общем, народ разный, но интересный. Живой и болеющий!

И была поездка на Чистые пруды в «Современник»... А после обалденное чувство невероятия: вот он, мягкий, но чуть прохладный вечер, домино фонарей вокруг домов и их отражения в воде, лебеди, тишина и затаенно-царственное дыхание большого города. Так бы и не уходил...

...Вернулась, а в душе энергия того заряда – веры в себя и в общее дело. Теперь уже не уйти от этого.

И пошло-поехало: письма-вопросы по известным адресам (штук 15 или больше), отписала в газету, сделала очерк-интервью с Калмыковой... Вышла страничка «Милосердие»...

23 сентября

...Черепашьими шажками двигаемся к своей цели.

Собирались в горьком комсомола у Павла Багимова. Немногословный, но деловой, чуткий, внимательный. А главное – заинтересованный, то есть воспринимающий наши заботы, вопросы и тревоги близко... Вместе думали о связи с НТТМ (научно-техническое творчество молодежи), о их помощи в мозговых разработках, об обсчете производства. Говорили о кооперативе и покупке машины – вернее, машин, чтобы сделать своеобразное наше такси. Тогда решились бы многие вопросы. Наконец, звонили в Ленинград. ...В Ленинграде развернуто широко это движение. Даже начато строительство гостиницы специально для инвалидов. В Горьком, Киеве, еще где-то должны проводиться спортивные игры среди инвалидов, но мы – спим! Надо шевелиться. Хорошо, что есть активный костяк. Петр Каменский – молодец! Думает, ИЩЕТ, ЗАБОТИТСЯ, пробивает, мобильный. Очень жалею, что не провели его в Центральное правление...

В Свердловском районе было бюро. Агния кричит SOS: нет ни помещений, ни счета, ни печати. Хотя договоренностей немало.

24 сентября

Разговаривала с Агнией. Тема одна и та же, и тот же вопль, так же опускаются руки. И в меня закрадывается страх: как бы не оказалась идея с созданием ВОИ мыльным пузырем: по-сверкал, раздулся (на конференции), а чуть время прошло – и лопнул.

Если здесь, в городе, мы не можем четко и последовательно вести и развивать программу действий, то что же в области?

26 сентября

...Должны были поговорить на президиуме о конкретной роли председателя. О формах и характере отношений между собой, подчеркнув, что главными должны быть доброжелательность, участие и уважение друг к другу... Бюрократическая лестница с соблюдением субординационных ступеней сведет все движение ВОИ на нет. Будем тупыми исполнителями-функционерами.

Она, как глашатай и летописец движения, выступает в средствах массовой информации.

Из статьи в журнале «Огонек». 1989. № 40

Нужен закон!

После того как в августе 1988 года Всероссийское общество инвалидов обрело юридический статус, образовалось наше Пермское отделение. Изменилась ли за прошедший год наша жизнь? Скажу сразу: мы остались теми же бесправными просителями, хотя чувствуем ответственность за всех инвалидов, от имени которых ходатайствуем, – в нашей, Пермской области, по общим подсчетам, их 77 тысяч.

Нас принимают вежливо, вроде бы и не отказывают, даже обещают, порой упрекают, что мы не так действуем. Но можно ли нас обвинять, коль наши силы и возможности не запрограммированы на ту систему, в которой приходится порой проходить все круги ада, прежде чем чего-то добьешься?

В том, что мы так долго буксуем, просматривается угроза жизненности ВОИ. Видимых результатов нет, и нам не верят в первую очередь сами инвалиды, уже притерпевшиеся к положению второсортных людей, растерявшие всякие иллюзии и надежды на перемены в их горькой жизни.

На существующие на сегодняшний день доходы общества от членских взносов собственную материально-техническую базу не построишь. Стало быть, ее предполагается строить на «милостыню», и опять мы обречены на роль просителей.

Ощущение беспомощности, стыда перед теми, за кого ходатайствуем, наконец, острое осознание своей несостоятельности – следующее звено в угрозе существованию общества. Насколько же наивны мы были, веря в предполагаемую схему, по которой должно было пойти развитие: группа активистов выявляет главные проблемы инвалидов, систематизирует их, составляет программу действий и доводит до сведения власть имущих. Нас выслушивают, берут это в голову, а главное – в свои планы, и говорят: «Все ясно, ваш социальный заказ принят. Давайте вместе и станем его выполнять». Такое представление – не более чем иллюзия. Отдельные встречи ничего не дают. Остаются все те же письма-прошения в расчете на добрых, совестливых и сочувствующих директоров, начальников, депутатов, советы трудовых коллективов предприятий. Ни помещений, ни производственной базы, ни транспорта... Кидаемся от одного к другому: авось где получится.

Пора к обществу инвалидов и его проблемам отнестись как к социальному заказу, а для этого исполнительным органам на разных уровнях принять решения о реализации программ инвалидов и выделить для этого средства.

Хотелось бы, чтобы группы содействия нашему обществу в области, городе, районе состояли из ответственных, облеченных правами людей, умеющих внимать и реагировать делом. Не должно быть безымянно-безадресного вопля инвалидов.

Нужна гарантия – Закон об инвалидах. Мы хотим одного: чтобы каждый, пока здоров, не жил в вечном страхе перед

судьбой-случаем. И чтобы человек, пострадавший физически, имел право на нормальную жизнь.

По поручению Пермского областного правления Всероссийского общества инвалидов...

Из дневника 1988 г.

8 ноября

Красный день календаря. Скорее, по привычке, нежели по душевному настрою. Решила осветить одно событие, которого долго ждали и которое стало пробным камнем (или первым блином?). Должна дать о нем информацию в «Вечерку», но оно настолько неординарно, что не знаю, с которой стороны подойти. Если с событийной, то получится заурядно и ни для кого не интересно. Ну что такого, действительно, в том, что молодые люди, пишущие стихи, встретились и почитали их? Пожалуйста! Встречайся, сколько тебе хочется, и читай, что желается.

Главным станет итог: что звучало, на каком уровне, дало ли отраду авторам, помогло ли на будущее, то есть явилось ли профессиональным подспорьем... И дальше, если развивать эту тему, то из чистой информации получилась бы своеобразная рецензия. Только не эта цель у меня – рецензировать творчество собравшихся на встречу. Потому что главным все-таки было иное – помочь собраться этим людям. Потому что от их личного желания мало что зависело. Они привыкли жить с парализованными желаниями.

Им помогли! Горком комсомола, а конкретно Павел Багимов, неумный наш помощник, сумел договориться с кафе «Эллада» (там мало ступенек!).

Что значит – снять кафе для инвалидов?

С экономической стороны весьма убыточно: не может здесь быть выручки. Не для убажания желудка и дискотеки собираются – а увидеть и услышать друг друга! Соотнести свои стихи с творчеством других, познакомиться с творчеством своих друзей по ВОИ, вырваться за четырехстенные пределы квар-

тиры. Всем вместе побыть! Вот истинный смысл сбора, а не еда. И все-таки договориться с кафе удалось.

Итак, место встречи определилось. Но как туда попасть? Как собрать? Как оповестить? Поскольку все решилось в последний день, оставалось единственное средство оповещения – телефон. Итак, и поэтов, и слушателей удалось собрать весьма немного – человек 25.

Теперь – вопрос о транспорте. Кто мог, добрался автобусом-троллейбусом. Кто – единственно возможным: такси. Ну, а для «кировчан» (на такси не больно-то поедешь!) и других – договорились с автобусом. И тут – своя история, которая также останется за кулисами. Подключилось и общество книголюбов, выделив для участников встречи книги Беляева.

Как в сказке о репке, все время приходится прибавлять слово «только». Да, только и тут, имей место встречи и транспорт, не удалось бы собраться. Оказались необходимы помощники. И их нашел Павел, пригласив курсантов Высшего командно-инженерного училища. Кто-то, возможно, подумает: стоило ли это стольких усилий, сложностей, договоренностей?! Да! Да! Да! – скажу я. Для всех – стоило! И для работников кафе, живущих только коммерческими соображениями (надо было видеть, как собрались слушать все – от директора, официантов до работников кухни), и для курсантов, которые своими руками конкретно помогали беспомощным ребятам. Я уже не говорю о самих молодых авторах-инвалидах, почувствовавших вдруг настоящую заинтересованность в их творчестве. Живешь только для себя, родных – и вдруг оказываешься интересен кому-то другому.

Не галочки ради проводилось это мероприятие! А как доказательство жизнеспособности ВОИ.

Пора наконец назвать участников, которыми стали, по сути, почти все собравшиеся. Свои стихи читали Светлана Жигиль, Анатолий Коган, Олеся Пащенко, Олег Гребенщиков, Наташа Андреева, Петр Каменских и другие. Волновались, смущались, перевозмогали смущение...

Но главное – доверяли друг другу. Вот почему не хочется подходить со строгой критической меркой.

...Я думаю о том времени, когда этот первый творческий сбор покажется едва ли не подвигом всех его учредителей. Это будет в том, хочется верить, недалеком будущем, когда оборудуют спуски-пандусы, чтобы инвалид сам смог и сойти, и спуститься на коляске, когда станут курсировать социальные автобусы с гидроподъемниками. Стоит сообщить лишь диспетчеру свой адрес – и автобус заедет. Когда станет побольше общественных зданий с соответствующими входами (с пандусами), когда здоровые люди привыкнут видеть вокруг себя инвалидов, у которых при ограниченных возможностях здоровья – те же желания общения, встреч, творчества. Разве есть в моих мыслях элементы фантастики? Думаю, все вполне разрешимо, если приложить внимание и старание. Всем здоровым миром!

26 декабря

Долго не записывала. Не оттого, что нечего было, а просто либо некогда, либо забирала такая усталость отчаяния, что не до писанины...

Из дневника 1989 г.

5 января

...И наступил Новый год. Его шаги начались накануне – 28 декабря – взрослой елкой, которой предшествовала предъелочная история из дрызг и обливания помоями, в которой оказались повинны и организатор этой елки, и даже президиум. Вина, по-моему, равновелика: мы не умеем слышать и понимать друг друга, держа перед собой не объективную цель, а желание доказать свою состоятельность и самостоятельность, не соразмеряя вес задания и свои силы.

Это закулисная сторона елки. А сам праздник вылился в широкий сбор-ярмарку, на котором вкусно ели, что-то пели под

баян, как-то втянулись в игру культмассовиков. Попытка забыть себя, глядя на себе подобных, – и вообразить радость без предела?

Во всяком случае, игра удалась. Игра где-то на грани реальности. Подобие, смахивающее на истинное торжество. Потому что ни вкусной едой, ни щедрыми дарами Деда Мороза, ни общим гомоном должного случаю веселья не заменить так необходимой многим роскоши человеческого общения, чего пока было мало.

И все-таки этот вечер помог справиться с осадком от холодного равнодушия, испытанного на работе, где я почувствовала себя лишь винтиком общего механизма (вручили медали «Ветеран труда» – и ни слова ни о ком: чем же он стал для газеты за эти годы). И это не сугубо моя реакция, по-моему, все восприняли так. Но у них же еще есть и дом, и дети: утешат и утешатся. А у меня... Вот почему шумная новогодняя обстановка нашего праздника вдруг согрела и на какую-то секунду искрой сверкнуло: «Вот где я могу быть принята и понята».

Может, это потому, что здесь встретила у всех только радушие и благорасположенность. И чувствовала, что тянутся люди. А тянутся – значит, могу быть чем-то и кому-то нужной.

Теперь о детской елке. Это ее назначение – для детей. А по сути, о том, как люди, здоровые (ходячие) мамы и облеченные должностями и массой забот служащие сработали детям праздник. Впервые за много десятков лет.

Во всей этой гигантской работе-празднике был тот изначальный запас, который все это и развернул. Называется он весьма казенно: ответственный за детский сектор нашего ВОИ. Какое чудное слово само по себе – ответственность. Редкое качество! Но если ко всему человек воспринимает свою миссию – ответственный – очень близко и изначально вложенному смыслу, то это счастье. Это успех того дела, за которое он отвечает.

Наш ответсектор – обаятельнейшая женщина Елизавета Владимировна Лыхина. Она и мама больного сына, которого

буквально из небытия вернула к жизни и так же настойчиво, бережно и жаростно продолжает вводить в большую жизнь. Она и любимый преподаватель английского языка в университете. Она и лично болеющая за всех ребятишек, кому так не повезло и он уже с детства инвалид. Вот почему ее назначение – быть в высшем смысле слова Матерью-защитницей.

От желания устроить елку для больных ребятишек до самой елки пролегла такая черная и многотрудная дорога...

«Неужели и природа против?» – со страхом смотрела я на ртутный столбик, прочно остановившийся на отметке минус 35°. Закуржевело-розовеющие деревья будто вопреки грянувшему морозу подбадривали: «Не бойтесь! Солнце с вами!» Дети больные, автобусы ходят плохо – застывают, елки повсеместно отменяются. Но сколько детишек ждали этого дня! И разве можно чем-то измерить эту жажду, любопытство, когда вся их невеликая жизнь сошлась на этом почти чуде – новогодней сказке.

Да и с автотранспортом есть договоренность: пошел на встречу заместитель начальника по перевозкам С. Б. Сыромятников, выделив на подвозку детей из районов города шесть автобусов. Студенты экономического факультета университета должны подойти: многие ребятишки не ходят, их надо заносить на руках.

И Детский фонд постарался: выделил бесплатно нашим детям 330 подарков и автотранспорт оплатил. А еще студенты-первокурсники института культуры...

Можно перечислить всех и даже нужно, потому что благодаря им состоялся этот праздник: и друзья из ВОС – это они предоставили свою елку в Доме культуры ВОС, это и театр кукол, перестроивший все свои планы на вечер, это и оперный театр, который дал костюмы и реквизит для ведущих... А сколько радости доставили ребятам щедрые работники издательства «Звезда»: как сияли их лица, видя всякие поделки, наборы цветной бумаги – обладателем этого богатства стал каждый ребенок. А еще книги, которые выделил книготорг.

...Автобусы один за другим подвозили детей: кто с мамой, кто с бабушкой, а то и с папой. Тут же помощники-студенты, которые заносят или заводят гостей. Им пришлось приглушить в себе такое естественное – сострадание и боль, потому что в глазах детей были восторг и ожидание: что это? Это же елка!..

А я вспомнила одну мою елку. Была я тогда шестиклассницей. Добрый мамин начальник (помню эту доброту всю жизнь) в каникулярную пору, когда все получали подарки и билеты на праздники, сказал:

– Вот вам билет, а машину я дам. И пусть дочка съездит на елку.

Узнав о предстоящем сюрпризе, я, кажется, и спать перестала. Наконец настал тот долгожданный (часы считала) день. И вот Дворец культуры, сверкающий паркет, крутящаяся елка, вся в огнях и гирляндах, музыка, хороводы... Так маняще все это – и так недосыгаемо. Чтобы меня случайно не уронили, мама отвела меня в сторону. И я наблюдала за всем этим весельем как бы со стороны, хотя так хотелось самой прыгать в хороводе... Мир праздника разделился: он был для всех, а я – лишь в роли наблюдателя, с досадой невозможности.

А эта, сегодняшняя елка показалась совершенно иной: здесь каждый ребенок, **В ТОМ ЧИСЛЕ И НЕХОДЯЧИЙ**, праздновал волшебную сказку Нового года! Смеялись все, хлопали все, и даже танцевали все – кто как мог. Для подарков рук не хватало.

Один мужчина сказал:

– Впервые за восемь лет я достал костюм из шкафа. Думал, что больше не понадобится, а тут настоящий праздник!..

Общество инвалидов через год

...Производство свое начать надо? Стало быть, надо покупать и станки, и сырье, и транспорт, и т. д. и т. п. Машина нужна? Столько вопросов приходится решать, на общественном транспорте почти никто физически ехать не способен – и расходуются средства на такси. Необходимо выявить, кто мы, что мы, увидеть друг друга, собраться, провести вечер – а это тоже расходы. И помощь тем, кому совсем худо... Короче, дыр предостаточно. Деньги же, даренные из милости, уходят. Базы своей так и нет, так как нет ко всему ни метра своей площади. От устройства отдельных инвалидов на предприятии (кстати, 2%-ная квота на инвалидов не выполняется, а чтобы брать, необходимо переоборудовать производственные площади) доходы общества не пополняются. А нас слушают – и не слышат.

Приведу один красноречивый пример – попытку заявить о себе на сессии горсовета. Поехали мы троим: председатель Пермского отделения ВОИ и члены президиума. Двое на костылях, в аппаратах, один на тележке – вот такой «внушительный» десант. С трудом втиснулись в «Запорожец», единственное транспортное средство, принадлежащее одному из нас. Метет снег, скользко.

Подъехали к зданию обкома КПСС и облисполкома с мраморными обледенелыми ступенями крыльца. Обращаемся к идущим на сессию депутатам с просьбой помочь выбраться из машины и забраться на крыльцо. Ни пандуса, ни перил нет. Внутри дежурный милиционер проводит нас по лестничным зверестам в конференц-зал. Находим распорядителя, объясняем суть, просим слова. Просим поднести микрофон. Говорим. Слушают. Похоже, что сочувствуют, но больше – удивлены.

А дальше что? Да ничего! Никаких существенных для нас решений не последовало. Так, выполняются отдельные, разовые, если можно так сказать, просьбы: о врачебной консультации кого-то на дому, о помощи при проведении вечера, концерта.

А систематизированного, выработанного на областном (и всех других) уровне отклика-решения, то есть документальной, узаконенной готовности решать наши требования и права – ничего этого до сих пор нет.

Хождения продолжаются, силы и оптимизм иссякают, вера в нас – тоже. Со ссылкой: очередная, мол, все это говорильня.

Подводя итог самых общих наших выводов, без анализа причин и не вдаваясь в подробности, думаю о тех мерах, которые необходимы, чтобы мы состоялись как общество действенное, помогающее, а не бумажное.

1. Со всей серьезностью следует отнестись к обществу инвалидов как к социальному заказу государства и самих инвалидов. Для этого всем исполнительным органам на разных уровнях принять решения по программам инвалидов, учитывая их реализацию, а посему включая их в статьи расхода финансово-экономических планов. Изыскать возможности для этого, хотя планы и скорректированы, иначе милость окажется на усмотрении доброго руководителя.

2. Для реальной связи, конкретной и деловой, с обществом ВОИ как социальным заказчиком создать посты содействия ему на всех уровнях (в областях, городах, районах и т. д.) из ответственных, облеченных правами людей, умеющих внимать и реагировать делом.

3. Дать реальную возможность шире освещать проблемы инвалидов в областной, городской и районной печати с комментариями ответственных из группы содействия.

До тех пор, пока этого не будет, мы обречены на скатывание к исходному состоянию.

Нам нужна гарантия – Закон об инвалидах.

Такой закон появится в 1995 году – Закон № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Само его принятие, дальнейшие доработки и дополнения, изменения и уточнения (1998, 1999, 2001–2004) состоялись благодаря активной деятельности множества таких неравнодушных, как Галина Дубникова.

Она же между тем с самого начала определила свою нишу в работе с инвалидным сообществом. Решающим толчком стала поездка в Англию. С октября 1990 года, когда в Перми с ознакомительным визитом побывали представители Совета добровольных обществ графства Оксфордшир, у областного правления устанавливаются прочные дружеские и деловые контакты с деятелями зарубежного инвадвижения.

А в это время резко менялась и ее личная судьба: в 1990 году не стало мамы.

Их жизнь, когда Галина стала взрослой, нельзя назвать безоблачной: Мария Ефимовна привыкла всесторонне заботиться, оберегать, а значит, и диктовать, и руководить, а у дочери уже сформировались свои пристрастия, желания, привычки, не всегда совпадающие с мамиными представлениями. Но это была защита и опора, это был просто самый близкий, самый дорогой человек.

И знала бы мама, всегда считавшая свою Галю неприспособленной к реальной жизни, дальновидно обучавшая ее всем домашним делам, но не верящая, что это впрок, какой собранной, какой самостоятельной и расчетливой она окажется, когда останется одна...

А она стала. Хозяйкой в своем доме – уютном и гостеприимном. Хозяйкой в своем издательстве, где умела планировать каждый шаг и считать каждую копейку.

Но пока издательство – даже не в мечтах. Пока она с удивлением и наивностью неопита знакомится с зарубежным опытом.

Общая цель – защита от одиночества

– А вы не боитесь быть старыми? – двадцатипятилетний Адам задал поистине каверзный вопрос, равносильный вечному «быть или не быть?».

Адам, вероятно, не понял нашего категоричного, весьма поспешного «ноу», и выражение его лица стало растерянным.

А мы, группа инвалидов, не столь молодых, как он, лишь через некоторое время поняли смысл заданного вопроса.

Нашему визиту в Англию мы обязаны деловым и дружественным отношениям, сложившимся добрым отношениям университетов Перми и Оксфорда. В октябре гости из Британии знакомились с Пермью, в марте 1990-го Англия встречала нас.

Впечатления и от Оксфорда, и от встреч, а главное – от отношения людей к инвалидам – буквально обрушивались каждую минуту, благо программа для нас была подготовлена большая, предусматривающая множество встреч и развлечений.

С трудом выхватываю из сонма впечатлений лишь некоторые, наиболее полно представляющие картину жизни, строя, положения английских инвалидов.

С Адамом мы познакомились в клубе инвалидов и здоровых. Существует он в основном на средства от благотворительных мероприятий: это и сбор от продажи поношенных вещей, а случается, и новых, но сданных за ненадобностью, либо другая подобная акция. Если необходимых средств не хватает, обращаются в Совет добровольных обществ, который находит фонды. Цель клуба самая гуманная – общение. Как больных и здоровых, так и больных друг с другом. В определенный день недели устраивается мероприятие, на которое одни приезжают (у многих машины), других привозят (на автобусе с подъемником).

И нас тоже пригласили в этот клуб. Необычайным показалось все: от множества машин у входа до клубного распоряд-

ка, которого в нашем понимании не было. Смех, шутки, музыка. Бегают малыши, а одного, как игрушку, передают из рук в руки. Кто-то за столиком пьет пиво, кока-колу, кто-то кофе, кто-то жует сандвичи, кто-то весело хохочет с подружками.

...Адам – глухонемой, очень изуродованный болезнью. Только одно и осталось – живые, умные глаза да исковерканные болезнью пальцы, что отстукивали на компьютере, который стоял на столике коляски, интересующие его вопросы. На табло компьютера загорались фразы, а диктофон их произносил.

От разговоров перешли к просмотру видеофильма о жизни клуба – и тут не нужен был никакой переводчик: вот она, интересная, веселая, наполненная делами и шутками жизнь. То празднование какого-то торжества, то священник ведет службу среди глухонемых.

Этот вечер как бы подготовил деловую встречу с Адамом, которая была организована несколькими днями позже. Теперь спрашивали в основном мы, так как его деятельность для нас казалась необычной. На своей коляске (а если приходилось ехать далеко – то и на машине) он ездит по школам, рассказывая о жизни инвалидов. И получает за это зарплату. По сути, он работает живой моделью! Даже платит своему секретарю – здоровой женщине, знающей знаковую азбуку глухонемых, – из своей зарплаты. Практически Адаму доступно очень многое при его физических ограничениях.

Пока он молод, живет со своими родителями. Его, как и нас, русских инвалидов, беспокоит не сам возраст, а страх остаться одному. Видимо, в этом наши общие проблемы и наша общая цель и смысл жизни – сделать ее доступной для любого возраста и любого физического состояния, в силе ты или немогущ. Начиная от формирования соответствующего общественного отношения и кончая созданием гарантий социально-экономической защищенности, – чем и призвано заниматься все наше общество.

Воевать с ветряными мельницами?

Печальная статистика: каждый десятый в мире человек – инвалид. Причем число их растет, так как растет травматизм – транспортный, производственный, бытовой. В нашей области таких людей 79 тысяч – по данным облсобеса.

Формально инвалид у нас равноправен с любым гражданином. А на деле? Как, скажите, осуществлять права на учебу, на труд, отдых, если общественные здания, улицы, транспорт в наших городах совершенно не приспособлены для инвалидов и добраться до дома, предприятия, вуза, театра – целая проблема?

Несколько месяцев назад делегация пермяков, в том числе и автор этих строк, побывали в Англии по приглашению Совета добровольных благотворительных обществ графства Оксфорд. Отношение к инвалидам, которое мы увидели там, потрясает.

...У входа в здание муниципалитета Оксфорда кнопка с символическим изображением человека на коляске. Нажмешь кнопку – выйдет служитель, проводит к другому входу, без ступенек. В здании специальный подъемник поднимет вас до уровня лифта. И отправляйтесь на любой этаж.

В один из дней нашего пребывания в Оксфорде едем по городу и то тут, то там видим людей с красными колобочками на носу. Это значит: наступил Ред Ноуз – День красного носа. Каждый житель покупает этот «нос» за 50 пенсов. А сбор от продажи идет на благотворительные цели.

Понятно, тот уровень милосердия, который существует в Великобритании, сегодня для нас недостижим, и опыт англичан нельзя полностью перенести в нашу действительность. Но кто-то же и в нашей стране должен помогать тем, кто оказался в беде? Впрочем, три года назад, не очень-то полагаясь на «добрых людей», инвалиды республики решили объединиться и создали свое Всероссийское общество – ВОИ. Затем отделения общества появились и на местах. Предполагалось, что эти отделения станут как бы социальными заказчиками, будут

подсказывать руководству области, города или района, что необходимо сделать для улучшения жизни инвалидов.

На первый план мы ставили такие цели. Добиться, чтобы улицы и здания населенных пунктов были приспособлены к возможностям тех, кто может передвигаться только на коляске или костылях. Чтобы всех нуждающихся обеспечили колясками и облегченными индивидуальными средствами передвижения, а также транспортом. Чтобы инвалидов прикрепили к магазинам, организовали бы им доставку товаров и продуктов на дом и предоставили возможность для лечения, отдыха, спортивных занятий. И, наконец, главное – дали бы нам возможность трудиться, самим зарабатывать себе на жизнь. Сегодня это необходимо не только для того, чтобы инвалид мог чувствовать себя нелишним человеком, но и чтобы элементарно выжить в труднейших экономических условиях.

Оказалось, достичь намеченного очень и очень непросто. Председатель областного правления ВОИ, депутат областного Совета С. Пастухов (сам инвалид первой группы) и весь его «штаб» превратились в толкачей, пробивал, ходоков, просителей, тратят огромное количество энергии и нервов.

...Хочу, чтобы меня поняли правильно: мы просим не милостыни. Мы добиваемся, чтобы были созданы такие условия, когда каждый человек, как деликатно говорят в Англии, «несвободный телом», как можно меньше чувствовал эту несвободу и мог бы быть активным членом общества, работать в меру сил, а значит, приносить пользу не только себе, но и другим. Ведь столько светлых умов среди инвалидов. Да и руки у многих золотые. Почему это должно оставаться невостребованным?

К сожалению, среди тех, кто поверил было в улучшение своей участи в связи с созданием общества инвалидов, уже немало разуверившихся и отчаявшихся. Так неужели энтузиастам ВОИ и впредь оставаться донкихотами, воюющими с ветряными мельницами? Неужели милосердие в его истинном значении так и не приживется среди пермяков?

Мы тоже люди

...Когда я была в Англии, попала на вечер для инвалидов. Сидят на стульях психически нездоровые люди. Слюни текут. В глазах ни искры сознания. Для того чтобы ухаживать за ними, оказывается, надо выдержать конкурс. И ухаживают за ними молодые люди. Меняют горшки, чистят зубы. И даже вывозят на шопинги.

У меня началось несварение информации. И когда появилась возможность задать вопрос, я спросила: с какой целью устраивают для фактически полных идиотов такие парадные вечера? Они же ничего не понимают!

Но не поняли меня. А потом удивились и даже возмутились. Ведь это же люди! Каждый из этих больных – человек! У вас есть собака. Она что, всё понимает и может разговаривать? Нет, конечно. Но вы же за ней ухаживаете, кормите, лечите. А это не собака. Это человек. Ему приятно, когда за ним ухаживают. Он не может выразить свою благодарность словами или взглядом. Но где-то в глубине сознания эти приятные мгновения откладываются.

Тогда я спросила:

– А как у вас живут такие инвалиды, как я, например?

И ответ просто убил меня:

– Вы не инвалид. Вы человек с ограниченными физическими возможностями.

Наверное, мы когда-нибудь приблизимся к культуре туманного Альбиона. Но перспектива очень туманна. Большую роль в изменении сознания большинства граждан страны должны сыграть сами инвалиды и созданное нами общество инвалидов.

Пермяки черпали в этих поездках идеи, видели наглядный пример того, как могут заботливое государство и отзывчивое окружение обустроить жизнь людей с ограниченными возможностями здоровья. Галину Дубникову такая поездка убедила в правильности избранного ею направления – ИНФОРМАЦИЯ!

...Обидно за державу

В 1991 году я побывала в Оксфорде. Жила у девушки-инвалидки, такой же колясочницы, как я. Увидев в ее квартире ряды книг для инвалидов, я удивилась. Зачем так много?

– Во-первых, – объяснила англичанка, – я знаю, что обо мне заботятся, обо мне думают и помнят. Во-вторых, я знаю, куда мне обращаться в случае необходимости. И, в-третьих, знаю о своих правах.

Мне стало страшно обидно за наших инвалидов. Государство, общество – сами по себе. Мы – сами по себе.

Не знаем своих прав, не знаем, чем и как помочь себе. Поэтому и появилась идея создать не просто газету для инвалидов, а издательство, в котором по мере возможности печатались бы книги для инвалидов. А газета – это составная и связующая всех нас нить.

Из книги «Летопись наших побед и печалей» (2003)

1993 год

Вышел первый номер областной газеты для инвалидов «Здравствуй!». Ее организатор, редактор – Галина Дубникова, член Союза журналистов, инвалид первой группы. Мысль о необходимости такого печатного органа появилась после поездки в Англию, где ее удивило не только хорошо обустроенное жите людей с ограниченными возможностями здоровья, но и абсолютно полное их информационное обеспечение, гарантирующее психологическое здоровье и надежную интеграцию в общество.

Газета сразу стала заметна и известна в стране. Глубина подхода к проблемам, разнообразие информации, нацеленность на конкретного человека с его бедой, широкая связь с массой думающих, творчески одаренных выгодно отличали ее от других подобных изданий.

С первых лет своего существования «Здравствуй!» – непре-
менный победитель и лауреат многих профессиональных
конкурсов печатных изданий.

Но всего дороже ее редактору были отзывы читателей. Такие,
например:

«Являюсь вашим подписчиком... Из ваших публикаций мне
интересно очень многое: как живут инвалиды и как старают-
ся выжить в наше нелегкое время на мизерную пенсию, но не
теряют духа и чувства юмора. Статьи о таких людях вселяют
уверенность в отчаявшихся...»

«... Галина Александровна, огромное Вам спасибо, что по-
мogli через Вашу газету найти таких же инвалидов, как и я.
Я стала более общительной, нашла много верных друзей, ко-
торые мне не дают унывать. В любую трудную минуту готовы
прийти на помощь, в этом я уже убедилась... Грустные мысли я
стала прогонять, стала больше верить, что буду ходить, и стала
этого добиваться, стала больше заниматься и строить планы
на будущее... Вы не дали мне замкнуться, не дали раскиснуть,
а наоборот, поддержали...»

«Огромное вам спасибо за вашу работу и заботу о нас!..
С газетой «Здравствуй!» я теперь не расстанусь... Земной по-
клон вам от всех нас, одиноких, согретых вашим теплом!..»

«Безмерно благодарны вам за то, что не оставляете нас на-
едине с нашим горем, помогаете, подсказываете...»

«Ваша газета очень нужна нам! Сколько энергии, силы, тер-
пения мы черпаем из нее, находим ответы на свои вопросы!
Читая ее, мы чувствуем себя людьми, а не изгоями, а также
чувствуем поддержку социальных служб...»

«...Мои напечатанные статьи и отклики на них, Ваши ободря-
ющие письма очень помогли мне в пору юношеских метаний и
самоопределения, самопознания и самовыражения. Сейчас,
конечно, я стала спокойнее, увереннее. Работаю репетито-
ром, помогаю родным материально... Так что, в общем, нашла
свою колею. И в этом есть и Ваша заслуга. Честное слово, до

встречи с Вами я просто не верила, что бывают такие отзывчивые, добрые, бескорыстные люди... Я благодарна, что жизнь свела меня с таким человеком, как Вы! С глубоким уважением и вечной благодарностью. Вера К.».

«... Мне интересно все, о чем писала и пишет газета. Очень люблю фотографии в газете, ведь они – запечатленные мгновения жизни. С нетерпением жду каждый номер. Конечно, горда, что несколько раз напечатали мои заметки. Я рада, что и я с вами, что могу причислить себя к числу друзей газеты...»

«...Газету читаю с первой страницы до последней, в курсе всех инвалидных дел в вашем крае. Даю ее читать нашим московским инвалидам, все очень довольны, что у вас есть такая газета. Мне она помогает бороться с недугом... Восхищен лично Вашей энергией, стойкостью, деловитостью и человечностью в борьбе за интересы инвалидов...»

«...От вашей газеты веет добротой, человечностью и оптимизмом».

Итак, у пермских инвалидов появилась (и существует уже больше четверти века!) ежемесячная трибуна.

Но появилась своя трибуна и у нее – «Колонка редактора», в которой на протяжении многих лет Дубникова делилась, размышляла, взывала, убеждала, уговаривала – от сердца, поверя каждое слово собственной судьбой.

Из «Колонок редактора» в газете «Здравствуй!»

Я, мне, нам?.. Или мы сами?

Не смотри на меня, как на равного, –

Помоги, подсоби, поддержи.

И сегодня, поверь, равноправие –

Не для тела, но для души...

Так откликнулся мой знакомый на девиз очередного мероприятия общества инвалидов «Смотри на меня, как на равного». И подумалось тогда: действительно, ну как меня воспринимать ро'внейкакой-нибудь пышущей здоровьем девице или крутой даме, вершащей оборотистые дела, наконец, простой труженице, пусть обремененной семьей, если я...

Если я всего-навсего, мягко скажем, не первой молодости, если «махровый инвалид» и хожу с превеликим трудом, если от здоровья даже среднего уровня далека, если семья моя – «сам один», а все деловые потуги обусловлены неизбежностью долга.

Пожалуй, в этом доводе все и сказано. Да! Я не хочу, чтобы на меня смотрели с долей недоверия: мол, неужели она еще способна на что-то? Я не хочу, чтобы результатом моих дел умилялись, как от сотворенного ребенком или идиотом. И в то же время я не хочу, чтобы проходили мимо, когда мне требуется необходимая помощь.

Лозунг «Смотри на меня, как на равного» не так прост и однозначен. Он вмещает в себя и сострадание, и готовность подать руку. Да, как на равного, – если видеть во мне человека со всеми моими возможностями, способностями, желаниями,

ничуть не меньшими, чем у других, вне зависимости от моих физических возможностей или отсутствия таковых. Скажете, рассуждаю так от гордости? От независимости? Ничего себе независимость, когда абсолютно не можешь обойтись без поддержки и помощи и всем существом молча вопишь: «Помоги! Подсоби! Поддержи!» Однако на то мы и люди-человеки, чтобы воспринимать все не на одноклеточном уровне. И рассуждения на эту тему готовы вылиться в пространные разговоры. В них возможны и укоры такого типа: когда надо – мы всемогущие, когда удобно – мы инвалиды (не так ли у детей?). И снисходительность: если охота считаться равными – считайтесь...

А ведь речь о простом: инвалиду должны быть созданы все условия, чтобы он не чувствовал убогости, чтобы смог заявлять о своих ценностях, а не являть всего лишь физические недостатки. Наконец, чтобы нам, инвалидам, верили и воспринимали нас легко, без настороженности. Разумеется, такое отношение не исключает одновременного движения человека навстречу.

А если человек неразумен? Тоже, извольте спросить, смотреть, как на равного?

Невольно захотелось привести один эпизод из моей жизни, о котором до сих пор вспоминаю с укором совести.

Англия. Благотворительный ужин в респектабельном ресторане. За довольно внушительным и роскошно сервированным столом – гости: благополучные мужчины и дамы, а почти возле каждого... очень больные люди. Инвалиды с нечленораздельной речью, блуждающим взглядом, движениями невпопад, обильным слюнотечением... При всем при том все они нарядно одеты и, что больше всего поражало, на лицах – явное выражение удовольствия и даже радости.

Я тупо взидала на все это, пытаюсь понять: «Зачем это? Самообман богатых, играющих в благотворительность?» Спустя несколько дней я все-таки задала мучивший меня вопрос. Мне объясняли долго, как неразумному: так ведь они же люди!

Собаки тоже не говорят, а их холят, держат – любят! А это же люди! После чего возникла пауза. Я замолчала, устыженная простотой ответа, они – от непонимания моего непонимания.

Разве не тем же могу я ответить моему разуверившемуся знакомому? Ни на секунду не забывая о принадлежности каждого из нас, больных и здоровых, к роду человеческому, следует неустанно делать друг для друга все, чтобы разрушать невидимый барьер между нами. А помощь, поддержка друг другу пусть находят самые разные формы – от готовности улыбнуться при встрече до обустройства мира, в котором живем. Или я не права?

Магнит любви

С весной всех вас, мои читатели! С вступлением в новую форму жизни, в которой Солнце распоряжается по-своему. Нашим настроением в том числе. Дни длиннее, закаты – розовее, а изначально румяное утро – как обещание хорошего, которое обязательно должно случиться. Снежные метели и хмурые небеса – всё это будет. Но не на них надежда. Потому что вступающая в свои права Весна обладает даром вселять в нас и веру, и надежду, и любовь. Потому что Весна и Женщины, их праздник 8 Марта – прекрасное начало исполнения всех наших желаний. С чем я всех вас и поздравляю!

«Весною слышен шорох снов и шорох новостей и истин...» К одной из истин мне и хочется подойти. Незатейливой и весьма сложной. Наверное, весенние токи подтолкнули к ней: как в себе найти себя? Как стать хоть в чем-то нужным другим? Наконец, самой глобальной: если мы есть на этой земле, значит, зачем-то это надо? Кому? Впрочем, как ни формулируй свои мысли, одолевающие в разные моменты жизни, вывод один: иди от себя.

«Как это? – спросите вы. – Есть столько обстоятельств, которые не зависят от нас. Нам одно лишь остается – поиск выхода и надежда на везение».

А я вам вновь повторю: идите от себя. Разве не благодаря

нам подчас создаются безвыходные ситуации? От нежелания (неумения?) собраться, взвесить, дать оценку, от нашего подчас скудного духовного багажа? Наконец, от нашего же эгоизма. Вот оно – то ключевое явление, которое так мешает нам. Поймите, в своих рассуждениях не беру в расчет коварство обрушившихся болезней и все то, что не зависит напрямую от нас (социальное, моральное, экономическое положение, в которое мы поставлены). Говорю о ситуациях, скорректировать которые способны сами, а подправив – изменить и свою судьбу.

Весна и любовь, кажется, понятия одного начала. Волнующего, возвышенного, обещающего, желанного и грустно-щемящего, но... Прекрасного!

Так что, отталкиваясь от Весны, продолжу разговор о Любви. Однако в не совсем привычном ракурсе – о любви друг к другу, к каждому из нас – со стороны всех, с кем сталкиваемся в дружбе, в окружении, в деловых контактах.

И вновь упираюсь в начальное Я – в себя. И хочу повторить почти библейскую истину: насколько ты умеешь любить других, настолько и тебя будут видеть, понимать и принимать. Потому что Любить – по большому счету – это дар видения, понимания и готовности протянуть руку, на которую можно опереться. Любить (в общем понимании) – это разделять радость другого, груз несчастий, обид и всегда деятельное желание что-то сделать для этого другого, помочь ему, вывести из тупика. Ведь Любовь диктует свои правила, в которых эгоизму душно.

Вы вправе возразить: мол, все это слова, а каждая конкретная ситуация оказывается куда сложнее – ты никому не нужен, покинут, один, и жизнь не жизнь, одна маета и доживание.

Даже не зная этих конкретных ситуаций, опираясь на собственный опыт и на то, чему учит несчетное количество примеров, упрямо готова повторить:

«Все твои счастья и несчастья – от тебя самого и от меры великого дара – умения любить».

Я не «упертая», не начиненная голыми истинами. Открытие

их давалось мне нервами, болью души, отчаянным напряжением мысли, в основе которой – непреложное: как быть все-таки для кого-то нужной? Один только вопрос и диктовал поведение, и подводил напрямую к делам.

А в их основе – своя истина: хочешь обрести себя, союз с жизнью – обрати свое тепло на других, стань тем магнитом, который притягивает к себе. Не сосредотачивайся на обидах («Не разводи в душе костер из мусора обид, ты не заметишь, как душа на том костре сгорит») и умей делать счастливым – хоть на миг, хоть на час! – каждого, кто находится в поле твоего притяжения. Ибо получает тот, кто отдает.

Так что зависимость природы и нас в ней – прямая: весна – женщины – солнце – любовь и жажда отдавать энергию тепла, полученного от всего вокруг, всем, кто рядом.

С праздником Весны вас, милые!

Стань интересным себе

Не раз каждый из нас задавался вопросами вроде таких как: «Для чего живем?» или «Как избежать одиночества?»

Физически ограниченные – тем более: неизрасходованная энергия действий и желаний никуда не исчезает. Стало быть, требуется направить ее в нужное русло. А это русло, в свою очередь, самому приходится прокладывать. И прежде всего – из сотворения самого себя, своей привлекательности. Не столько внешней, хотя она первой заставляет обратить на себя внимание, а именно содержательности, умения слышать и слушать, рассуждать, думать, решать. Впрочем, и из многого чего еще. Вот тогда-то само собой исчезнет столь угнетающее ощущение одиночества.

Чем больше будешь знать, то есть чем больше окажется пищи для размышлений, тем больше родится собственных идей, предложений. Просто необходимо понять главное: никто тебя не станет развлекать всю жизнь. Одно лишь потребление, пустые разговоры и дожевывание прошлогоднего веселья никогда не доставят ощущения уверенности в себе, цельности

и умения сосредоточиться на важном, нужном и интересном. Кем хочешь сам стать, такую себе и команду создашь.

А что же все-таки делать с одиночеством? Во-первых, оно необходимо (в определенных дозах, разумеется), чтобы и себя оценить, и сориентироваться в своих планах и действиях. Во-вторых, в любых ситуациях каждый по-своему всегда одинок. И это так! В-третьих, надо использовать любую минуту для дел, которым нет числа. Помимо домашних обязанностей, рукотворчества, необходимо постоянно занимать свою голову, чтобы только не допустить тоски и мыслей о неосуществимости желаний, чтобы не скатиться до депрессии. Вытаскивать себя из нее ох как тяжело!

И еще следует учесть весьма немаловажный момент – это умение выстраивать диалог, слышать другого и быть гибким, дипломатичным, интересным собеседником.

Вот и все, пожалуй.

Жить сто́ит!

Не ждите бравурных и ничего, по сути, не значащих призывов. По крайней мере от меня. А просто всего-то на минуточку реально взвесьте на мысленных весах имеющееся богатство – Жизнь. Сколько говорено прекрасных слов о ней. Вот и я о том же: о жизни – подарке каждому из нас. Именно мы сами в конечном счете распоряжаемся этим подарком. Безусловно, не может быть все благополучно. И лавина невзгод откуда несущихся бед и несчастий, и, кажется, никакой перспективы впереди, и... Вот тут следует остановиться и перевести взгляд совсем на другое, выходя из позиции беспрекословного подчинения обстоятельствам и упертого в одну точку взгляда.

Я не психолог; я такой же, как все, человек со своим набором несчастий. Но и счастливых тоже. Их стараюсь вбирать, как свежий острый воздух, из всего прочего на них опираюсь, их благодарю. Потому что, в конце концов, они создают картину моей жизни. А по сути – моего отношения ко всему.

Не стану приводить библейские истины. Но хочу, чтобы вы

разделили мою точку зрения: мы сами формируем и позицию, и умение вычленять из окружающего несущие опоры.

Если вы молоды – мечтайте энергичнее, чем здоровые, делайте себя: ищите, заполняйте голову знаниями, найдите свой интерес и профессионально совершенствуйтесь. Делайте все возможное (и невозможное тоже), чтобы стать привлекательным, содержательным и интересным для других.

Не определились в выборе того, что вас больше всего привлекает? Ищите, пробуйте, пытайтесь! Если что-то привлечет вас, то станете прежде всего интересны самому себе, определитесь со смыслом своей жизни. И не витайте в облаках! Мечтать, конечно, не вредно, но чувствовать под собой твердую почву необходимо.

Человеку более зрелому, которому придется как-то высвободиться из-под лавины несчастий, – тот же самый совет: уходите от скорби по самому себе. Из прошлого выбирайте в качестве опоры добрые моменты, подарившие подлинную радость. Светлые моменты станут вашим фундаментом для выстраивания себя самого в новых условиях и установках.

И еще по поводу того, что жить стоит. Столько непредсказуемо прекрасного впереди! Главное – настроиться на эту волну и с этих позиций смотреть на все: на природу (у которой, как известно, нет плохой погоды), на окружающих (пусть не у всех твоих друзей достаточно времени на тебя), на свои желания и планы, наконец, на сложности, которых у каждого предостаточно.

Непременными «соучастниками» и вашим «инструментарием», помимо собственной установки, могут стать ваша благорасположенность, умение обуздывать эмоции, улыбка и достойная уверенность в своей правоте. Конечно, много чего еще требуется, чтобы встречать новый день, как подарок. Наверное, не менее важным является желание самому доставить радость другому.

Да и жизнь потихоньку к нам поворачивается. Это так! Медленно, но сдвигается с неподвижной точки. Примеры тому

имеются: все, что делается в своем обществе инвалидов (а если не делается – подключайтесь, не ждите, что все само образуется), в мировом масштабе – наши обязательства, предписанные Конвенцией ООН о правах инвалидов. Все протестные акции, все мероприятия по привлечению внимания к проблемам инвалидов – всё-всё должно взбаламутить болото инерции и пофигизма. От нашего вмешательства и настроения зависит многое. Отнюдь не зря считают, что каковы мы сами, такова и жизнь.

А жизнь сама по себе прекрасна! И мы должны помнить об этом, чтобы быть в нее включенными.

Благодаря газете стали «включенными в жизнь» все, кого газета притянула как корреспондентов, для кого она стала возможностью для самовыражения. Невозможно перечислить всех, кто за два с лишним десятилетия увидел свою фамилию под маленькой информашкой или большим очерком, но как же Дубникова холила и лелеяла каждого!

Она знала о каждом всё, жила их жизнями. Уход тех, кто оказывался у края, каждый раз переживала как личную трагедию, находила самые верные слова для прощания. И как радовалась, когда обнаруживался новый «наш человек», талантливый и нужный газете!

Однако замыслы были гораздо шире. Газета – хорошо, а без книг-помощников, книг-советчиков, книг докторов и консультантов, объясняющих, как жить и не падать духом, куда стучаться, где искать поддержку и защиту, инвалиду не обойтись.

Вместе с газетой в 1993 году родился редакционно-издательский центр «Здравствуй», учрежденный областным обществом инвалидов. Его директором стала Г. А. Дубникова, а первой книгой – перевод брошюры Дона Кастона «Сделай свой дом удобным». Авторские права на книгу пермякам подарили англичане.

Перечень выпущенной редакционно-издательским центром литературы очень разнообразен и впечатляющ.

Достаточно привести всего лишь несколько аннотаций, чтобы представить круг освещаемых проблем, чтобы оценить стремление издательства ответить потребностям самых разных категорий людей.

Здесь книги-исповеди тех, кто оказался в крайне сложном положении, но не сдался, выстоял и готов поделиться своими рецептами выживания.

Борис Фертман. **Разорванный круг.** 1994.

В возрасте Христа, в расцвете сил и на пике карьеры, инженер Борис Фертман в результате несчастного случая оказался обездвиженным навсегда... О том, как ему удалось перевести стрелки судьбы на иной путь (Фертман продолжил заниматься наукой и даже защитил диссертацию), об умении ценить жизнь и открывать на нее глаза другим рассказывает эта книга. Здоровых она может заставить беречь дар, которым они обладают, научит понимать чужую боль, больным – поможет найти силы для борьбы с собственной беспомощностью. В приложениях к этой книге – народные рецепты, проверенные на себе.

Из письма Бориса Фертмана редактору его книги:

«... «Разорванный круг» – подарок не только мне и моим героям, но, надеюсь, всей нашей братии, всем спинальникам и «чесам» – человекам страдающим, так я их называю... Дубниковой письмо шлю отдельно. Молю, берегите ее, необычный, редкий она человек. Имея много друзей, много имеешь, но, имея единственного, жену ли, мужа, семью, – имеешь неизмеримо больше, почти всё. А у Г. А. есть только мы, но нет единственного...»

Лев Индолев. **Тем, кто в коляске и рядом с ними.** 1995.

Геолог, ученый, один из инициаторов и организаторов инвалидного спорта, Лев Индолев и судьбой своей, и книгой, которую написал, убеждает товарищей по несчастью: «Нам не выкарабкаться из беды, если не поймем три простые вещи: надо верить, что выбраться возможно и что жить все равно стоит, надо знать, что и как делать, и – самое главное – надо делать». О том, что и как делать, и рассказывает его книга. Как бороться с комплексами и продолжать жить, любить, радоваться, иметь семью? Как решать множество конкретных проблем, встающих перед «новообращенным» колясочником?..

Из отзыва Владимира Механошина (г. Нытва):

«Сравнительно недавно попалась книга «Тем, кто в коляске и рядом с ними». Мне бы ее в руки взять шесть лет тому назад! Но до всего пришлось доходить своим опытом, через синяки и шишки».

Этот свой опыт и такие издания, как книга Льва Индолева, сделали Владимира Механошина инструктором по обучению инвалидов-колясочников.

Нина Титова. **Записки из параллельного мира.** 1997.

Детство – юность – поиски себя – взросление – друзья – уда-ры судьбы и неудачи – крупницы счастья – потери и обретения – из такой мозаики создается картина существования человека, обреченного на иную, как бы параллельную жизнь. Нина Титова перелистывает страницы этой жизни – своей жизни! – и предлагает читателю всмотреться в нее, задуматься о душевном и физическом обустройстве инвалида в этом мире, а потом проанализировать собственный багаж, чтобы сделать вывод о том, как жить дальше.

Из отзывов на книгу Нины Титовой:

«...Прочитав эту книгу, очень сожалею, что подавляющее большинство «нормальных», здоровых людей мало знает об этой глубоко волнующей исповеди человека, волею судьбы попавшего в беду. Они практически не в курсе жизни и судеб инвалидов. Моя старенькая мама, увидев бандероль из далекой Перми, поинтересовалась, что в ней, начала читать, но потом отложила книгу и сказала: «Не могу читать дальше, я начинаю плакать» – и несколько дней ходила грустной и задумчивой. Ей простительно, у нее была трудная жизнь. Я тоже был потрясен книгой и перечитывал ее несколько раз».

А параллельно развернулась работа над серией **«Болезнь и я. Опыт медицинского справочника для всех».**

Подобные издания медики всегда считали несколько опасными: не займутся ли их пациенты исключительно самолечением да не навредят ли себе? Однако сейчас всем ясно: чтобы бороться с болезнью, человек должен понимать ее причины,

быть сознательным союзником своего врача, полагаться на него «с открытыми глазами». В книгах серии «Болезнь и я» высококлассные специалисты доступным языком объясняют механизм того или иного заболевания, дают проверенные наукой и практикой советы и рецепты. Авторы словно предугадывают возникающие у читателя вопросы – и отвечают на них незамедлительно. Вышло пять выпусков – пять томов серии о самых разных недугах.

Из отзывов на книги серии «Болезнь и я. Опыт медицинского справочника для всех»:

«...Ваши книги помогают решать проблемы моей семьи. Они очень содержательны и доступны в понимании. Даже врачи нашей больницы удивились, увидев ваши книги, и попросили ваш адрес».

Книги серии **«В семье больной ребенок»** обращены к родителям, чьи дети – больные хроники или инвалиды. Каждый выпуск рассказывает об определенном заболевании или группе болезней. Во вступлении к этим книгам психолог, кандидат медицинских наук Г. Ю. Окунева предупреждает: «Предаваться отчаянию некогда. Вы нужны своему ребенку терпеливыми, сильными, уверенными, любящими – и дает ряд добрых советов, как сохранять душевные и физические силы. – ...Если полное излечение ребенка невозможно, ваша цель – научить его жить с этим заболеванием полнокровно, активно, самостоятельно и получать радость от жизни, ведь другой у него не будет».

Из отзывов на книги серии «В семье больной ребенок»:

«Моей дочери 8 лет, у нее ДЦП. Ходить сама она еще не может, но благодаря вашей книге она научилась ездить на велосипеде. Большое спасибо вам за ваше издание».

«Находясь на лечении в санатории «Сергиевские минводы» с больным ребенком пяти лет (ДЦП, двойная спастическая диплегия), в библиотеке прочитала вашу книгу из серии «В семье больной ребенок» про ДЦП. Это как раз та книга, которую я очень долго искала.

В книге доступным языком (сама я не медработник) расска-

зывается об этом заболевании и, главное, о том, как можно самой помочь своему ребенку. Если есть такая возможность, убедительно прошу вас: вышлите, пожалуйста, такую книгу наложенным платежом...»

Очень часто недостает инвалиду элементарной правовой грамоты. Многие не представляют себе, каков их статус, как определены отношения между ними и государством, куда обращаться в тех или иных случаях, кто обязан прийти на помощь и так далее, и так далее. И РИЦ «Здравствуй» стремится хотя бы частично ликвидировать этот пробел выпуском литературы на правовые темы. Здесь подготовлены и увидели свет книги:

«Жить, как все». О правах и льготах для инвалидов. **«Справочник инвалида».** Пермская область. **«Права, оплаченные страданием»** (книга выдержала три издания).

Из рецензии на книгу «Права, оплаченные страданием» («Звезда», 2002 г. 1 февр.):

«...Только прочитав «Права...» до конца, понимаешь действительный объем этой «кровоточащей» работы. Книга – результат, финиш.

На старте была кипа информации: документы, формы, справки, комментарии врачей, юристов и других специалистов, прелестные кусочки-цитаты на тему, истории и письма, письма, письма. Голоса людей.

Чтобы не захлебнуться, редактор-составитель придумал ход, разбивающий текст по рубрикам-вопросам. Каждая – крик... КТО Я? ЗАЧЕМ ЖИТЬ? НА ЧТО ЖИТЬ? КАК ЖИТЬ? КТО ЗА МЕНЯ? Ответы есть на каждый. Поразительно, но на каждый! Ответы юридические. Нравственные. Психологические. Медицинские. Практические...»

Из отзывов на юридические сборники:

«Я получил от вас бандероль с книгами «Жить, как все» и «Права, оплаченные страданием». Большое вам спасибо и низкий поклон от меня. Очень хорошие книги. Я прочитал и перечитывал их подробно, сделал для себя пометки по от-

дельным статьям. Теперь я открыл глаза на права инвалидов. Поймите меня правильно: деревня есть деревня, мы не знаем своих прав, а к юристам каждый раз обращаться накладно и неблизко, живем в глубинке. Так что ваши издания для инвалидов на вес золота. Для примера: когда я появился с вашим изданием «Права, оплаченные страданием» в райсобесе, то сам начальник Пенсионного фонда снимал ксерокопии с отдельных пунктов».

«Примите огромную благодарность за вашу книгу «Права, оплаченные страданием». Очень нужная книга. Инвалиды должны знать, что они не одни. Прочитали на одном дыхании, узнали много нового, и на сердце стало тепло от заботы. Ведь ни для кого не секрет, что инвалиды властям не нужны, а здесь, в книге, советы, поддержка, забота. Редкое издание в наше время и, повторяю, очень нужное. Поется в песне: «Возьмем-ся за руки, друзья...» – так ваши руки уже протянуты друзьям по несчастью...»

И, наконец, вот такое:

«...Если бы все инвалиды, армия которых с каждым годом прибавляется, имели книги, которые выпускает ваше микроскопическое издательство, скольких ошибок в уходе за инвалидами можно было бы избежать, сколько нервов сохранить в борьбе с чиновниками!..»

Всего под руководством Галины Александровны Дубниковой подготовлено и выпущено около 40 книг.

Хочется еще раз напомнить два немаловажных обстоятельства.

Первое: Дубникова затеяла эту свою издательскую деятельность, начала новую жизнь, полную серьезных организационных, экономических, психологических проблем, когда ей было за пятьдесят. Многие уже «с ярмарки едут». Не каждый здоровый человек в таком возрасте, обремененный стереотипами и устоявшимися клише, с энтузиазмом ринется в новое предприятие. Она решилась.

Второе: она была глубоко больным человеком, но ведь ни-

когда не просила на это ни малейшей скидки! Ее хороший друг, журналист Ольга Штраус, автор двух книг, выпущенных РИЦ «Здравствуй», вспоминает, как вместе с Галиной Александровной отправилась по краю в маршфон на колясках:

«...Больше всего меня тогда поразило, какое невероятное количество времени должен затрачивать инвалид-опорник на выполнение самых обычных бытовых действий. В Березниках, помню, пока Галя поднималась в наш номер, я успела заскочить туда, разобрать вещи, кое-что простирнуть... И вышла, уже готовая к новым «подвигам», а она только-только выходила из лифта. И стало понятно, почему она КАЖДЫЙ ДЕНЬ встает в пять утра: чтобы успеть к девяти на работу, а работала она практически всю свою жизнь, до последних месяцев...»

A photograph of a forest with tall, slender trees and dense foliage, partially obscured by a thick mist or fog. The scene is overlaid with a semi-transparent blue filter. The text "МИР — МОЙ!" is written in white, bold, sans-serif capital letters in the lower right corner.

**МИР
— МОЙ!**

Из дневников 1960-х гг.

Я всегда хочу в лес...

...Чудом из чудес была поездка! ... Машина – и недоступное стало доступным. Всё, оказывается, просто: вот я же еду. Издали – недостижимое, вблизи – всё проще. Вот и Курья. Узенькие улочки, дома-башенки, бочки с квасом, смело бредущие козы, куры, буднично пританцовывающие у калитки. Мне туда, наверное, не зайти: вон какой порог высокоооокий. А вот двое конопатят днище лодки. В просветах – белые клочки тумана. Там Кама...

Дорога переходит в грунтовую, вкатываемся в лес. И это лес? Непроходимое берендеево царство с загадочными ухмылками пней-бородачей? Нет! Это частокол высоких сосен. Вблизи – стройные оранжево-коричневатые стволы с пышными головами, уходящими ввышину.

Наконец и поляна. Думала, она будет, как брюшко лесного зверя, зелена да нежна. А тут сосновые вилочки, шишки.

Самое желанное настало, когда плюхнулась прямо в них. Лежу на дне гигантской чаши. Несутся расцвеченные солнцем облака, серые, белые, легкие, как безоблачные мысли. Края этой чаши – зубцы зеленых вершин.

Мы лежали, ели, говорили, ходили, то есть делали всё, чем живем, однако всё было необычным. Тишина оставалась тишиной, хотя в ней цвенькали и развешивали песенные гирлянды пернатые («Лес стянут по горло петлёю пернатых гортаней, как буйвол – арканом. И стонет в сетях, как стальной гладиатор органа». Пастернак).

Я всегда хочу в лес... Хочу к своим прародителям, в которых неслышно бродят соки земли. Там совершается чудо: прибавляется новое кольцо, ответвляется новая ветка, пробурывают воздух остренькие листочки.

Хочу в хруст и тишину, в нарощение и назревание, в переглядку деревьев, в их плен и колдовское движение соков – по всем стволам, веточкам, капиллярам. И через все это – в тебя.

Сейчас состояние, будто я в болотце сижу: красиво-то оно красиво, да сыро и опасно.

Поездка – во мне

...Два глотка за последнее время – и я снова чувствую прикосновение жизни.

Во-первых, «Дон-Кихот» с Надей Павловой. Смотрела не первый раз. Смотрела – как просыпалась. И не столь сюжет, вечный и нехитрый – торжество любви! Не форма балета – скорее, мюзикла – сольные номера и смотрятся самостоятельно, почти не связывая действие. А то высокое очарование, которое таится в танце Павловой. Девочка, не соблазнительница, нет! Чистая, игривая, нехитрая, вся – непосредственность. Ликующее торжество!

И вот второй глоток – вчерашняя, нечаянно выпавшая поездка на Каму к водолазам (только подумать! В этот колючий ветер, в ледяной воде, что-то там делать!). Шустер с Жеребцовым¹ едут делать репортаж о прокладке водовода с реки

---

¹ Л. Жеребцов и И. Шустер – журналисты, корреспондент и фотограф газеты «Вечерняя Пермь».

Чусовой. И меня взяли! Моя цель – созерцательная. Где-то я прочла, что внешнее механическое движение способно утолить жажду по динамике, по движению в тебе самом.

За окном было холодно, морозно, ветрено, неуютно, а в машине тепло, сыплются анекдоты...

А я смотрю во все глаза. Грязный снег на окраинных мотовилихинских горах, двухэтажные казенные дома, ромбы частоколов, огородов на крутизне гор, бог знает как прилепленные набекрень избенки (там еще живут!), пункты стволиков на склонах бело-грязных гор. Весной чудодейственно схлынет серость и грязь, пункты обернутся в нарядную молодую зелень, кудрявую и буйную, земля запахнет в мягкий ковер травы и щедро разбросает цветы, и станет все это праздно любоваться в синее зеркало неба, расцветая и хорошея под ласковостью спокойного солнца.

Это будет. А пока – синее стылое небо, туман сумерек, сизый кустарник, закатно гаснут полосы на снегу. И вдруг – синее-белоснежное поле! Мягкое, ровное, покойное. Чусовая! Там, подо льдом, играет (или все-таки спит?) река, а здесь схватилась морозом, занесена снегом и заворачивает своим первородно-чистым нарядом. Даже машины его прошивают! Даже автобусы. Встали дебаркадер, пароходики, баржи.

Народ по-деловому «брал материал», то есть беседовал с бригадами станции водолазов. Это же герои, но на их долю не выпала громкая слава, все в ней буднично и трудно. А я в машине приходила в себя. Спокойно уравнивалось во мне все дерганое...

Небо затянулось наледью вечера, лишь кое-где желтеет или голубеет полоса дня; фиолетово ложатся на синь реки тени. И – холодно-за мороженая тишина. Чистота и ясность, как у Рокуэлла Кента.

...Возвращались чуть утомленные. Разговоры о делах, о планах, о речестроевцах, о шашлыках и винах (видать, все проголодались).

Бесстрастно-шашечные окна домов-коробок, толпы людей

на остановках (и угрызение за свою устроенность в теплой машине). Трепещущие под неистовым ветром полотнища каких-то транспарантов. Тупые туловища фыркающих машин, яркие зрочки светофоров. Обжигающие холодом перила моего крыльца – и я дома.

Но поездка – во мне.

Стало быть, есть в жизни (сколько тому доказательств!) тот источник, который способен напоить и сделать зрячим. Спасибо случаям и возможностям.

К солнцу!

...Лето было холодным. Оторвусь от стола, посмотрю в окно – и больно, тоскливо сжимается в груди: серые полосы. Острые, как нож; хлесткие, как удары плетей, ложатся на стекла и барабанят, барабанят. В комнате яркий свет. В корпусе ровный гул – его не замечаю. Но зато когда его нет, кажется, что ты в вакууме. Гул типографских машин за стеной – аккомпанемент. Порой от него устаешь, а порой он – спасение. Так вот, было гулкое дождливое и хлещущее лето. А хотелось солнца! Чтобы с утра, открыв глаза, увидеть улыбающимся все-все. Когда так случается, то улыбаешься сам – и день улыбчивый...

ЛЮБЛЮ ПРОСЫПАТЬСЯ С УЛЫБКОЙ. И небо яркое. И листья сверкают. И крыши розовеют, и асфальт не такой серый, а словно свежестью отдает, как оттенок солнечного утра, и трава в бусинках.

К черту все! Не стану анализировать. Главное – ехать, видеть, прислушиваться к толчкам сердца. Узнавать людей. Может, и кощунство, но заглядывать в их судьбы. Моя жизнь – моя история, моя пьеса, я в ней – и главный дирижер, и главный исполнитель. А чужая? Это еще одна книга с плотно захлопнутым переплетом. Перелистнуть бы! Прочитать хоть пару страниц! Нет, хоть строк... Познать и вообразить – это удел писателей. Оставляю себе поверхностное – слышать людей, различать интонации, читать настроения, угадывать судьбы...

Вставала утром и считала: десять дней осталось, семь, шесть, пять... и радовалась, и думала: когда-то об этом времени буду говорить как о прошедшем. В сущности, между *после* отпуска и *перед* лежит очень немного – сам отпуск.

Мы с мамой летим в Волгоград. Зимой не стало нашей последней родной души – брата мамы, дяди Аркадия. Везем венок на его недавнюю могилу (когда сегодня пишу эти строки, удивляюсь, почему нельзя было заказать венок на месте).

Всякие сборы пронеслись, как в тумане, как во сне. Сердце блаженно затаилось и билось вполне сдержанно.

Два часа дня. Венок в чехле у Тани за спиной. Двери заперты, котомки в руках. Влезаем в машину.

Венок в багажник не влезает, мои девчонки торчат из-за него, как три ангела.

Несемся. Город незаметно остается за спиной. Трубы с огнем – с нефтеперерабатывающего. И огромное, серое с дырками, полотно вместо неба.

Наш аэропорт – стеклянный четырехугольник – просвечивает насквозь, через здание видны почти игрушечные самолеты, серебристые, блестящие. А рядом трава пригнулась: видимо, винт бешено вертится.

Подруги в своем репертуаре.

– Постой малость, мы сбегаем наверх.

Не успела отреагировать – пропали. Смотрю на потолок. Стены серые, с ровными рядами круглых, с заклепку, отверстий – имитация обшивки самолета. Мама – как квочка, с венком, с чемоданом да узким деревянным ящиком для помидоров. Тетя, наверное, надеется, что едем насовсем, об этом звонила всю зиму. Увидит ящик – всё поймет и расстроится.

– Извольте! – девочка протягивает мне зефир в шоколаде.

Люблю. Жую. Благодарна.

Вышли на свет божий. Мама – в очередь. Мы – на лавку. Низкая, я аж шлепнулась, ноги – к небу. Кто-то оставил журнал «Здоровье» со статьей про сифилис и командированных да

«Огонек» на закуску. Статейку прочли, оставили для других – может, дойдет по адресу.

Тучи умчались, и небо – словно умылось: синее, свежее, яркое. А что там, в Волгограде? Жара? Я хочу ее, хочу, чтобы каждая клеточка прожарилась!

Объявляется посадка на рейс 3061, следующий рейсом... Наш! Сорвались. Я мчусь к самолету. Девчонки за мной. А далеко! Солнце успело раскалить и расплавить асфальт на поле, костыли вязнут.

Забрались. Толком с девчонками не попрощалась. Ушли, а я им и не помахала.

Села неудобно: чтобы смотреть в иллюминатор, надо лечь на бок, чутко скатиться. Но так быстро устанешь. Решила ждать до Куйбышева, а там пересесть – все равно не буду выходить.

Все пристегнулись, я – нет. Прилипла лбом к стеклу, смотрю на пропеллеры, которые вертятся вначале медленно, но вот уже не видно, как они вращаются: на месте винта крыло мухи гигантских размеров, и все видишь вроде через какую-то сетку. Бежим. Ровно, мягко. Остановились. Остановились перед полосой и разбежались дальше. Шасси повисли в воздухе, и вот уже под нами крыши. Всё обозначилось, все стало ясно, просто. Вот бы так в жизни: видеть начало и конец. Шасси втянулись, как змеиные головки. Реки – ручьи, озера – слюдяные осколки. Все исчезло, потому что не везде была синь, потому что я увидела нос к носу то, что было недостижимо далеко, воспринималось как абстрактное, понятийное. А тут вот они – тучи, лохматые клубы тумана, прозрачные медузы, завихрения дыма. Но мы летим вперед, выше, и слой туч все ниже, как слой водяного гриба, а мы купаемся в небесном море.

На земле мы всё сравниваем с небом. Так в жизни часто говорим, увидев красивое: «Как в кино». А оказавшись в кино или столкнувшись с прекрасным, восхищаемся: «Ну как в жизни!»

Вот и тут. Оказавшись над землей, стала сравнивать небесные чудеса с земными. Словно бы второй город распластался над землей, вторые небесно-земные просторы. Поймала себя

на том, что в основном вижу гриновские города с зámками в дымке, с горами в облаках, с цветом разлившейся алой реки, с сиренево-дымчатыми, янтарными и алыми красками. Вижу молочные моря с серыми уступами скал, а на горизонте растекается солнце. Чудо из чудес. Иногда города исчезали, и напоминала о себе моя земля сквозь холодную дымку и толщу воздуха.

Но земля стала лучше видна в полете от Куйбышева.

Все там вышли, а я уселась туда, где мне было удобнее. Открыли все двери. Уже семь тридцать. Подвечер... В самолет потекло живительное горячее. Какая-то женщина на сером поле в темном комбинезоне и алой косынке, видимо, что-то смешное говорит заправщику. Он соскакивает с колеса, гонится за ней, ловит. Она вырывается, смеется. Все золотые от солнца на почти желтом асфальте.

От вокзала потянулись-покатились вагончики, и в самолет вошли новые и прежние пассажиры. Винты взревели, уши заложило. Мама сует какие-то булочки. Отказываюсь, не хочу – мне бы скорее лбом приткнуться к окну.

Снова отрываемся. Скоро Волгоград. Я упиваюсь небом. Теперь земля не прикрыта фатой. Высота не помеха, и я все вижу. Ровные, правильные геометрические фигуры. Земля очень красива в мозаичном украшении. Никто, думаю, так не сумел бы ее украсить, кроме природы.

Внизу Волга. Когда разворачиваемся, видна вся река в червонной ряби, будто гигантская рыба шевельнется, блеснет своей спиной горячей – и замирает. Она живет.

Мы летим вдоль реки, повторяем ее петли, порой пересекаем. Она вроде бы уходит от нас и вдруг, как костер, вспыхивает. Здесь, наверху, солнце еще горит, хотя блеск свой пригасило, матовым стало... Воздух вокруг наливается синью, из голубого превращается в сиреневый, густеет, чтобы тут же, на глазах, налиться синьковой синью. Как в картинах Леонардо, Микеланджело, Веласкеса, импрессионистов, полоска рая светит, не переставая. Желто-зеленая с оранжевой каемкой.

Но и это пропадает. А под самолетом земля засветилась. Раскрылся гигантский веер золотого света. Видимо, спускаемся. Улиц все еще не видать, город в стороне. А вот и цепочки огоньков, а вот и синие – посадочные.

Вижу фигурку тети Ани в просторном пыльнике, в темной козынке. Подошла к самолету. Спустили меня, спустили вещи.

Тетя Аня не знает, что мы не совсем, не хочу ни о чем думать, утро вечера мудренее. Спрашиваю, как дела у нее, как самочувствие.

– Ничего, детка, помаленьку. – И дрожь в голосе.

Вдруг врывается весь город, в огнях и зелени, рекламе и шуме. Родина-мать! Гигантская! Ее держат острия лучей. Видна отовсюду. А вот аллея высохших пирамидальных тополей. Зима их высушила. Не выдерживая, сокрушаюсь.

– Да у нас зимой трещины были в земле – как окопы, – поясняет тетя Аня и добавляет: – Весь виноград померз. Да и у соседей тоже. – И минуту помолчав: – Да на что уж мне все это?

Я никогда не видела столько мертвых деревьев. Огни реклам – и сухие свечи, вздыбленные горестно ввысь.

Вот и дома. Вот и Волчок. Полаял, замолчал. Тихо-тихо... Та же веранда. Чисто. Яркий свет. Над столом белое полотно с синей вышивкой: босая девушка с распущенными волосами сидит на уступе печи, рядом чугуны, а около ног и возле руки – птицы. Знакомая буколическая картинка. Сундук, прикрытый ковром, этажерка с журналами, соломенные жалюзи на окнах.

Посидели малость, оставив разговоры на потом. Я устроилась на сундуке, натянула простыню до подбородка и смотрела в сад, на звезды сквозь щель в соломенной шторе...

Солнце было завтра. И было его много-много.

«Кто наслаждение прекрасным
в прекрасный получил удел...»

Из дневника 1972 г.

...Зеленая стоянка «Ирма». Стоянка на обратном пути из Ленинграда, где все-таки я побывала. Куда довела меня моя любопытная жадность! Было столько, что всё не пересказать.

Вначале была подготовка к этой летней речной поездке. Предвосхищение всяких радостей. И они совершились, радости. Каждый день наполнялся массой эмоциональных взрывов.

...Путь еще не кончился, сейчас у нас так называемая зеленая стоянка. Причалили к чудесному месту, которое издали и манило, и обещало... В воду загляделись раскидистые купы деревьев. Рыбаки с теплохода тотчас оседлали, кажется, каждую веточку, закинули дуги лесок и застыли, образовав живые скульптуры. Чуть правее – мягкий нежно-зеленый лоб холма. И расцвел он разноцветьем одежд... Представляю, каково там в сегодняшнюю теплынь, когда ветерок с реки – ласка и освежающий глоток, когда мягко холодит трава, в которую плюхнуться – и всё забыть.

А если подняться еще выше, там уютные и вечные деревянные-золотые от солнца избы. Стекла горят пожаром, квадраты огородов, дерево под окном – каждый дом под такой защитой.

Люди сошли с теплохода, и здесь, на корме, я их не слышу. Зато сколько птичьего гомона! Неизвестные всхлипывания, цвеньканья, карканье и непреходящий, господствующий, визгливый голос чаек, спутников нашего путешествия.

Кружево дорожки за кормой и вензеля чаек в небе – неизменная картина. «Ирма» на пути в Ленинград выглядела не так. Серый и холодный день не располагал к близкому знакомству. Правда, все тогда собирали цветы, а потом состоялся конкурс. Мы с З. К. нарядили ветки елки купавками и назвали свой букет «Ирминская елка». Приз мы не получили, зато наш нарядный букет в каюте долго напоминал о щедротах края.

По дороге в Ленинград чего только не было!

Горицы – и неожиданно возник белый с куполами монастырь, целый посад, со своей стеной, со сторожевыми башнями, часовней. А рядом церковь в воде с подмытым алтарем. Вода – Череповецкое водохранилище – и вдруг восставшая церковь XV–XVI веков. Разрушаемая, размываемая, одинокая и беспризорная.

Остров с радиусами елок, со слоисто-коричневым обрывом берегов, с нежнейшей мшисто-изумрудной травой. То гладь без берегов и даль, то берег – рукой подать. То чистота глубинных вод, то муть глухой Ковды. То слегка сморщенная в рябые складки река, то цветущий всеми полевыми, пастельными красками заката атлас воды, по которой мы бесшумно плывем. То колодец шлюза с сыростью стен и зеленовато-скользкими гальками бетона, то выныривающая даль, когда мы, как в сказке – не иначе, поднимаемся вверх, ощущаем ветер и видим дышащий жизнью массив.

То ярославская утренняя сиреневая свежесть парка, тишина, ветер с Волги и Ильи-пророка церковь – чудо росписи, чистота и умиротворенность задержавшейся старины, то горьковатое смешение стилей, город-гигант, город-предвестник будущих ахов – Горький. Торговые улицы бывших купцов, массивные, добротные, с колоннадами, маскаронами, атлантами и кариатидами. С решеткой сада. С улочкой в булыжнике к до-

мику писателя, с красным каменным сторожевым кремлем, с рванувшимися улицами и тупиковыми улочками, с паршивой моей досадой – сидеть в автобусе и не видеть дальше своего носа...

И вот он состоялся, Ленинград, город-идол... Уезжала – ре-вела, как с другом прощалась. Если раньше он был знаком и любим «теоретически», литературно, то сейчас ожил, обрел плоть.

И больше всего в нем было – Пушкина.

Родного и доступного...

Памятник спокойного, застывшего в задумчивости поэта возник неожиданно на пути в Пушкин. И рванулось сердце к нему, и заняло благодарной любовью и преданностью. И захотелось тотчас узнать о нем еще и еще. И было Детское Село, Лицей, и вдруг до дрожи ощутилась сиюминутность его присутствия: вот-вот вбежит сюда энергичный мальчик...

Затем Мойка, 12 – последнее прибежище поэта, которое не спасло, не дало покоя и отдохновения. Листок с извещением о состоянии здоровья раненого Пушкина, написанный рукой Жуковского, прямо на белой двери. Красная дорожка. Закрытые двери – там, там когда-то четыре месяца обитал поэт, надеясь на состоявшуюся возможность жене спокойно жить, детям – расти, себе – писать... Изразцы детской, куда вбегал к своим Машке, Гришке, Сашке, Наташке. И стояли когда-то такие же, как сейчас, ясные дни, и надрывалось сердце поэта от волнения мысли и величия чувств, от страдания большого видения.

...Ехала по ночному (да какой же он ночной?) Ленинграду, видела все знаменитые силуэты, а относила все в тот век и всё представляла и думала: как же гениально он все видел, изнутри словно, в корневом изначале!

А теперь я-то все – как слепой кутенок, как иностранец с невысказанным волнением. Разве не слепота?

Я ужасно устала после двух дней прикосновения к городу и проваливалась в сон, будто в забытие. Но твердила себе: не

спи! Сказка расцветала в так называемой ночи. «Одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса...» Окна блестят неживым блеском нераскрывшейся ночи, золотисто-розовым, чистым. За ними – свои судьбы, за ними спят ленинградцы. Я же здесь на пиру – ночь же, два часа: сейчас поднимутся мосты, чтобы пропустить по Неве корабли.

Мы с моей спутницей Наташей, милой, серьезной девушкой, сидели в сумерках такси, в тепле и духоте, после волнения и жуткой усталости, дрема дурманом сковывала тело, смежала веки. Но смотрели, раздирая глаза, смотрели, боясь пропустить малость, желая только взять, вобрать, запомнить.

Мглисто-золотистый багрянец заката (то и отличие, что на западе, а то можно бы принять за зарю), коричневато-размашистыми тенями высятся купола Петропавловки, Адмиралтейства, храмов. И вдруг, как вздетые руки, разорвав рукопожатие, взмывают в это небо мосты.

Они оживают, замирают и летят ввысь, оборвав свое движение где-то на высоте. И будто две ладони замирают над рекой. Особое приветствие кораблям? А как те плывут... В огнях, нарядные белые красавцы. Днем разве догадался бы, что спина моста, работающая, наезженная, как Золушка перед балом, скидывает с себя трудовой наряд и парит, возносится и живет для поэтов, для красоты, для восторга.

...А до этого было утро. Утро было таким ясным, обещающим, празднично-обнадеживающим. Скорее-скорее взбираемся по пандусу. Стоим на остановке такси. Садимся.

– Куда?

Переглядываемся с Наташей.

– В Павловск!

И снова едем по городу. С каким-то особым чувством – жадного, голодного по красотам человека, без намека на утоление голода. Ты только посмотри! А? Впечатлений так много, и даров соответственно, что молчим, боясь пропустить самое важное. Академично-торжественный, классически нарядный центр. Уютно-приятные, ровные и чуточку барские дома ста-

линской постройки и роднящие Ленинград со всеми остальными городами страны хрущевки, пятиэтажные сараи. И новые, двенадцати-шестнадцатизэтажные, поставленные напопа длинные прямоугольники – среди пустырей, рытвин, колдобин.

Павловск – зелень, пруды, загадочный парк с дворцами в зелени. Но времени было катастрофически мало. Громада нескончаемого здания. Тишина, затканная птичьими трелями. Фонари тех времен. Тяжелые драпировки в окнах. Обошли непарадную часть, можно сказать, ничего не узнав и не увидев, купили открытки – и снова помчались... в Пушкин.

Просто, обыденно даже. Царские ворота с завитушками черного чугуна, и сквозь них – сине-белое море и снег – целая стена чудес. В длину 300 метров. А скульптур! Сплошная парадность: атланты, маскароны, львиные и женские маски – все это Растрелли. На боковые флигели и не смотришь. Сокрушает величие.

Наташка по молодости покупает мороженое и... вместо того, чтобы рвануться внутрь, мы вынуждены стоять и торопливо глотать это мороженое. Наконец – внутри. Где там фантазия! Каждый зал – роскошь, золото, свет, шпалеры, картины.

...И ведь все это творили крепостные, самородки с золотыми руками и неистощимой фантазией. Чтобы такое создать на века. Это с одной стороны. А с другой – самоотверженность реставраторов. Надо так любить все это, так знать, чтобы из ничего, из конюшенного, загаженного в войну воссоздать дворец, придать ему первоначальную красоту и величие. Японская комната, охотничья, китайская, останки янтарной, гостиная, покои, «рабочие»... Да их не счесть. Пол, в который не наглядеться. Ковер стен... Это надо видеть! Ведь после Растрелли еще расписывал Камерон.

Вышли. Где теперь сил взять? А тут чудо-парк, и его надо посмотреть! Но Лицей! Не прощу себе, если не побываю там.

Прохлада высоченного вестибюля с боковой винтовой лестницей. На них сероватый налет от мела, въевшегося после

недавнего ремонта. Прусь туда, усталости не чую – она, как бомба замедленного действия, взорвется позже, уже сейчас в адовой боли ноги. Залы, столы, приборы, рисунки Горчакова, Ильичевского...

Еще этаж – жилые комнаты, казенные такие. И в них жили те, кому суждено было стать незаурядными личностями, кто вошел в историю. «Нумера» 13 и 14 – в них жили Пушкин и Пущин... Пахнет краской, как перед началом учебного года. Простенькие, аккуратно застланные кровати. Конторка с чернильницей и гусиным пером, подсвечник, свеча, ножницы, которыми подрезали фитиль, умывальник, шкафчик для книг – и все. И только одни имена. И домыслы, КАК они жили. Это ход от обратного.

Желание унести в память всё. Напрочно, на всю жизнь...

Я возвращаюсь туда уже сейчас, в эти дни. Как болит сердце, как рвется, какой тоской сжимает! Неудержимо рвусь туда, снова и снова погружаюсь то в мосты и ночи, то в солнце сквера, в прохладу синевы и теплоту людских глаз. Я сердцем внимаю памяти – и боль, непередаваемая боль сковывает, выбивает. Надо пережить этот отрыв от «мамкиной груди»...

Дико болит нога, ужасно беспокоюсь, не вывихнула ли где, да и не заметила. И пустота вокруг, в которой я должна заставить себя работать и себя обрести.

А вот и утешенье: Пушкин!

Не всякого полюбит счастье,
Не все родились для венцов.
Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов.
Кто наслаждение прекрасным
В прекрасный получил удел
И твой восторг уразумел...

«Но как ни сковывает ночь меня кольцом тоскливым», – перефразируя, скажу о Питере, во всем мне чудится его веяние,

с ним связи. Ленинград в моей живой памяти, благодарной памяти восторга и печали. «Печаль моя светла. Печаль моя полна тобою...»

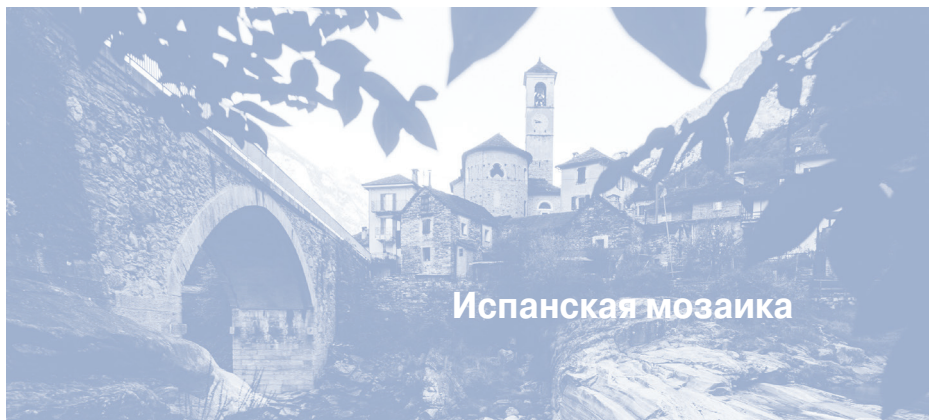
...Под занавес года. Главное, что было, – Ленинград. Словно я узрела идола, на которого теперь стану молиться и в радости и в горе.

Прекрасное – это неисчислимое богатство красок, повстречавшихся на пути: красок неба, красок береговых кружев, красок разных водяных глубин, красок улыбок.

А сейчас, сию минуту, какое полыхание неба! Словно гигантский костер скрыт за чернотой дома, а за ним языками вырывается пламя. Гаснет, стушевывается. Переходит в палевый цвет, сиреневый, сизый, синий. И черные силуэты ветвей четче вырисовываются на стволе. Смотришь на тончайшие оттенки застывающего заката и невозможно глаз отвести. Колдовским светом завораживает. И горькой болью ушедшего глухо и неприкаянно бьет во мне колокол памяти сердца. И ничего нет, словно разорена.

... В этом году почти не гуляю. Ни снега, ни пороши, ни чистоты умиротворяющей. С другой стороны, для меня же в этом есть своя прелесть, крошечная возможность никого не просить, а самой залезать в машину и вон из нее.

Испанская мозаика

2013 год

Из каких только оттенков и составляющих она не состоит: тут тебе эмоции и ощущения, события и факты, выводы и осмысления! Впрочем, канвой для их изложения станет хроникальная основа. Возможно, без строгой последовательности, поскольку никуда не денешься от моментально возникающих встречаний и скачков мысли.

Итак, к началу

Материал о путешествии в Испанию, который прислал в газету Евгений Жунев, вызвал и восхищение этим молодым человеком, в коляске отправившимся на освоение другой страны, и одновременно легкую зависть. Скорее, даже не так – робкое желание повторить его опыт. Вкусно было написано!

В эдаком авантюрном стиле проговорила крамольную мысль за чаем на работе. Татьяна, наш офис-менеджер, по легкости характера поддержала мои фантазии. Поболтали, похихимили и разошлись по своим делам на пару месяцев. Нет-нет, но «на секундочку» вспоминая о вспыхнувшем желании. Оно ведь казалось несбыточным: усталость, физическая немощ, разно-

образии появляющихся болячек, непонимание подчас, как преодолеть грудку неубывающих редакционных и домашних дел.

Но вопреки здравому смыслу прекрасная мечта заразила и начала воплощаться – пока! – хотя бы в некоторые формальные действия: поиски турфирмы, заказ загранпаспорта. Механически, по принципу: получится – хорошо, а нет – так вроде как и не надо.

Эта канитель без воодушевления, без веры и ожидания тянулась вяло, но последовательно, настойчиво. Путевки для себя и Тани как моего сопровождающего оплачены, даже экскурсии для нее с дочкой. Коляска новая куплена, Интернет проштудирован, некоторые испанские слова и обороты вызубрены. Вовлечена еще одна из соучастниц путешествия, такая же нелегкая на ногу, ибо инвалид, но легкая на подъем, ибо наш человек. Номер газеты и половина ее верстки подготовлены. Сумка-чемодан куплена. Чехол для костылей сшит... И все это плюс масса мелочей – словно бы между делом, без горения и страсти, в состоянии непреходящей усталости с периодическим обращением к самой себе: «Куда ты, кляча, вознамерилась рвануть? Ведь едва плетешься».

Так или иначе, но пора ухода от быта и болота повседневности в новую явь настала. Душа проснулась! Я поняла: что бы ни случилось, даже если придется помирать, все равно буду твердить: «Как это прекрасно!» Гарсиа Лорка, Сальвадор Дали, Пикассо, Антонио Гауди, Монсеррат Кабалье... Да разве эти и еще десятки таких имен – уже сами по себе не повод, чтобы рвануться в Испанию? Столько «испанского» осело в нашей памяти, начиная со школьных лет! Долорес Ибаррури, ее сын, погибший в сталинградском небе в Великую Отечественную... Или «Гренада» Михаила Светлова... Испанское фламенко, наконец...

Я уже ее любила, и в мозгу уже звучал Гарсиа Лорка: «Начинается плач гитары... Разбивается чаша утра...»

Неужто прилетели?

Итак, нас четверо – Татьяна с ее почти шестилетней дочкой, Роза Федоровна Аксиленко из ПКО ВОИ и я. Мы в пермском аэропорту. Ручным способом затащили нас на борт. Уселась, правда, с трудом, поскольку пространства между рядами низкие и узкие. И... взмыли в темноту.

Команда испанская, и мы сразу почувствовали некую особинку. Вроде бы и улыбка такая же, как у наших стюардесс, но неподдельное дружелюбие в обращении, внимательность улыбающихся (да-да!) глаз – все настраивало на взаимный контакт. Особенно заметно это в отношении к Таниной девочке: интонация, склоненность к ребенку, ласковые касания – все это на ходу, но адресовано конкретному человеку.

Аэропорт Барселоны. Ночь. Если учесть четыре часа разницы во времени и пять с половиной часов лета, то в Барселоне около трех ночи. Нас встретили и повезли в новейший терминал. Он и пустынейший: ни одного пассажира! Куда они все подевались? Чистота, всё сияет и пахнет хорошим парфюмом. Служащие, которые везут наши с Розой Федоровной коляски, что-то между собой обсуждают, улыбаются, время от времени справляются, все ли у нас в порядке. «Си-си!». Не заметили, как миновали сонного таможенника. Провози хоть тонну тротила, хоть килограмм наркотика – никто не проверял. Ого! Наконец-то появляется человек с опознавательным плакатом Tez Tour. Лифт – и мы вниз, где наконец-то увидели пассажиров нашего самолета: рейс чартерный, все по путевкам и сейчас разъедутся в разные места побережья.

Слава богу, автобус, как и было предварительно оговорено, с подъемником. Гид знакомит нас с азами, с условиями, с правилами бытования в Испании, что-то сообщает о местах, которые проезжаем, сверкающих огнями. Наконец пошла линия прибрежных местечек с отелями. Автобус потихоньку пустеет: каждый выходит на своей остановке.

Один отель, другой – и вот наш, «Аква Променад». Большое светящееся здание, крыльцо с прочерчивающими каждую ступеньку огоньками. Сбоку – «мой» пандус. В вестибюле теплота, тишина, на ресепшн пожилая служащая: почти под бобрик стрижка, крашенная, ухоженная, улыбчивая, пытается найти с нами общий язык. У Тани – французский, у меня мало-мальский немецкий из давнего вузовского освоения. Располагаемся кто на диванчиках-креслах, я в своей коляске-«коробчонке». Штора окна-стены задернута. Ждать нам вселения еще долго. Пришли работницы, что-то бесшумно протирают, чем-то ароматным обрабатывают, мягкими губками и всякими лохматыми приспособлениями тщательно все чистят.

Штора уехала в сторону. А там, за окном, как игрушечные, бесшумно проносятся вагоны электричек, а за ними, кажется, мир кончается – одно небо. На рассвете оно разделяется условной линией с морем. Вначале море выглядит серовато-однотонным, затем обретает свой аквамариново-изумрудный цвет с белыми оторочьями волн.

Определились в номерах: Таня с Дашей и мы с Розой Федоровной. Наш номер большой, просторный, с балконом на внутренний дворик, а там бассейн, лежанки, зонтики, пальмы – этаким закрытый безветренный квадрат для отдыха и загора-ния. Всё в нашем жилище удобно: и кровати, и туалетная комната, везде поручни. В общем, прилично, хотя и без обещанного балкона с видом на море.

И все еще не верится: неужто это случилось, и мы прилетели?..

«Разбивается чаша утра...»

Выехали в свое первое испанское утро. Ну не верится – и всё тут. Место кажется южным уголком Крыма или Кавказа, и что-то все-таки не то. В кафе рядом с отелем заказали кофе и круассаны.

День оживал. Он обозначился необычным движением на

набережной, то есть на проезжей части дороги перед линией отелей. Прибывали фургончики, грузовички, легковушки. Разворачивались палатки, развешивались-раскладывались товары, продукты, овощи, фрукты. Подтягивались жители. Не старухи и не старики – ухоженные пожилые сеньоры и сеньориты. И наш брат турист – отдыхающие в легких одеждах. Оказывается, в пятницу здесь ярмарка товаров. Чего только нет! От размеров, красоты и яркости разложенных фруктов и овощей балдеешь. Пройти невозможно, чтобы не остановиться, не притронуться, не погладить и... хоть что-то да не купить. И накупили мы всего по чуть-чуть.

(Забегая вперед, следует заметить, что с трудом оприходовали это «чуть-чуть» к концу десятидневного пребывания. Фруктов хватало с лихвой в бесконечном ассортименте шведского стола. Шведский стол поражал таким изобилием, перед которым бы и Гаргантюа остолбенел. Все хотелось попробовать, приходилось гасить разумным предостережением: не обжираться. И хотя ела по ложечке, но этих порций «по ложечке» набиралось предостаточно. Между тем никаких осложнений и изжоги, и даже голова почти не болела, отчего дома страдала каждый день. Мы быстро пресытились, да и не успевали проголодаться от завтрака до ужина, поскольку перехватывали в кафешках или лакомились мороженым.)

Рыночное многообразие товаров – этакий китайско-испанский ширпотреб – манило, притягивало, пока не превратилось в неразличимую однообразную массу. Азарт любопытства сам собой сошел на нет.

Гуляли по набережной. Это пролетающие вагончики электрички, десятки велосипедистов, местное население с разномастными, в основном мелкими, собачками, семьи с детьми и отдыхающие. Ни толчеи, ни пьяных, ни свор бездомных животных. Курортный праздник вольности, размеренности и удовлетворенности.

Удивились, когда увидели, насколько оперативно и несуетливо, как в кино, очищалось все пространство набережной от

лотков и мусора. Тут тебе уборочные агрегаты и машины, целая армада работников в спецжилетах. Через час – ни намека на то, что тут утром происходило!

Ла Пинеда

На другой день пошли знакомиться с окрестностями нашего селения Пинеда де Мар.

Отправились по улочкам Ла Пинеды.

И тут должна сделать вывод: порой мое состояние напоминало взрыв, будто вылетела пробка из бутылки с шампанским. Зажатость, ставшая ощущением, с которым привыкла существовать, вдруг отступает, испаряется – и ты взрываешься в это такое душевное поднебесье, где каждая твоя клеточка вопит от удивления и неожиданности. Все, что ты представлял умозрительно, по кино, картинкам или видео, вдруг становится осязаемо доступным.

Так вот, второе утро встретило открыточно-лаковой небесной чистотой. Со всей щедростью предлагают свои сокровища сувенирные магазинчики первых этажей отелей, зданий. А если посмотреть в расходящиеся улочки на пересечении их с магистральной «торговой», то сразу перемещаешься в прошлое. Улицы-проулки выглядят каменными реками живой истории. Все дома не выше двух, изредка трех этажей, один на другой не похожи, но едины в своем стиле: балкончики с витыми какими-то вензелями, цветами в кашпо. Вход обычно уведен в нишу: чугунная решетка, за ней аккуратные ступенечки и дверь с натертым медным вензелем либо ручкой звонка. Возникало детское желание дернуть за эту ручку.

Вместо асфальта – единое сверкающее полотно плитки с орнаментом. Вдоль пешеходных тротуаров – небольшие столбики ограждения в виде булав. Каждый балкончик дома – сам по себе произведение искусства. При этом с некоторых свисает национальный желтый флаг с четырьмя красными поло-

сами. Патриоты. История борьбы каталонцев за свою независимость – это не моя история. Я гость, любопытный и жадный до их простой и такой красочной жизни.

Пройдя один кварталчик, кажется, стерильно вымытый, попадаешь в другой такой же. Прогал улиц открывает не столь уж далекую панораму зеленых холмов. Вечерами они маняще вспыхивали огнями жилищ, расположенных террасами.

Местных жителей угадываешь сразу – по экспрессивному разговору, эмоциональной жестикуляции. Но все больше неторопливо вышагивают туристы. Совершенно черные, мулаты, миниатюрные японцы, китайцы, арабы – каких только рас не встречалось! С детьми и без, молодые парочки и пожилые, но по-современному удобно экипированные: в кроссовках и шортах, в бейсболках или панамах, с фотоаппаратом или камерой. Что одинаково, так это спокойно-умиротворенные взгляды. Отовсюду разная языковая речь. И до чего приятно услышать русскую: человек воспринимается почти родственником.

Испанская сентябрьская теплынь с бодрящим дуновением напоминает нашу августовскую благодать: небо бездонно-высокое, солнце не палит нещадно.

Вот так мы и осваивали новое пространство: Роза Федоровна – на скутере, у нее «на запяточках» – Даша, и я в коляске, которую катит Таня.

«Каталуния»!

Прежде чем попасть на центральную площадь Барселоны, название которой произносится как «Каталунья», нужно попасть в саму Барселону, а для этого купить билет, угадать адаптированный вагон, доступный для въезда коляски, постараться быстро форсировать этот въезд, а потом оказаться в метро Барселоны, найти выход на поверхность, поскольку везде эскалаторы, а у нас свой транспорт. И вот, наконец, найден лифт – и мы все четверо, опять же, как та

пробка, взлетели вверх. Отворилась дверь кабины – и... о чудо, о восторг!

Гигантская площадь с радиально расходящимися в разные стороны улицами. Необычные строения, архитектурно неповторимые дома по всей окружности площади – и бессчетная масса людей! Не толпа, а просто масса! Здесь сошлись все и вся. Взгляд выхватывал лица удивленные, восхищенные, любопытные, вглядывающиеся и редко – равнодушные. Все на подъеме, улыбаются, что-то обсуждают. И хотя день не совсем задался – сеял мелкий дождь, а мы, разумеется, без зонтиков (куда же их прикрепить к коляске или скутеру?), мы попали в ликующий, переполненный город.

Проспект Рамбла, его центральная улица, как волна, несла нас к площади Колумба и к морю. Средиземному морю! Она была выложена плитками в виде волн, так что казалось, будто сам плывешь по качающим тебя волнам – чисто зрительный эффект. Со всех сторон мимо тебя, с тобой вместе – представители разных народов: в сари, чадрах, чалмах, европеизированных, хиппующих – разных. По берегам, то есть по сторонам этой многокилометровой улицы-проспекта, – сплошным потоком лотки, павильоны, кафе, живые фигуры. Кругом цветы, южные деревья – и обволакивающий запах близкого моря. Волшебный запах!

Бездна сувенирно-открыточно-книжных, цветочных, сладких павильонов. Все зазывно манят. Выставлены меню испанских блюд тут же расположившихся кафе, в которых посетители за столиками пьют испанские вина. Между ними ловко и быстро снуют испанские официанты... Господи, что со мной: в Испании испанским всё и быть должно!

Как профессор Плейшнер из сериала «Семнадцать мгновений весны», мы, по крайней мере я, расслабились. Я только боялась на кого-нибудь из текущей мимо толпы наехать. Дашке претила малая скорость, но грозный мамин окрик возвращал ее в наши ряды. Девочке трудно было воздержаться от опрокинувшихся на нее соблазнов, и время от времени звучало жалобное: «Мама, купи!»

На колясках – море людей! И молодых, и старых, и с горящими глазами, и с болезненно потухшим взором.

Чтобы передохнуть, везде скамьи, кресла – так что есть полная возможность неспешно прогуляться по центральному, всех собирающему проспекту Рамбла.

«Доплыли» мы и до памятника Колумбу, но не поехали дальше, хотя недалеко уже находились от знаменитого океанария «Аквариум». Время неумолимо приближалось к вечеру, и мы поспешили к своему лифту на площади Каталония. Из безграничности и свободы спустились в метро.

К электричке с нужным нам вагоном опоздали и просидели в ожидании следующей три часа! Мимо, мимо, мимо шли, сновали, торопились все те же люди, но это был народ спокойный, деловито озабоченный. Много раз, видя нашу группу, предлагали помочь – занести коляску и скутер в вагон. Но мы резонно рассуждали: а кто нам поможет на месте? И упорно оставались на своем посту. Необычно для места выглядела Роза Федоровна, которая уютно и деловито взялась за починку надорванного рюкзака: ее это, видимо, успокаивало. Испугались ли мы, что надолго застрянем? Нет! Все равно ведь окажемся дома. Домом для нас уже стали наш отель и наша Пинеда.

Приключение никоим образом не смазало впечатление и не отвратило от страсти к дальнейшим путешествиям.

Приятные открытия заключались в приземленном и бытовом факте: везде и всюду туалеты для инвалидов – в любом кафе, в любой забегаловке. Удобные, комфортные. А еще в наличии на всех улицах объездов и заездов. А еще в тактичности водителей, показывающих жестом: проходите, мол, подождем. И в приветливых взглядах прохожих. Я уж не говорю о продавцах, работниках баров и кафе.

Чего не хватало? Времени! Возможности ринуться во все улочки и кварталы! Если бы ходила, непременно бы прошлась по ним, заглянула всюду, приоткрыла бы для себя их манящую

тайну и неповторимые особенности. Так что приходилось при-
струнивать прямо-таки прущие из тебя желания.

Фламенко

Следующим проявлением «синдрома взорвавшейся пробки» стала поездка на фламенко.

Дорога в предзакатное время с крутыми поворотами между коридорами скал, гор, холмов. Необычная белизна, выслепленность аккуратных, как кирпичик к кирпичику подобранных домов.

Электричка в Барселону шла вдоль берега, а здесь мы устремились к горам. Мягкость холмов, рощицы из незнакомых мне деревьев в игре уходящего света. Иная природа, иная разбросанность селений, спускающихся ступенями горных террас. Наконец показались огни настоящего города – Жероны. Поворот за поворотом, светофор за светофором – и перед нами сверкающая огнями пирамида казино.

Фламенко – это танец и это стиль. Это и театр «Фламенко», где не только танцы, но и песни, и музыкальные номера. Но прежде – наше остолбенение перед красками и формами зала. Красное с черным – пол и потолок. И только скатерти – белоснежные. Пол и потолок – с небольшим наклоном к сцене. Некая иллюзия раковины, створок ее, в которой жемчужинами казалась утварь на столах – бокалы, бутылки с вином. Народ ручейками – вероятно, по мере прибытия автобусов из всех городков Коста Брава – вливается в зал. Вышколенные официанты и распорядители – в черном, с гладко зачесанными блестящими волосами – стремительно рассаживают прибывающих, тут же расставляют тарелки с какой-то национальной едой.

Когда зал наполнился (а это восемьсот человек!), погас свет, отошел занавес – и началось само действие. В темноте, энергично, пылко, неистово. Темпераментный баритон исполнял

номера из репертуара Паваротти, Каррераса, народов мира, стараясь отвечать интересам собравшихся в зале людей разных национальностей.

Танцоры показывали поистине чудеса ритма, эмоций. Мелкая и частая дробь каблуков воспринималась не как уникальная дрессура и вышколенность, а именно как вибрация чувств, вложенных в музыку. Сюжетное строение номеров передавало состязательное наступление, в котором каждый развивал что-то свое. При этом не пропадала ни индивидуальность, ни общая гармония. В степе, в танце пытались артисты выразить и показать боль души, нечто подлинно испанское – страсть на разрыв. И мелодия гитарного сопровождения рвалась и казалась самостоятельным и неуправляемым живым существом. Смотреть, слушать – и оставаться при этом всего лишь созерцающим зрителем было просто невозможно. Тебе передавалась эта экспрессия, зажигалась в душе так же неистово и отчаянно.

Дашку, одетую в красное платье и красные туфельки, с красной ленточкой в волосах, заметили: время от времени она срывалась со своего места и танцевала между столами под одобрительные аплодисменты публики. Под самый конец представления ее пригласили, показали несколько движений, и она вместе с особыми любителями фламенко танцевала на той же сцене!

Два часа в ритмах фламенко пролетели на космических скоростях. Тихо, боясь расплескать свое состояние, мы уселись в такси, которое было за нами послано, и отчалили восвояси. Хотелось молчать. По мере приближения к дому сердце сбавляло обороты, чувства успокаивались.

Мы спали с открытым балконом, и морской воздух оказывал свое реанимирующее воздействие. Проснулась обновленной и посвежевшей. Впереди поездка в «Аквариум» и обзорная экскурсия по Барселоне.

И каждый вечер – прогулки по набережной. Променады по прекрасной дорожке, подсвеченной огоньками, с горящими

фонарями. По одну сторону причудливые, сверкающие лиственной деревья с неестественно вздыбившимися и громоздящимися корнями. А по другую сторону песок, перевернутые лодки, море. Как на картинах советских модернистов, Петрова-Водкина например, стайками по вечерам усаживались на эти лодки ребята – мальчики и девочки. И море мерно шелестело о песок, о гальку. Когда выдавался лунный вечер, в волнах играла чешуйками света лунная дорожка. В прибрежных кафе тихо звучала музыка. Все вместе создавало некую кантилену созерцательного и благодарного настроения.

Вот так коряво пытаюсь передать свои ощущения. О чем-то говорили, о чем-то думали, но все успокаивалось в этом свете, этих звуках, этом неспешном движении. Хотелось просто слушать мерный шум моря, вглядываться в непроглядную темень с изредка проблескивающими огоньками бесшумно проплывающего по ней самолета.

Всему свое время

...Опять утро. Вокзал. Ожидание нужной нам электрички с адаптированным вагоном для коляски, на которой попеременно находилась то я, то Роза Федоровна, и скутера, также периодически менявшего седоков. Внутреннее волнение: успеть, угадать к входу в этот вагон, чтобы не создавать толчею, никого не задеть колесами своего транспорта. Видимо, и Тане было не просто совладать с «погрузкой и выгрузкой» двух инвалидов.

Даша исправно информировала о том, идет «наша» или «не наша» электричка. Плоская, прямая «морда» первого вагона – поезд старого образца, скошенная под 45 градусов – новый. Наш впередсмотрящий во всеуслышание возвещал: «Тупой!» – и мы оставались в относительном спокойствии.

Наконец возглас Дашки: «Наша!» Подстраиваемся под предполагаемый третий вагон. И все равно у меня не обходилось

без этакого страха, без угрызений совести, когда наезжала на Танины или чьи-то еще ноги. Было беспокойно, пока не оказываешься внутри вагона. Зато уж тут впериваешь взгляд за окно, на пробегающие селения, но больше – на берег, море, волны, валуны, скалистые карьеры...

Каждый раз, стремясь вновь оказаться в Барселоне, хотелось ехать медленно – задерживаясь, осматриваясь, вбирая, смакуя. Не выходило. И в городе, как щепки, нас несло многоязычное и многоголосое людское течение от площади Рамбла до памятника Колумбу.

В тот раз нашей целью был «Аквариум». С трудом представляла себе, как это надо мной будут плыть косяки рыб, и акул в том числе.

Подъехали, послали Таню разузнать, где, откуда и как заезжать, Наш Сусанин указал нам путь куда-то в тоннель, по которому беспрерывно курсировали экскурсионные автобусы. Узенькая тротуарная тропка была для нас отнюдь не безопасной, да и шла она в гору. Я – на скутере, Роза Федоровна – на коляске, которую таранила вручную, силой собственных мускулов. Таня с дочкой шли, не оглядываясь, впереди. Мой «конь» непредсказуем: то ни с того ни с сего с места не сдвинется, то вдруг начинает в неподобаемых местах пятиться назад – того и гляди соскользнет с тротуара, а сзади тянет свой возок Роза Федоровна...

Взобрались, въехали, остановились у турникета перед кассой. Я на своем скутере застряла: он снова заартачился, не желая идти дальше. Пока нас со скутером выволакивали из турникета, сопровождающие наши едва не исчезли совсем. Рванулись мы следом, боясь потеряться. Лабиринты пандусов-спусков в коридоре живых аквариумов с разными морскими обитателями... Гроты, рыбы, рыбешки от почти моллюсков до величиной с дирижабль. Но все это проплывало мимо, холодно, остраненно, не вызывая никаких эмоций, кроме одного – скорее вырваться, попасть на солнце, выбраться из этого кишачего рыбами sklepa. Так что наше впечатление от чудес

«Аквариума» оказалось нетипично, неоправданно скромным.

Оказалось, что попасть внутрь можно было гораздо проще, легче, без нервного и душевного напряжения. В общем, сделав дежурные снимки и вырвавшись на уже родной бульвар Рамбла, мы словно скинули с себя напряжение. Не могли проехать мимо уличного открытого кафе, в котором ловко сновали официанты-арабы. Голодные, мы заказали паэлью, пиццу, что-то еще. Если учесть их порции, то нам вполне хватило и наесться, и взять с собой, что весьма пригодилось в поездке на следующий день.

Слава богу, обошлось без дождя, вовремя оказались в метро, благополучно вернулись к роскошному ресторанному ужину. Запомнился, однако, этот день нервозностью и досадой наподобие детской обиды, когда непонятно, за что так с тобой обошлись, по сути, отравив вылазку во всемирно знаменитый океанариум. Возможно, чего-то главного мы и не увидели, взирая наспех и по верхам.

Еще одно путешествие в Барселону – запланированная автобусная экскурсия с гидом, с погружением в историю Испании, в королевские интриги и личную жизнь знати, в борьбу за самостоятельность и независимость. С высоты автобуса и из-за того, что скутер был поставлен параллельно заднему окну, открывающаяся панорама представляла рельефно, со всех сторон, словно в формате 3Д. Невероятная, обалденная красота! Горы, покрытые деревьями, кроны которых напоминали кочаны зеленой капусты, – с одной стороны. С другой – безбрежность моря, прямо-таки парящего в яркой солнечной дали. Дороги – словно только что вымытые. Тоннели, дома, промышленные строения – все настолько чистое, прибранное, как на праздник, так что сам настраиваешься на праздничное восприятие.

По каким кручам взбирались мы в парк Гуэля, возведенный Антонио Гауди! Слева, за живым бордюром кустарника – террасами уходящая вдаль панорама города, сказочно-игрушечная, как на открытке. Справа – стена скалы. Да не просто стена –

стволы, корни, кроны древних деревьев, выбитых в скалах. Скал-деревьев. А на самой верхотуре – дворец и живой роскошный парк. Гаревая дорожка, громадные шары, непонятно из какого камня сотворенные, аллеи пальм, кустарников, неведомых деревьев – и все это в сверкающих гирляндах утренней росы... О чудо-скамьях и других сотворенных изысках фантазии архитектора не говорю.

Не хотелось покидать чудо-парк, однако ждали другие чудеса ума и таланта того же Гауди – «Саграда Фамилия», храм в центре Барселоны. Здесь вся история веков, история религии. Каждую сторону храма – как сказку сказок – хотелось рассматривать скрупулезно. А он все строится и строится, уже не одно столетие. Обещают завершить к 2036 году. Не доживу, но ведь кто-то же и дождется.

Наконец еще одно удивление – гора Монжуик. Фуникулер с горы видели, когда были на побережье, и тогда возникло ощущение, что он соединяет море с поднебесной высотой. Стоило взмыть вверх – и море, порт, корабли со смотровой площадки стали тоже казаться открыточными и открытыми обзору: смотри, любуйся...

День отъезда был долгим, сумбурным. Он вобрал в себя и последний вояж по центральной улочке Пинеды, и прогулку на берег моря – попрощаться с ним! – и путь в аэропорт, и невязку с посадкой. И вот уже родной аэропорт, квартира, которая «из золотушной» превратилась в «золотистую»! (Так написал Валерий Савин, мой московский друг, поэт-переводчик, которого не стало три года назад.)

Я дома, идет время, суета и заботы берут свое, но душа хранит всё.

Каждую мини-картинку из путешествия можно развернуть в микроновеллу – благо услужливая память готова подсказать детали, от которых душа замирала. Как прибрежные гальки, брошенные в воду, играют и отсвечивают в преломлении воды

и света, так начинает играть и ощущаться заново каждый оттенок всего, что вошло в тебя и обосновалось там.

2014 г.

В ту же реку...

Истина известного изречения, что дважды в одну и ту же реку не войти, справедлива лишь отчасти. Войти! И острота встречи с «рекой» будет той же.

Ровно десять дней с момента возвращения из Калеллы, из Коста-Брава, из Каталонии... Все одно и то же – из Испании! Поэтому все еще основательно, всем своим существом не почувствовала реальную почву под ногами, ее деловую основу и деятельный посыл. В общем, прекраснодушничая. Каждую удобную минуту возвращаясь, ускользаю – пусть мысленно, но весьма ощутимо! – в солнечную растворенность этого края. Тем более что, вернувшись, вся – сверху донизу – закутана в пледы и до полуночи не могу отогреться.

При таком контрасте невольно ностальгически обращаешься к совсем недавнему.

О том, что пролог поездки один к одному совпадал с прошлым годом, говорить не стану: болел глаз, непорядок с аппаратами – отсюда и страх, как бы не подвели, не сломались. И хотя знала, что все в Испании приспособлено под наши инвалидные нужды, новое место пугало непредсказуемостью. Однако, как щепка, попавшая в водоворот, понеслась, не предаваясь особенно долгим раздумьям. Тем более что со мной был внушительный отряд соплеменников: Роза Фёдоровна – мой спутник по Пинеде, жена ее племянника со своей одиннадцатилетней дочкой и мой нынешний «поводырь» Оксана. Так что нас пятеро – не пропадем.

Не обошлось без маленькой заминки по прибытии в аэропорт Барселоны: с борта не сообщили о прибытии двух коля-

сочников, а поэтому нас не встретили служащие порта. Пока мы мыкались в поисках выхода по терминалу, боялись, что автобус уйдет без нас.

Оксана разыскалаходы и выходы. Поехали. Слава богу, день – и всё видно за окном. Гид – знакомый, а у меня ощущение, будто всё вижу впервые.

Дорога – петля за петлей, курортные и сельские местечки, узкие улочки, крутые спуски. Что за местечко такое – эта Калелла?

Наконец показалось подобие города, отели, плотно сбитые один к другому, высокие строения, башня – неперменный атрибут старинной постройки в каждом городе. Полукруг синне-белого нашего отеля «Миритим» внешне впечатляет, но внутри ждет легкое разочарование: все какое-то мелковатое, камерное и... нет того, прошлогоднего радушия. И номер-то невелик, и балкон крошечный, и вид-то на хозяйственные постройки. Чтобы увидеть сбоку сквозь листву кусочек вожденной морской синевы, надо изловчиться. Квадрат стен соседних отелей – и всё. Но мы же не будем в этом номере находиться постоянно! А потому, не предаваясь разочарованию, рванули на улицу.

И тут – те же реалии, как в прошлом году. Кругом, куда ни посмотри, – кафе, ниши в домах – со всяким пляжно-сувенирным содержанием, с зазывалами, с зеваками вроде нас. Глаза разбегаются.

Но голова устала от пятичасового перелета, перехода в другой часовой и климатический пояс, в калейдоскоп ожиданий и впечатлений, душа рвется на море.

Маяк

Прочла в Интернете: маяк – достопримечательность нашего городка. «Не для меня», – решила про себя, а потому не искала встречи с ним. Он нашел меня сам.

Вечер благоприятствовал гулянию вдоль моря по набережной. В памяти сохранилось впечатление о крымской набережной: белый парапет с частоколом фигурных «булав» и чашами цветов. Перед ним широкая полоса асфальта с бордюрами цветов и утопающими в них лавочками. Кипарисы, зелень, помню откуда-то доносящуюся музыку и вальжно дефилирующих отдыхающих. А где-то за белизной парапета – темное ни-че-го. Казалось, там и вправду нет ничего.

Другое дело – здешняя набережная, соединившая в себе прогулочно-променадную часть с функциональным назначением. От железнодорожной колеи, по которой время от времени пролетает электричка, отделяет кустарниковый барьер, за ним скрыта сетка. Сама набережная – это несколько полос. Одна – цивилизованно-асфальтовая, со столбиками по бокам фонарей и самими фонарями, с аллеей платанов: у них пятнистая кора, как шкура у жирафов. Рядом утрамбованная песчаная аллея и тоже пунктиром небольшие ограждения из блоков. А уже за ней – пляж, уходящий в море. И это море постоянно чувствуешь – запахом, шорохом, мерным накатом.

Так вот, по этой как бы двухполосной набережной постоянно бегают физкультурники разного возраста и калибра – от стайки школьников до бабушек-дедушек, от жилисто-тощих до безразмерных сотрясаемых телес. Тут же хозяева с собачками на поводках, и порой непонятно, кто кого выгуливает. Хозяева – начеку. Стоит собачке оправиться, тут же все подбирается и бросается в урну. И чистота, и порядок, и тишина, без тьяканья и лая (всех).

Вот в один из таких вечеров мы влились в толпу «прогульщиков» по набережной. С наступающей мгновенно темнотой

зажглись светильники на земле и высокие фонари. Листья платанов в их свете казались неестественно декоративными. Небо загустело, высветив звезды. Обрела яркость луна, образовав почти реальную дорожку в море. Вот тут-то я и обратила внимание на другую дорожку – уже дальше от берега, пульсирующую ровно и постоянно. На высоком выступе скалы посылал свои позывные маяк. Тот самый, о котором читала. К нему вела вверх извилистая лестница. И Оксана отправилась знакомиться. Вернувшись из разведки, сообщила, что до маяка – идти и идти, а вверх проходит та самая дорога, по которой мы ехали. И что сверху пляж выглядит чем-то далеким и глубоким, словно в ущелье, переходящем в безбрежность водно-небесного простора. Я сама в этом удостоверилась, оказавшись в автобусе, когда повезли нас на очередную экскурсию.

Вроде бы несобытийный вечер, но именно он запомнился умиротворенностью и успокоенностью. Эту успокоенность вносило в наше растворенное во всем состояние и мерное мигание маяка.

Подобных променадов по вечерам было не так много: очень мы уставали от экскурсий и впечатлений. А я еще и от многочасового сидения в коляске. Старалась, правда, этого не выказывать. Если народ отправлялся гулять, я – с ними. Не хотелось возвращаться в закрытое пространство. Как прежде, на ночь оставляли открытым балкон. Вечерами в кафе на углу соседнего отеля пели, плясали, играла музыка. А по утрам, еще в темноте, во внутреннем двореке появлялись громкоголосые служащие, громко что-то обсуждали, что-то двигали, чем-то гремели. Хочешь не хочешь – просыпалась. Но просыпалась легко, как после глубокого сна, чувствуя, что отдохнула.

«Испанская деревня»

Очень мешало постоянное сравнение: а как было в Пинеде? Такие же улочки, аккуратные, чисто вымытые, прибранные, с

аккуратным пунктиром ограждений от главного, центрального проезда. Но более европеизированные, распахнутые магистрали с вызывными светофорами и съездами-заездами для колясок. Свои Арбаты со скамьями, платанами по обе стороны от прогулочного бульвара, выложенного цветной плиткой. И сплошь кафе-кафе-кафе. Хочешь – заходи внутрь, хочешь – располагайся за уличным столиком. Вечерами едва затеплившиеся фонари прибавляют романтический привкус всему, не только еде. Вино заряжает своей терпкостью, а вся атмосфера создает непередаваемое ощущение необычно-прекрасного, сладостно-грустного, почему-то несбывшегося, неосуществленного – у кого как, но непременно чего-то особенного, отличного от обыденного и привычного.

Подробно в деталях, с комментариями экскурсоводов все поездки я описывать не стану. Каждая – своя песня, своя картина из многих составляющих: путь к автостоянке, ожидание-предвосхищение, сама дорога и собственно место, куда направлялись. Складывалась некая мозаика из отдельных моментов – зримых, чувственных, информационных, а еще домысливаемых.

Все та же Барселона! Тот же дождь, что и в прошлом году. Все на тех же скоростях, бегом, без конкретной цели, в двухчасовой перерыв между экскурсиями вдохнули ее густой навар. Мчимся мимо дразнящих разной разностью киосков, мимо живых фигур, вокруг которых всегда толпы, – и назад, к автобусу.

Все в гору, все выше, все зеленее, цветистее, все разряженнее воздух – и вот она, та самая «Испанская деревня». Экскурсовод рассказывает про историю военных осад, борьбу религий, страх перед очередным вторжением иноверцев и противников, и готовность к отражению атак. Яркое, чистейшее невозмутимое небо начала сентября, мягкое солнце – и стены башен, дома с цепями... Даже сам орнамент вокруг окон несет на себе печать времени. Будто вот-вот оживут фигуры тех веков. Квадрат площади – место, на котором проходили съемки

знаменитого фильма «Парфюмер»: именно здесь состоялся суд над героем. Все это объединилось: история, кино и день сегодняшний на площади в каре домов... Все идут дальше, поднимаясь на следующую площадку, а мы, кто в колясках, осваиваем ниши стен-строений: тут мастерские, там вина, мясные продукты, шоколад.

Каждое здание – из своего времени, у него своя история, свой стиль, каждое хочется долго рассматривать. А все вместе они воссоздают вечно действующую выставку градостроения, колоритную, экспрессивную. Удивляет ширина (вернее, ужина́) улиц-улочек. Дома один к другому, без прогалов, при всей массивности кажутся вознесенными к небу и парадно выстроенными. Тротуары между ними – асфальтовые, выложенные плитками или отшлифованным булыжником. Украшают эти коридоры нависающие над ними изящные ажурные балконы. На многих зелень, а то и яркий желто-бордовый, полосатый флаг Каталонии.

Посмотрели со смотровой площадки на порт, на корабли, на весь город – дымчатые кубики домов, квадраты кварталов с оазисами зелени, нитями аллей. Развернулась бескрайняя, цветная, но в основном белокаменная палитра Барселоны. Ощутила чувство голода по знакомству с ней и ее окрестностями. Не знаю, приеду ли я сюда еще, но тяга утолить этот голод очевидна.

Жерона

Осталась в памяти Жерона прошлогодняя, вечерняя, вся в огнях, столично-сверкающая. И тогда хотелось проехать по улицам, подышать этой вечерней экзотикой, но мы возвращались из «Казино» довольно поздно – и все промчалось, как кадры кино. В этот раз въезд в нее состоялся днем, после проезда по многим курортным городкам. После двухчасового автобусного пути мы в Жероне. Как всегда, поражающая почти

утренней свежестью и чистотой окрестность. Именно курортная, то есть всё для отдыха, а не скучного ожидания. Все продумано.

Тут же, на автобусной площадке, заветные комфортные модели с буквами «М» и «Ж» и с торца с опознавательным знаком инвалидной коляски.

Почти сразу оказались на дуге дощатого моста через реку. Хотя, если честно, она никак не вписывалась в мое представление о реке – так, какой-то широкий и извилистый ручей с камнями, осокой, рыбами, спокойно себе плавающими. Но если смотреть вдоль по течению – там нависшая над ней сплошная стена, единая цепь домов, стоящих плотно, один к одному.

Переехав и перейдя через мост, прослушав гида, отправляемся по крутой брусчатке на ступенчатый пьедестал к церкви. До нее девяносто или сто две ступени четырьмя ярусами подъема. Но мы туда не можем. Включаем фантазию, оглядывая строения с узкими оконцами, похожими на бойницы, в окладе каменных, вылепленных, а потому незакрываемых ставен. Вензеля на домах – видимо, гербы жившей когда-то знати. Высокие стены образуют улочку, не совсем обычную, а из булыжника, уложенного гранями, составляющими некий орнамент. Эта каменная речка, как ручей, стекает вниз с верхотуры, от церковного, венчающего город сооружения. Вдоль самих домов – узехонький тротуар, по которому двое пройдут разве что боком. А между этими тротуарами иногда проезжает машина, так что нашей коляске приходится вплотную прижиматься к придомовой «тропе». Веранды, балконы все те же, ажурные. Где с бельем, где с флагом, с цветами, зеленью. На первых этажах рекламой заманивают салоны, бутики, ремесленные мастерские. Купила несколько небольших настенных тарелочек в майолике, напоминающих по величине кофейные блюдечки. Не обошлось без ликера, шоколадных наборов, настоя на травах. Сняв перед покупкой винные пробы, почувствовала, как голова окончательно пошла кругом.

Но вот спустились с крутизны, хорошенько попрыгав в коляске по ребрам булыжника. Мы внизу. И на тебе – роскошь улиц, больших строений, открытых витрин, машин, толпы людей. Все это настолько контрастировало со средневековой зажатостью верхотуры! Именно внизу вспыхнуло прошлогоднее, вечернее, освещенное рекламой, фонарями впечатление. Между тем время поджигало – и снова мост, и дорога в Фигерас, в Дом-музей Дали.

Фигерас

... Так и хочется оставить бумажный пробел, равный временному. Начала записи осенью, в первые дни после возвращения, а возвращаюсь к ним 5 января 2015 года (!). Что совсем не означает такого же пробела в памяти.

Итак, дорога в Фигерас, к Дали. Весь путь делился как бы на две составляющие: история жизни, развития, становления самого художника – одна сторона, а другая – вот она, живая плоть природы, гор, ниспадающих долин, раскинувшихся поселений, картинно оживляющих пейзаж вне времени и столетий, вечный пейзаж, который лицезрел и в котором творил Сальвадор Дали. А рядом и именитые его друзья-товарищи, как Федерико Гарсиа Лорка или известный не менее драматург, критик, философ Жан Кокто...

Так что чудесным образом ушедшее время вплотную приблизилось. И когда мы оказались в доме-музее художника, на площади-пяточке – своего рода живой экспозиции его творений, возникло ощущение, что герой скромно куда-то удалился, оставив нам на беспристрастное обозрение себя в своих видениях и изображениях этих видений. Отсюда, похоже, и некая неловкость: пялишься на картины, наброски, эскизы, скульптуры, изыски фантазии в ювелирных украшениях, предназначенных любимой Галé, его музе – и все время возникает подспудное ощущение живого присутствия художника. Так

что просто смотрела, вбирала безоценочно, не припечатывая расхожим «понравилось – не понравилось». Либо тебе хотелось смотреть (угадывать, узнавать), либо завораживало, удивляло, но только не проходила мимо, скользя равнодушным взглядом. Поэтому, наверное, от столь «непомерной» нагрузки голова отяжелела. От скульптур, архитектурных сооружений, от башни музея с прозрачной шапкой купола, от живописных, карандашных картин и бижутерии, от шедевров фантазии и красоты. В конце концов, когда оказалась на улице, в ярко-синем теплом осеннем дне, окружающая реальность невольно размылась, и весь обратный путь обратился в переваривание увиденного.

Саграда Фамилия

Еще одна страничка – самостоятельное путешествие в Барселону, в храм Святого Семейства, Саграда Фамилия, выстроенный, нет, рожденный гением Гауди храм. Предварительное знакомство по книгам, а потом прошлогоднее впечатление от внешнего его вида подготовили к дальнейшему, сегодняшнему шагу: я должна увидеть его изнутри. Без организованной экскурсии, на электричке, до которой пешком добирались с полчаса поутру, а затем на метро прибыли на площадь. Вот пишу в последовательно-событийном порядке – и исчезает аромат, сопровождающий каждый миг, каждое движение: неизвестность – поиски и ожидание (но отнюдь не страх и не ступор), мотание на коляске то вверх, то вниз, в кабинке лифта, ожидание «моей» (то есть с вагоном для инвалидов) электрички, сама поездка и глазение вокруг да около, наше выныривание на поверхность, в солнечность.

Наконец вот он, вознесенный храм, каменная фантазмагория сотен библейских сюжетов, связанных воедино сюжетно, идеей, мыслью. А внизу под этой громадой – живой периметр жаждущих оказаться внутри. Толпа по квадрату кварталов движется с определенной скоростью. Зная о наших инвалид-

ских привилегиях, едем-едем к входу, поднимаемся по довольно-таки крутому пандусу и...

Честное слово, словно мороз по коже... Строгие и в то же время стройные, изысканно высеченные колонны с расходящимися вверху цветами-плафонами, излучающими расходящийся лучами свет. А с хоров откуда-то, как из поднебесья, звучит хорал – то ли Вивальди, то ли Баха, то ли кого-то еще из великих. Пытаешься что-то понять, представить, соотнести с образом Гауди, с его подвижничеством и служением идее и творческому зову, но своего рода идеологическое осмысление пришло после, а пока – только удивление и восхищение! Мы куда-то поднимались, спускались, продирались сквозь толпы людей почти в сомнамбулическом состоянии.

Выезжаем за пределы Саграды, проезжаем квартал и оказываемся в прелестнейшем сквере. Устраиваемся перед чугунной оградкой у пруда. Гаревые дорожки, стена кустарника, деревья, неподалеку аккуратная колонка с водой, биотуалет, скамьи. По дорожкам вольготно разгуливают зеленые попугаи, похожие на наших голубей, только миниатюрнее и со своей бормотней. Сказка, одним словом, которая время от времени оживает в памяти почти осязаемо.

Разложили мы прихваченные с собой бутерброды, воду – едим. А чуть в отдалении от нас, но во всей своей неповторимости – Саграда Фамилия, строение на века. И наша трапеза не снижает пафос – она только чуть-чуть перевела впечатление на бытовые рельсы.

А перед глазами – дорога...

Между вояжами, выездами, высадками шла обычная наша праздная жизнь. Обильные завтраки, когда не знаешь, что же выбрать, чтобы попробовать всего помаленьку. Под конец уже все знакомо, и уже не хочется ничего. А далее – путешествия по улицам, по магазинчикам, по набережной. Народ из мое-

го окружения старается ухватить кусочек средиземноморской благодати. Я же остаюсь на побережье: до моря по песку не доехать. Только смотришь, да запахи ловишь, да принимаешь солнечные «ванны», да таращишься на мимо идущих, бегущих, бредущих. Далее – обед в каком-либо кафе. Затем у каждого свой выбор: в номер, наверх, на крышу, в джакузи, на море... Но жить пристегнутым к отелю скучно и неинтересно. Поэтому стремимся ездить.

Хорошо, когда приезжает автобус с уже знакомым водителем Рафаэлем. Он старательно «стреноживает» коляску в автобусе, пристегивая «замками» к полу, чтобы чего не случилось. Очень аккуратно опускает коляску на платформе и поднимает ее.

Нельзя было не посетить Диснейленд в Салоу, своеобразный парк разных частей света. Тут тебе и китайский, и японский материки, и африканские оазисы, и американский материк, и Север. Передвигаться на коляске сквозь лабиринт дорожек, тропинок, магистралей сложно: где-то в гору, а где – несешься, едва сдерживая прыть, под гору. Нашим сопровождающим, тем более ребенку, хочется побывать на разных аттракционах. Поэтому вместе с Розой Федоровной пытаемся осваивать материки самостоятельно, беспокоясь только о том, чтобы нас не потеряли. Роскошь зелени, бесконечность толпы, невероятное множество детей (это же в основном для них все сооружено), жара – все вместе утомило: видимо, возраст не тот и интерес другой.

Конечно, хотелось побывать и в других местах, но нутром чувствовала ограниченность условий и обстоятельств. Поэтому естественно, без сердечной боли от расставания – возможно окончательного – возвращались домой. Из теплоты и распахнутости Испании – в холодную осень Урала. Пришлось уже в самолете напялить припасенные плащ и кофту: как-никак на заре, когда приземлился наш «боинг», было всего 3°C. А там – плюс 27.

И все-таки возвращение домой оказалось желанным. Пусть холодно, пусть не роскошна природа (хотя у нас она также красива, но до нее еще как-то добраться надо), пусть быт оставляет желать лучшего, пусть утомляют иногда долг и обязательства, но все это и есть моя жизнь, моя работа и забота. А такой отдых, как путешествие в Испанию, – ожившая сказка, аромат прекрасных духов, который время от времени овеивает тебя и не дает задохнуться в быту.

Для кого-то поездки за рубеж – дань моде, желание не отставать от других. Для меня – тот глоток живого воздуха, который дал почувствовать, что я еще живу и способна видеть, чувствовать и ощущать полноту радости жизни.

И как ни оглядываюсь назад, а перед глазами – дорога. Так бы ехал и ехал бесконечно...

**ФОТО
АЛЬБОМ**

Детство

«Детство было хотя и не быстроногим, не игриво-безоблачным, но детством, когда малейшая тучка пропадает внезапно, пройдет дождь, такой же кратковременный, – и на небе всюду солнце...»

Юность

Над газетными полосами

1960–1970-е. Корректор в издательстве «Звезда»

А потом сложилась хорошая
журналистская компания –
редакция газеты «Вечерняя Пермь»

Рождение Общества инвалидов

Идет разговор о проблемах создания организации

**«Здравствуй»
в начале пути**

Оксфорд

В 1991 году побывала в Оксфорде, жила у такой же колясочницы. Увидев в ее квартире ряды книг для инвалидов, удивилась. И появилась идея создать не только газету, а издательство, в котором печатались бы книги для инвалидов

С коллегами и друзьями

Ей шли навстречу, ей помогали многие.
А она умела быть благодарной всем

Сегодня издательскому центру больше четверти века.
Он по-прежнему один такой в стране

Деловые заседания, добрые встречи

Заслуженный триумф.
На вручении премии
города Перми «Преодоление»

Поездки, путешествия

Неизменную радость приносила всякая поездка – близкая или далекая. Возможность вырваться на природу была каждый раз бесценным подарком судьбы

Испания

«Вот куда довела меня моя любопытная жадность!.. – писала она. – Для меня поездки – тот глоток живого воздуха, который дает почувствовать, что я еще живу и способна видеть, чувствовать и ощущать полноту радости жизни...»

Сподвижники, соратники, «товарищи по оружию»... Галина Дубникова – среди тех, кто с самого начала существования ВОИ боролся за права людей с ограниченными возможностями

Улыбка – ее внутреннее, ее
утреннее состояние: радость, что
новый день наступил, и надежда,
что всё будет хорошо...

A close-up photograph of water droplets on a glass surface, likely a window. The droplets are of various sizes and are scattered across the frame. In the background, there are blurred city lights, including a prominent yellow light and several red lights, suggesting a nighttime urban setting. The overall mood is contemplative and artistic.

**ВМЕСТО
ЗАКЛЮЧЕНИЯ**

Из дневника

... Чем чернее небо, тем ярче там мерцает одна звезда. Нет, она не мерцает, а горит!

Звездочка моя, самая светлая, не уходи туда, откуда тебя не видно. Будь подольше со мной. Мы с тобой обе одиноки и совсем-совсем одни. И вокруг тебя никого нет. Огромный, синий, во все края синий полог – и ты одна, такая яркая и такая беззащитная, трогательно сияющая...

Римма Сибаева

Памяти Г. Д.

... Что останется после меня?
Добрая память, стихи, друзья.
Газета любимая, «Здравствуй!» моя,
Счастьем наполнившая года.
Ни о чем не жалею, никого не корю,
Всем спасибо за всё от души говорю.
Ну, а я буду звездочкой в небе светить,
Чтобы ЗДРАВСТВОВАТЬ вам и счастливыми быть.

Светит нам в небе звездочка по имени «Галина Дубникова» – и, значит, мы не одиноки.

А счастливы ли – это уже зависит от нас самих. Эту мысль она внушала нам и словом, и всей своей жизнью.

Дубникова
Галина Александровна

Люблю просыпаться с улыбкой

О СЕБЕ И О ЛЮДЯХ –
в дневниковых записях,
стихах, газетных статьях

На вклейке – фотографии из личного архива Г. А. Дубниковой и
архива РИЦ «Здравствуй».

Составитель А. Зебзеева
Оформление А. Мельников
Корректор И. Мальцева

Подписано в печать 11.11.2019 г.
Формат 84x108/32
Тираж 400 экз.
Заказ № 440

АНО "РИЦ "Здравствуй"
г. Пермь, ул. Данщина, 7Д
Тел. (342) 270-14-05
e-mail: hellobook@mail.ru
www.printhello.ru